

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ АССОЦИАЦИИ
РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

РУССКОЕ №1(29) ПОЛЕ

2026
ВЫХОДИТ С 2010 ГОДА

ЖУРНАЛ ВЫПУСКАЕТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
ПОСОЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА
РОССИЙСКОГО ЦЕНТРА НАУКИ И КУЛЬТУРЫ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА

СОДЕРЖАНИЕ

 85 лет с начала Великой Отечественной войны	Обращение к читателям Чрезвычайного и Полномочного посла РФ в РМ О. Б. Озерова..... 3
 Воскресение	Борис Шаповалов. 1941. Вторжение 4
 Я твой тонкий колосок	Виктор Жосу. Молдавская традиция: между иллюзиями и реальностью 19
 Пушкинская горка	Олег Озеров. Детство и отрочество в деревне (отрывок из мемуаров) 29
 65 лет первому полёту человека в космос	Ирина Ремизова. А век идёт наискосок... 52
 Под небом Буджака	Ольга Назаренко. Космическая сила добра 57
 Дом Пушкина	Анна Дудогло-Харламенко. Восьмая нота Семёна Пометко – Любовь 62
 Забвению не подлежит	Ольга Батаева. Я знаю счастья ощущение... 71
 Поле притяжения	Алексей Петрович. Мгновения поиска 75
 40 лет катастрофе на ЧАЭС	Диана Федорович. Четыре ключа в кармане Марии 86 Людмила Щебнева. Наш первый ковёр 98
	Сергей Сулин. Чернобыльский репортаж 101

Casa mare

Ольга Белова-Далина. Она равна своим стихам 107
Яна Штроблова (Чехия). Стихи..... 113

Город
Детство

Ольга Соколова. Григориополь – родной дом 118

Поли-ART

Елена Узун. Свет жертвы в кошмаре «Бесов»
 Достоевского... 126

Мост

Павел Сушко. Авторские Мосты Мэрцишора..... 129
Марина Сычёва. Мост – символ единения 134

Чистый
ключ

Александр Реут. Волшебник слова 137

Жатва

Сергей Пилипецкий. Монография-альбом
 «Ирина Пресс: сценография, живопись, графика» 142
Марина Айдова. Ирина Пресс. Нити музыки 144

Graiul râinii
Голос хлеба

Штефан Сусай. Рассказы (перевод с румынского –
 Олег Краснов) 147

Зерна
и плевелы

Александр Левицкий-Камаев. Джеймс..... 151

Первый луч

Марина Русу. Рассказы 154

Учредитель и главный редактор: *Олеся Рудягина*
 Литературный редактор и корректор: *Ирина Ремизова*
 Художник: *Сергей Сулин*
 Вёрстка: *Людмила Дубровина*

E-mail: *olse6363@gmail.com*

ISSN 1857-1301

Отпечатано в типографии “Metrompaş”.

Перепечатка материалов – только с разрешения редакции журнала «Русское поле».

© Русское поле, 2026

Дорогой читатель!

Если ты читаешь эти строки, то, значит, держишь в руках новый номер журнала «Русское поле», который выходит в очень непростой для всех русских и русскоязычных жителей Молдавии период. Период, когда закрываются русскоязычные школы и детские сады, резко сокращен доступ к русской культуре и телеканалам из России, когда всё русское маркируется как «пропаганда» и «элементы гибридной войны».

Тем важнее неподкупное слово правды «толстого» журнала на постсоветском пространстве, твёрдо стоящего на позициях сохранения русского культурного кода – языка, православия, исторической памяти, традиционных семейных ценностей и связи поколений.

Причём журнал высоко держит и тематическую, и литературную планку, богат на разнообразие жанров и список авторов. Из актуального – материалы к 40-летию Чернобыльской катастрофы, история о которой сейчас во многих странах бессовестно перевирается, 65-летие первого полёта человека в космос – легендарного Ю. А. Гагарина. Не обойдена стороной трагическая дата – 85-летие начала Великой Отечественной войны.

Нашлось место и мемуарам, к чему приложил руку и Ваш покорный слуга, поэзии, литературной критике и малым формам – рассказам и эссе.

Журнал выходом своего очередного номера как бы говорит, что сохранение русского языка, культуры, истории, идентичности является предметом ежедневных усилий. Русский язык и культура – это не нечто раз и навсегда данное в работах классиков, а живое, постоянно развивающееся и растущее дерево, результат сотрудничества и благого делания огромного количества людей!

Низкий поклон редакции за её самоотверженный и подвижнический труд, без которого была бы невозможна 15-летняя история «Русского поля».

Посольство, как и прежде, будет поддерживать это замечательное издание своим авторитетом и делом подтверждать, что Россия всегда с вами, дорогие читатели и составители уникального альманаха!

Чрезвычайный и Полномочный Посол
Российской Федерации в Республике Молдова
О. Б. ОЗЕРОВ

БОРИС ШАПОВАЛОВ

1941. ВТОРЖЕНИЕ

Под таким названием в 2021 году вышла наша с историком и профессиональным военным Виктором Гайчуком книга. Это был 500-страничный сборник архивных документов, воспоминаний советских военачальников и ветеранов войны и авторских материалов к 80-летию начала Великой Отечественной войны.

Тогда прошли четыре республиканские большие презентации нашей книги, специалисты из различных стран её по праву назвали «серьёзным научным историческим трудом». Сборник заказали даже румынская Академия наук, библиотека Конгресса США и Российская государственная библиотека. Книга необычна тем, что авторы, впервые со дня начала войны, посвятили её только событиям 1941 года на территории Молдовы. Этот период являлся наименее изученным в молдавской исторической науке, что объясняется многими объективными и субъективными причинами.

Странным образом официальная молдавская правительственная пропаганда в Кишинёве выхода книги не заметила. Ну а с середины 2021 года, после прихода к власти нового политического режима, тема Великой Отечественной войны и участия в ней молдавского народа неофициально стала запретной. Вы можете представить свою супернаучную книгу о Великой Отечественной войне в Книжную палату Молдовы и будете годами ждать разрешения на её печать в какой-либо кишинёвской типографии.

Официально цензуры в Молдове нет. Но с 2024 года при желании издать книгу о подвиге молдавского народа в Великой Отечественной войне вам сначала скажут, что такой войны вообще не было, а в 1941 году бывшую советскую Молдавию не оккупировали фашистские полчища 11-й гитлеровской немецкой и 3-й и 4-й румынских армий, а они её, оказывается, «освобождали». Об этом даже в молдавских учебниках «истории румын» для 9 и 12 классов написано. А румынским «героям-освободителям» даже памятники стали устанавливать на местах бывших сражений. Так что часто в молдавских правительственных кабинетах можно услышать в свой адрес приблизительно следующее: «стыдно не знать об освобождении от советской оккупации, уважаемые господа-историки, доктора наук Шаповалов и Гайчук. Ваши книги не соответствуют «новому пониманию истории» и нарушают Закон о безопасности государства. В общем, оккупанты вы и дестабилизаторы со своей исторической правдой...»

Но мы-то хорошо знаем и видим, что молдавский народ в абсолютном своём большинстве совершенно по-другому видит и помнит даты 22 июня 1941 года, 24 августа 1944 года и 9 мая 1945 года. Он чтит победу своих отцов и дедов над фашистскими извергами.

Годы Второй мировой войны – сложный и трагический период в истории не только молдавского, но и многих европейских народов. С 22 июня 1941 года наши отцы и деды с оружием в руках воевали в рядах Красной Армии за свободу и независимость своей страны и в рядах армий стран антигитлеровской коалиции помогали европейским народам освободиться от фашистского порабощения, добить нацизм в его логове.

Воевали достойно и храбро. 391 тысяча граждан Молдавии участвовала во Второй мировой войне с оружием в руках в рядах Красной Армии (погибло 84 тысячи). Из них 268 тысяч – это этнические молдаване (погибли на фронте 69 400).

80 тысяч (каждый пятый!!!) из воевавших встали на защиту своего Отечества добровольно.

Более 250 тысяч за проявленные в боях мужество и героизм были награждены орденами и медалями. Из них 19 уроженцев молдавской земли стали Героями Советского Союза и 7 воинов – полными кавалерами ордена Славы. Мы помним эти имена и гордимся ими.

1. 1941 год – основные события и имена.

К 22 июня 1941 года на боевых позициях на советско-румынской границе была размещена группировка армий «Генерал Антонеску» – части 11-й немецкой (командующий генерал-полковник Ойген Риттер фон Шоберт), 3-й румынской (командующий генерал-лейтенант Петре Думитреску) и 4-й румынской (командующий генерал Николае Чуперкэ) армий и 2-й отдельный румынский корпус.

OSTAȘI! VĂ ORDON!

TRECETI PRUTUL!

„...Azi, a sosit ceasul celei mai sfinte lupte, lupta drepturilor strămoșesti și a bisericii, lupta pentru vetrele și altarele românești de totdeauna.

OSTAȘI, VĂ ORDON: TRECETI PRUTUL!...

...Înainte. Sa luptati pentru gloria Neamului. Sa muniti pentru vatra parintilor si a copiilor vostri. Sa cinstiti prin vitejia voastra amintirea lui Mihai Voda si a lui Stefan cel Mare, a martirilor si eroilor cazuti in pamantul veciniei noastre cu gandul intact la Dumnezeu. Sa luptati pentru desrobirea fratilor nostri, a Basarabiei si Bucovinei, pentru cinstirea bisericilor, a vietii si a caminurilor batjocorite de paganii cotoptitori.

a ne razbuna umilirea si nedreptatea. V-o cere Neamul, Regele si Generalul Vostru.”

ION ANTONESCU

ORDIN CĂTRE ARMATĂ

Ostași,
V'am făgăduit din prima zi a noii domnii și a luptei mele naționale, să vă duc la biruință.
Să țineți pata de desonorare din cartea Neamului și umbra de umilire de pe fruntea și epoleții voștri.
Azi a sosit ceasul celei mai sfinte lupte, lupta drepturilor strămoșesti și a bisericii, lupta pentru vetrele și altarele românești de totdeauna.

Vă ordon,
Treceți Prutul,
Sdrobiți vrăjmașul din Basarabie și Miază-Noapte.
Dorobiți din jugul roșu al bolșevismului, pe frații noștri cotoptiți.
Reimpliniți în trupul țării gila străbună a Basarabilor și codrii Voevodiei și Bucovinei, ogoarele și plaiurile voastre.

Ostași,
Plecați azi pe drumul biruințelor lui Ștefan cel Mare, ca să cuprindeți cu jertfa voastră, ceea ce au supus strămoșii noștri cu lupta lor.
Înainte!
Fiți mândri că voacurile ne-au lăsat aici straжа dreptății și zid de cetate creștină.
Fiți vrednici de trecutul românesc.

Ostași,
Veti lupta cot la cot, suflet la suflet, lângă cea mai puternică și glorioasă armată a lumii.
Îndrăzniți să vă măsurați vitejia și să vă dovediti mândria, camarazilor voștri.
Ei luptă pe pământul moldovean, pentru granițele noastre și pentru dreptatea lumii.
Fiți vrednici de cinstă pe care v'au făcut-o istoria, armata Mareșului Reich și neintrecutul ei comandant Adolf Hitler.

Ostași,
Înainte!
Să luptați pentru gloria Neamului;
Să muriți pentru vatra părinților și a copiilor voștri;
Să cinstiti prin vitejia voastră, amintirea lui Mihai Voda și a lui Ștefan cel Mare, a martirilor și eroilor cazuti în pământul veciniei noastre, cu gândul intact la Dumnezeu.
Să luptați pentru desrobirea fratilor noștri, a Basarabiei și Bucovinei, pentru cinstirea bisericilor, a vieții și căminurilor batjocorite de păgânii cotoptitori.
Să luptați pentru a ne răbuna umilirea și nedreptatea.
V-o cere Neamul, Regele și Generalul vostru.

Ostași,
Izbănda va fi a noastră.
La luptă.
Cu Dumnezeu înainte!
General Ion Antonescu, 22 Iunie 1941.

Общая численность вооружённых сил составляла около 500 тысяч человек, имелось 6 тысяч орудий и миномётов, 60 танков и 600 самолётов.

В состав 3-й румынской армии входили горный (1-я, 2-я и 4-я горные бригады, 8-я кавалерийская бригада, 7-я пехотная дивизия) и кавалерийский (частично моторизованные 5-я, 6-я кавалерийские бригады) корпуса. Но фактически на 22 июня 1941 года кавалерийский корпус был выведен из состава 3-й румынской армии и переподчинён 11-й немецкой армии.

В 4-ю румынскую армию входили 5-й румынский армейский корпус (1-я гвардейская дивизия, 21-я пехотная дивизия), 3-й румынский армейский корпус (11-я и 15-я пехотные дивизии, 1-я пограничная дивизия), 11-й румынский армейский корпус (1-я и 2-я крепостные бригады, 17-й пехотный полк, 1-й и 2-й моторизованные батальоны).

Румынский отдельный 2-й армейский корпус включал 9-ю и 10-ю пехотные дивизии и 1-ю группу морской пехоты (15-й, 16-й и 17-й батальоны).

Восстановленная государственная граница с Румынией после 28 июня 1940 года (в результате воссоединения Бессарабии с СССР) проходила с севера на юг от долины р. Тиса (Северная Буковина, Украина), далее – по восточному берегу р. Прут в Молдавской ССР, по устью Дуная вдоль Рени, Измаила, Килии, Вилково Одесской области (УССР).

Непосредственно на линии советско-румынской границы несли службу 97-й Черновицкий, 23-й Липканский, 24-й Бельцкий, 2-й Каларашский, 25-й Кагульский, на Дунае – 79-й Измаильский отряды пограничных войск НКВД СССР. К июню 1941 года основную часть государственной границы СССР с Румынией от г. Липкань до устья Дуная, протяжённостью в 540 км, охраняли пограничные войска Молдавского округа (начальник войск округа генерал-майор Н. П. Никольский). Далее к югу – соединения Одесского военного округа (командующий генерал-полковник Я. Т. Черевиченко). С ними взаимодействовала Дунайская военная флотилия (командующий контр-адмирал Н. О. Абрамов).

В Одесском военном округе был разработан план обороны государственной границы. Согласно этому плану на правом фланге округа от Липкань до Унген разворачивались 176-я и 95-я стрелковые дивизии 35-го корпуса. 30-я горнострелковая дивизия 48-го стрелкового корпуса (командир корпуса полковник Р. Я. Малиновский) находилась во втором эшелоне. Вдоль границы на данном участке были позиции 23-го (Липканского), 24-го (Бельцкого) и 2-го (Каларашского) погранотрядов.

176-я стрелковая дивизия располагалась на северном фланге 9-й армии на стокилометровом участке фронта Лопатник – Скулень. Дивизия прикрывала направление на Бельцы. Южнее, на отрезке Петрешть – Леово (примерно 120–140 км фронта) располагались части 95-й стрелковой дивизии. 30-я горнострелковая дивизия оставалась в резерве начальника района прикрытия. Штаб располагался в г. Бэлць.

Таким образом, в среднем на каждую советскую армейскую дивизию по границе с Румынией приходилось около 100 км участка границы. В условиях же военного времени обычно стрелковая дивизия занимает 8–10 километров фронта.

От Унген до Рени и далее по Дунаю до Чёрного моря и по побережью до Одессы оборона границы возлагалась на 14-й стрелковый корпус (коман-

дир генерал-майор Д. Г. Егоров) в составе 25-й, 51-й стрелковых дивизий и на 9-ю кавалерийскую дивизию. Здесь же действовала Дунайская военная флотилия и 25-й (Кагульский), 79-й (Измаильский) погранотряды.

Для объединения действий советских войск против группировки противника, действующей с территории Румынии, директивой народного комиссара обороны от 24 июня 1941 года был создан Южный фронт (командующий генерал армии Тюленев И. В.). В его состав вошли 9-я армия (штаб в Тирасполе), 18-я армия (штаб в Каменец-Подольске, Украина), 9-й особый стрелковый корпус (штаб в Симферополе), а также 55-й и 7-й стрелковые корпуса, 64-я авиадивизия, 88-й истребительный авиационный полк. Бельцкое, кишинёвское и одесское направления прикрывали войска 9-й армии (командующий генерал-полковник Черевиченко Я. Т.).

Небо Молдавии в июне – августе 1941 года в основном защищали 20-я (Котовск, Бельцы, Кишинёв, Тирасполь, Григориополь, Маяки) и 21-я (Одесса, Аккерман, Болгарейка) смешанные авиадивизии, которые принимали активное участие в воздушном сражении, а во втором эшелоне – 45-я смешанная авиадивизия, которая базировалась в районе Кировограда и за счёт удалённости от линии фронта практически не принимала участия в боевых действиях на территории Молдавии.

22 июня 1941 года румынская и немецкая авиация нанесла первые удары по территории Молдавской ССР, по городам Бельцы, Кишинёв, Болград и Кагул, по переправам через Днестр и по ряду железнодорожных станций. В этот день нанесли удары по железнодорожному узлу Кишинёва, казармам 95-й Молдавской стрелковой дивизии и жилым кварталам молдавской столицы.

Позиционные оборонительные бои на государственной границе длились десять дней. Затем под давлением превосходящих сил фашистских агрессоров началось вынужденное, медленное отступление советских войск вглубь страны.

Боевые действия против немецко-румынских оккупантов на территории Молдавии в 1941 году шли 53 дня, с 22 июня по 13 августа. В этих оборонительных боях проявили мужество и героизм воины Молдавского пограничного округа и 9-й армии Южного фронта. Многие из них были удостоены орденов и медалей, а шестнадцать солдат и офицерам присвоено звание Героя Советского Союза.

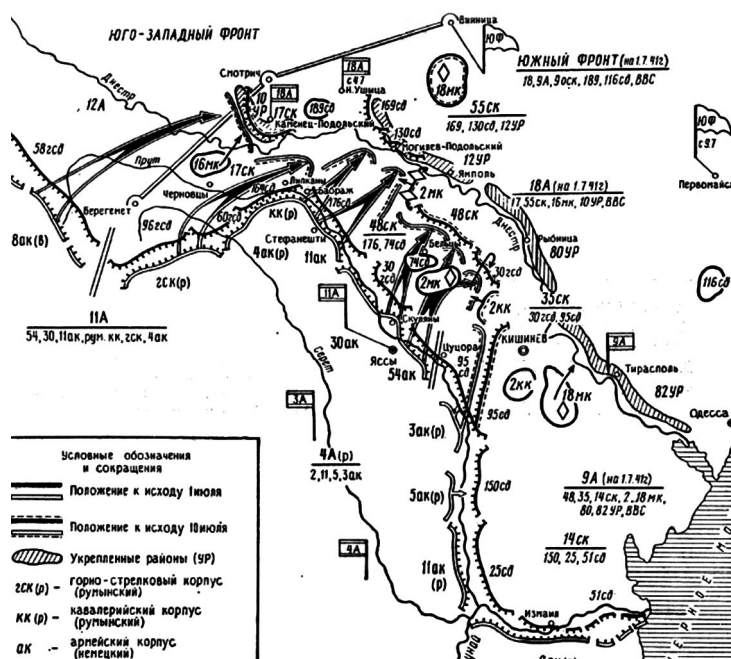
Оборонительные бои на территории Молдавии летом 1941 года принято разделять на 3 этапа:

1 этап: с 22 июня по 2 июля – приграничное сражение на реке Прут.

2 этап: со 2 июля по 20 июля – оборонительная фронтальная операция советских войск в Бессарабии и Северной Буковине.

3 этап: с 21 июля по 26 июля/13 августа – оборонительные бои на реке Днестр в Тираспольском и Рыбницком укрепленных районах.

Первыми в бой с фашистскими захватчиками вступили бойцы и командиры Молдавского пограничного округа, входившего в состав Одесского военного округа. В Молдавский пограничный округ входили четыре отряда: Липканский, Бельцкий, Каларашский, Кагульский. Каждый пограничный отряд состоял из 4–5 комендатур, имевших по 3–4 линейные пограничные заставы. На каждой заставе насчитывалось всего 40–60 бойцов, вооружённых в основном винтовками и гра-

натами. В арсенале заставы были также 1–2 станковых и 2–3 ручных пулемета. Всего в составе этих четырёх погранотрядов насчитывалось 5200 пограничников, которые охраняли границу протяженностью около 480 км. Более 1,3 тыс. пограничников, а также Дунайская военная флотилия охраняли границу на Дунае.

Гитлеровское командование рассчитывало уничтожить все пограничные комендатуры в течение получаса. За это же время планировалось захватить мосты, навести переправы и открыть путь главным силам. По данным командования пограничных войск, на границе в первые дни войны «на один километр фронта приходилось пять пограничников, против которых действовало не менее одной роты противника». И в течение десяти суток румынские и немецкие захватчики так и не смогли сломить оборону пограничников Молдавского погранотряда. Ни одна застава не отступила без приказа, пограничники героически сражались за Родину до последней капли крови.

Воины 12-й заставы Кагульского пограничного отряда под командованием лейтенанта К. Ф. Ветчинкина организовали круговую оборону. Застава в течение 14 часов отбивала все попытки врага сломить её сопротивление. За один день боя у Кагульской заставы противник потерял убитыми, утонувшими в реке и ранеными более 600 солдат и офицеров. Потери советских пограничников составили 10 убитых и около 20 раненых. Большая часть раненых до конца боя оставалась в строю. После подхода на выручку подразделений 14-го стрелкового корпуса кагульская застава была деблокирована.

Так же отважно сражались пограничники и на других участках советско-румынской границы. К примеру, широко известен подвиг советских пограничников заставы № 5 у села Стояновка Кантемировского района. Стояновская застава под командованием старшего лейтенанта Александра Константинова отразила 11 атак противника. 24 июня 1941 года старший лейтенант А. Константинов вместе

с бойцами отбил у врага железнодорожный мост через реку Прут, лично уничтожив при этом два пулемётных расчёта противника. Пограничники стояновской заставы совместно с кавалеристами 2-го кавалерийского корпуса уничтожили более тысячи румынских солдат и офицеров.

Пограничники на советско-румынской границе не сдали ни одну пограничную заставу и отошли от Прута и Дуная только 2 июля 1941 года по приказу командования фронта. Ход военных действий на Пруте и Дунае подтвердил превосходные боевые качества пограничных войск. Пограничникам удалось взорвать все 4 железнодорожных и 14 автомобильных мостов через Прут – в Стояновке, Кагуле, Унгенах, Скулянах, Липканах, Леушанах и др. Всего за время ведения боевых действий советские пограничники Молдавии потеряли убитыми и ранеными менее 10% личного состава, при этом вывели из строя более 15 тыс. румынских и немецких солдат и офицеров, а около 1000 захватили в плен.

За героизм и мужество, проявленные в первых боях на границе, сотни воинов были награждены орденами и медалями, а Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 августа 1941 года молдавским пограничникам (первым среди пограничников Советского Союза): лейтенантам К. Ф. Ветчинкину, А. К. Константинову, А. В. Рыжикову (посмертно), сержанту И. Д. Бузыцкову, младшему сержанту В. Ф. Михалькову; лётчику-капитану А. Г. Карманову (посмертно) было присвоено звание Героя Советского Союза.

Также, немного позднее, высокого звания Героя Советского Союза за проявленные храбрость и мужество в боях на территории Молдавии были удостоены ещё десять солдат и офицеров Красной Армии: В. В. Анисимов, М. П. Галкин, Н. Л. Кудрявцев, Курбан Дурды, А. В. Лапшов, А. А. Морозов, Г. А. Сафонов, К. Е. Селиверстов, М. А. Навроцкий и И. М. Бражников.

Советская армия под ударами превосходящих сил противника была вынуждена отступать, немецко-румынскими войсками были захвачены Фалешты – 4 июля, Бельцы – 7 июля, Сороки – 12 июля, Оргеев – 15 июля, Кишинёв – 16 июля, Рыбница и Каменка – 18 июля, Бендеры – 23 июля, Тирасполь – 8 августа, последний населённый пункт Молдавии на юге левобережья Днестра – село Незавертайловку вражеские войска заняли только 13 августа 1941 года.

Летом 1941 года свой боевой путь в Молдавии начали многие известные в будущем военачальники Красной Армии: маршалы Советского Союза Захаров М. В., Малиновский Р. Я., Крылов Н. М., генерал армии Тюленев И. В., генерал-полковники Корженевич Ф. К., Черевиченко Я. Т., Батюня А. Г., Кравченко А. Г., Чибисов Н. Е., Верховович П. М., Белов П. А., генерал-лейтенанты Баранов В. К., Швердин Ф. Е., Новосельский Ю. В., Мичугин Ф. Г., Осипенко А. С., Галунов Д. П., Волох П. В., Рыжов А. И., Сафонов Г. П., Воробьёв В. Ф. и др.

Среди сотен известных воинов, Героев Советского Союза, есть несколько выдающихся людей, которых также необходимо назвать. В 1941 году они не совершили на молдавской земле великих подвигов, они только учились воевать. Но именно на молдавской земле у них проявились те качества и начал складываться тот боевой опыт, который сделал впоследствии их известными на всю страну героями.

Это первый трижды Герой Советского Союза, прославленный лётчик-истребитель, маршал авиации Покрышкин А. И., Герой Советского Союза, маршал авиации Пстыго И. И., Герой Советского Союза, снайпер Павличенко Л. М., известные лётчики-асы, дважды Герои Советского Союза Речкалов Г. А., Алелюхин А. В., Амет-Хан Султан, Головачёв П. Я., Степаненко И. Н. и др. В жарком небе Молдавии начали воевать более сорока будущих Героев Советского Союза.

2. Мобилизация сил трудящихся республики на борьбу с врагом.

22 июня советское партийное руководство Молдавии приняло решение об оказании помощи Красной Армии. Оно предусматривало снабжение войск продовольствием, строительство дорог военного назначения, размещение военных госпиталей в помещениях больниц, вывоз зерна из глубинки на железнодорожные станции. Органам управления было предписано не допустить самовольной эвакуации населения и «забивки дорог беженцами».

Учитывая прифронтовое положение республики, для борьбы с вражескими десантами и охраны порядка в первый же день войны был образован Кишинёвский коммунистический истребительный полк (командир П. А. Орлов, комиссар Я. А. Мухин), в состав которого было зачислено 480 коммунистов. В Тирасполе был организован Коммунистический истребительный батальон из 200 добровольцев. В течение нескольких дней в городах и районах республики было создано 63 истребительных батальона и отряда народного ополчения общей численностью 10 тыс. человек, которые оказывали большую помощь советским войскам в охране военных объектов, средств связи, вели борьбу со шпионами и диверсантами. Впоследствии из бойцов этих истребительных батальонов была сформирована стрелковая дивизия.

23 июня было введено военное положение и объявлена мобилизация военно-обязанных четырнадцати возрастов. К 5 июля 1941 года в войска Южного фронта влились 48 тыс. призывников из Молдавии. А всего в 1941 году в ряды Красной Армии было мобилизовано около 140 тысяч жителей Молдавии. Из них 40 тысяч присоединилось к обороняющимся советским войскам добровольно. 30 июня 1941 года начали формироваться фортификационные батальоны. Многие из этих батальонов вошли в состав Южного фронта.

Благодаря своевременно проведённым эвакуационным мероприятиям в восточные районы СССР выехали с семьями почти все специалисты, 25% промышленных рабочих и служащих с семьями, 60% железнодорожников, 80% врачей, и не менее 55% учителей, работники творческих организаций и высших учебных заведений. В общей сложности эвакуировались около 300 тыс. человек. Спасаясь от врага, тысячи людей двинулись вглубь страны пешком. Население Молдавии, составлявшее к началу войны 2,7 млн человек, через месяц сократилось почти на

500 тыс. жителей. В Кишинёве из 188,5 тыс. человек остались 52 тыс., в Тирасполе из 50 тыс. – менее 20 тыс., в Бельцах из 65 тыс. – 18 тыс. жителей.

Несмотря на все трудности, в короткий срок вглубь Советского Союза было отправлено 4076 вагонов с наиболее ценным промышленным оборудованием крупных заводов Тирасполя, Рыбницы, Кишинёва, сельскохозяйственными машинами, зерном, продовольствием и около 180 тыс. голов различного скота. Чтобы враг не смог наладить работу оставшихся промышленных предприятий и транспорта, истребительные батальоны и рабочие выводили из строя железные дороги, электростанции и другие жизненно важные объекты.

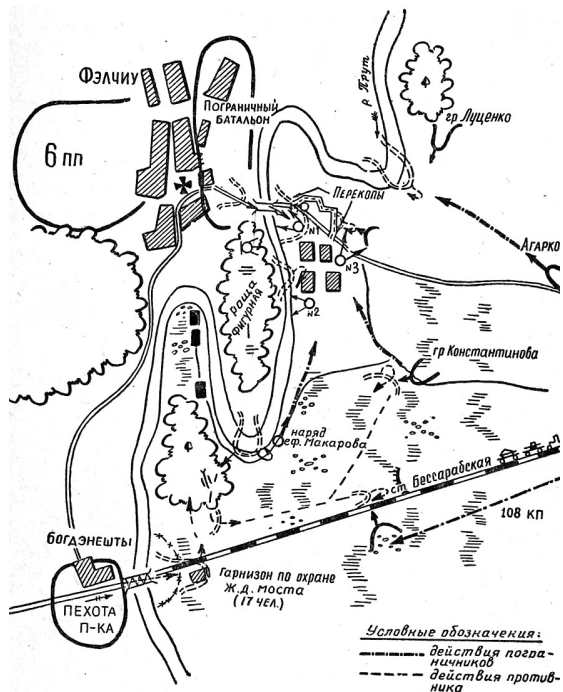
3. Фашистский оккупационный режим на временно оккупированной территории.

Оккупация МССР продолжалась около трёх лет. Захватив Молдавию, немецко-румынские оккупанты расчленили её на три части. Ряд северных бессарабских районов республики вместе с Черновицкой областью Украины был включён в состав губернаторства «Буковина» с центром в г. Черновцы. Остальная часть Бессарабии и Измаильская область Украины вошли в губернаторство «Бессарабия», центром которого стал Кишинёв. Приднестровье, Одесская область, южные районы Винницкой и западные районы Николаевской областей были включены в состав губернаторства «Транснистрия-Заднестровье». Его центром сначала объявили Тирасполь, а с 17 октября 1941 года – Одессу.

Губернаторства «Бессарабия» и «Буковина» стали частями Румынского королевства. Транснистрия в состав Румынии входила формально, поскольку румынский диктатор И. Антонеску получил немецкий мандат только на временную администрацию и экономическую эксплуатацию.

Контроль в Бессарабии и Буковине гитлеровская Германия осуществляла под видом консульств «советников», «экспертов», которые активно вмешивались в дела румынской оккупационной администрации. В городах действовали комендантуры и другие органы немецкого вермахта, а также отделения гестапо и СС.

В годы оккупации в городах и сёлах губернаторств свирепствовали военно-полевые суды. Наряду с армией карательные функции выполняли жандармерия, полиция, сигуранца (тайная полиция), органы «Специальной службы информации» – секретная полиция, подчинявшаяся непосредственно Антонеску и др.

С первых дней оккупации на захваченной территории фашисты установили «новый порядок» – режим террора и военно-полицейской диктатуры, массового истребления людей, бесчинств и грабежей. В целях устрашения местного населения немецко-румынское командование, губернаторы Бессарабии и Транснистрии издали целый ряд приказов, которые вводили возможные запреты и ограничения. Как правило, эти распоряжения заканчивались словами: «За нарушение – смертная казнь», «тюремное заключение сроком на...» и т. д. Новый фашистский «порядок» запрещал собрания, хождение людей группами, комментирование известий с фронта и обсуждение мероприятий властей. Системой стало взятие в заложники, а затем и уничтожение мирных жителей.

За годы оккупации пыткам были подвергнуты 207 тыс. человек. (т. е. каждый десятый житель Молдавии), из которых 22,7 тыс. скончалось от жестоких истязаний. В общей сложности от рук оккупантов и в заключении погибли около 120 тыс. жителей республики. Тотальному целенаправленному уничтожению подверглось еврейское и цыганское население региона.

В конце 1941 – начале 1942 гг. румынские оккупационные власти приступили к подготовке к депортации русских, украинцев и представителей других меньшинств. Нужно было высвободить земли и дома для будущих румынских колонистов. Маршал Ион Антонеску обещал отдать эти земли в качестве награды своим воинам, отличившимся в военном походе против коммунистов. Была проведена срочная перепись недвижимости, скота, инвентаря и т. д.

Наибольшую проблему представляло для оккупантов военное использование людских ресурсов Молдавии. К моменту вторжения в СССР в 1941 году в румынской армии служили 7,8 тыс. бессарабцев, мобилизованных до 28 июня 1940 года. Не доверяя им политически, румынское командование предпочитало использовать их в тыловых и оккупационных частях. К концу 1941 года, взяв на учёт в Бессарабии 84,8 тыс. молодых людей в возрасте 17–21 года, т. н. допризывников, оккупационная администрация использовала их как бесплатную ра-

INSTRUCȚIUNI

Se înțelege prin populație de sânge românesc, următoarele categorii de locuitori:

1. Cei cari prin declarații proprii recunosc, că sunt moldoveni. Aceștia se socotesc a fi sută în sută de sânge românesc.
2. Cei cari au pe unul din părinți (tatăl sau mama) de origine moldoveni, aceștia socotindu-se a fi $\frac{1}{2}$ sânge românesc.
3. Cei cari au pe unul din moși (din partea tatălui sau mamei) de origine moldoveni, aceștia socotindu-se a fi de $\frac{1}{4}$ sânge românesc.
4. De asemenea, vor fi socotiți a fi de sânge românesc, acei cari au nume românești indiscutabil (Cojocari, Spănu, Apostol, Dumitracu, etc.) indiferent de declarațiile ce le vor face

РУКОВОДСТВО

Под населением румынской крови, подразумевается следующая категория жителей:

1. Которые собственными заявлениями признают себя молдаванами. Эти считаются 100% румынской крови.
2. Которые имеют одного из родителей (отца или мать) по происхождению молдаванам, считаются $\frac{1}{2}$ румынской крови.
3. Которые имеют дедушку или бабушку (со стороны отца или матери) молдавского происхождения, считаются $\frac{1}{4}$ румынской крови.
4. Также, считаются румынской крови те, которые имеют неопровергаемую румынскую фамилию (Кожокару, Спыну, Апостол, Думитрашку и т. д.), безразлично какое заявление они сделают.

Cromolici. M. Odessa, Richelieu, 49. B. C. 4-JII-1944. 7030 (1875)

бочую силу. После Сталинградского разгрома десятая часть этого контингента, 8,8 тыс. чел., была всё же силой мобилизована в румынскую армию.

Русский язык был запрещён в учреждениях, учебных заведениях и повседневной жизни. У населения отобрали всю литературу советского периода на русском и молдавском языках, изданную с использованием кириллической графики. Из библиотек Кишинёва румынской властью было изъято 1,2 миллиона книг, в том числе на европейских иностранных языках и дореволюционных. В Тирасполе сожгли 250 тысяч томов, в Бэлцком уезде – 15 вагонов книг.

Экономическая политика румынских властей была неразрывно связана с их главной политической целью – увеличить военно-экономический потенциал за счёт эксплуатации советской территории. Если в ноябре 1941 года правительство И. Антонеску намеревалось за счёт только одной Транснистрии «возместить» затраты в войне против СССР на 20–40 млрд леев, то в феврале 1942 года оно рассчитывало уже «на 50–60 и, возможно, на 100 млрд леев».

Главной целью оккупантов стал вывоз сельскохозяйственной продукции. Десятки тысяч вагонов зерна, подсолнечника, сои, табака, кожевенного сырья, сотни тысяч голов скота и птицы, отобраанных у местного населения, отправлялись в Румынию и Германию, передавались фашистской армии.

Грабительская политика румынских властей привела к невиданному падению сельскохозяйственного производства. Земельные наделы, сады, виноградники, скот, инвентарь, полученные крестьянами Бессарабии от Советского государства в 1940–1941 гг., возвращались прежним хозяевам, передавались в распоряжение ведомств, которые проводили румынизацию и колонизацию.

Чтобы облегчить процесс изъятия продовольствия в Приднестровье, оккупанты не распустили, а реорганизовали колхозы и совхозы в «общинные хозяйства» и «государственные фермы» с коллективной ответственностью за своевременную уплату налогов.

Был установлен режим принудительного труда. Большинство действовавших предприятий власти объявили «милитаризованными». В мобилизационном порядке за ними были закреплены рабочие с целью обеспечения заводов и фабрик дешёвой рабочей силой. В период сельскохозяйственных работ всё трудоспособное население сёл и городов в возрасте от 12 до 70 лет также считалось мобилизованным. Крестьяне были обязаны трудиться со своей тягловой силой и инвентарём у помещиков, кулаков, на «государственных фермах». В левобережной Молдавии всё трудоспособное население должно было работать в «общине». Крестьян принуждали участвовать в прокладке и ремонте дорог военного значения, заготовке дров для оккупантов, транспортировке продовольствия к железнодорожным станциям, перевозке военных грузов и т. д.

За неуплату налогов имущество должников продавалось с молотка, а несвоевременная сдача продовольствия на военные нужды рассматривалась как саботаж и каралась заключением в концлагерь. На пропитание разрешалось оставлять 80 кг зерна на год на взрослого и 40 кг на ребёнка. Рабочие и их семьи получали по карточкам в день всего 150–200 граммов хлеба на душу.

Смертность населения возросла по сравнению с довоенным уровнем в три-четыре раза. Только в первые два года оккупации в Молдавии от голода и болезней погибли около 200 тыс. человек.

По последним, документально подтверждённым данным, в 1941–1945 гг. общие демографические потери составили более 650 тысяч граждан Молдавской ССР. Из них 84 тысячи – это военнослужащие, павшие в боях с оружием в руках на фронте, сражаясь в составе Красной Армии. Все остальные – это мирное население, погибшее в результате румынско-немецкой оккупации: репрессий, казней, голода, болезней и в результате холокоста.

4. Холокост на территории Республики Молдова.

На территории Бессарабии и Приднестровья, а также части Одесской и Винницкой областей Украины в годы войны фашистскими оккупантами в результате

холокоста было уничтожено более 300 тысяч евреев и около 50 тысяч ромов.

С началом Великой Отечественной войны в каждом населенном пункте происходят массовые убийства евреев. Часто убийства сопровождаются садистской жестокостью. В Бессарабии уже в июле 1941 года начинают образовываться гетто. Первые 25000 евреев высылаются на территорию Украины, оккупированную

немцами, при оккупации Кишинёва немецкие и румынские солдаты убивают не менее 10000 евреев.

К августу 1941 года в Бессарабии уже существует 7 больших гетто и еврейских концентрационных лагерей, где содержатся около 65000 евреев. В гетто и лагерях происходят постоянные акции уничтожения. С сентября 1941 года начинается поголовная депортация евреев в Транснистрию. До декабря 1941 года практически всё еврейское население гетто Бессарабии и Буковины, большое количество евреев Румынии было депортировано.

В Бессарабии пережило холокост менее 1000 человек (в том числе евреи, спасённые праведниками мира). Всего около 14000 бессарабских евреев выжило в Транснистрии и дождалось освобождения.

Уничтожение лиц еврейской национальности на территории Молдавии и прилегающих районов Украины проходило в несколько этапов.

1. Массовое истребление в ходе военных действий, когда вступая в населённые пункты, подразделения айнзатцгруппы и отряды румынской жандармерии первым делом арестовывали и уничтожали коммунистов, комсомольцев, советских работников и евреев, предварительно подвергнув их издевательствам, пыткам и избиениям, а молодых женщин – изнасилованию.

2. Создание лагерей временного содержания, транзитных лагерей и гетто на территории Бессарабии (конец июля – сентябрь 1941 года). Узников морили голодом, избивали, заставляли выполнять непосильную работу, расстреливали.

3. Депортация бессарабских и буковинских евреев в Транснистрию: Буго-Днестровское междуречье (октябрь – ноябрь 1941 года).

4. Массовое истребление еврейского населения, сконцентрированного в лагерях Транснистрии (конец 1941 – апрель 1944 гг.).

Подавляющая часть еврейского населения прошла эти страшные этапы уничтожения.

Установить точное число жертв геноцида невозможно. Нацисты не составляли списков убитых ими людей, так как «недочеловеков», по их определению, можно было убивать сколько угодно, не неся никакой ответственности. Также

невозможно физически (да и по моральным соображениям) это выяснить и посредством эксгумации всех погибших. Сложность подсчёта убитых евреев связана также с тем, что в годы войны шло постоянное перемещение больших масс еврейского населения в сопредельных районах Румынии, Бессарабии, Буковины, Приднестровья, Одесской и Винницкой областей Украины.

Сегодня в официальной исторической науке принято считать, что в годы Великой Отечественной войны, в период румынской оккупации, фашисты целенаправленно уничтожили на территории Молдавии около 300 000 евреев и около 50 000 ромов. Эти цифры довольно относительно и являются как бы минимально-средней величиной. Их в целом подтверждает Итоговый отчет Международной комиссии по изучению Холокоста в Румынии под председательством Нобелевского лауреата премии мира Эли Визеля.

6. Начало партизанского и подпольного движения.

Центральными органами управления Молдавской ССР были разработаны мероприятия по организации партизанских отрядов и групп для борьбы в тылу врага. Определялись состав партизанских отрядов и диверсионных групп, тактика их борьбы. Численный состав партизанских отрядов и групп в первое время не должен был превышать 10–15 человек. Это объяснялось географическими особенностями республики, которая не имела больших лесов. По этой же причине отрядам и группам рекомендовалось действовать в ночное время, а днем рассредоточиваться.

В шести левобережных районах Молдавии был утвержден состав 13 подпольных партийных организаций и 8 партизанских отрядов, в правобережных – 139 партизанских отрядов и ряда подпольных организаций. Только для партизанских отрядов было выделено 1479 человек.

Небольшие партизанские группы в 2–5 человек, партизаны-одиночки в городах и селах Молдавии приступали к борьбе с оккупантами, как только войска фашистских захватчиков входили на территорию их города или села.

В уездах правобережья Днестра из добровольцев было скомплектовано 139 партизанских групп, в том числе в Сорокском – 22 группы, в Оргеевском – 12, Кишинёвском – 10, в городе Кишинёве – 3. В Бендерском уезде удалось создать 48 партизанских групп, в которых насчитывалось 387 человек.

Газета «Правда» 6 августа 1941 года сообщала о боевых действиях конного партизанского отряда «Ворошиловец», который совершил смелый налёт на пехотную часть врага, уничтожив при этом 50 солдат, и захватил знамя румынской воинской части. 8 августа на опушке Каракушенского леса партизаны уничтожили патруль бричанской жандармерии, а в конце августа произвели смелое нападение надвигающуюся колонну войск противника по дороге на Бендеры. В неравном бою с жандармами на опушке леса Трестиены в Бричанском районе 9 августа погибли три партизана, которые, как указывается в донесении жандармерии, «боролись до конца, используя револьверы и гранаты».

Об операциях молдавских партизан сообщало Советское Информбюро 2 сентября 1941 года: «Партизанские отряды, действующие в бессарабских уездах, захваченных германо-румынскими войсками, не дают покоя фашистам ни днём, ни

ночью. Смелыми налётами, организацией взрывов и пожаров партизаны систематически истребляют живую силу противника, уничтожают боеприпасы, горючее и продовольствие» ...

К сожалению, партизанские отряды и группы, действовавшие на территории Молдавии в первое время её захвата фашистами, не смогли закрепиться на оккупированной территории. Часть из них в полном составе погибла в тяжёлых боях с фашистскими карателями, а часть была рассеяна, и отряды распались. Первые партизаны вели свою боевую деятельность в очень сложных условиях. Им приходилось действовать в прифронтовой обстановке или в ближайших тылах врага, часто не имея достаточного количества вооружения, боеприпасов и необходимого опыта борьбы в тылу врага.

В Кишинёве, Оргееве, Кагуле, Рыбнице, Дубэсарь, Единець, Вертужэнь, Анений Ной и других населённых пунктах Молдавии были созданы концлагеря, в которых под пытками были уничтожены тысячи советских граждан. Оккупанты объявили награду предателям за каждого выданного ими партизана от 10 до 25 тысяч лей и земельные участки в 1–2 гектара.

Согласно отчету губернатора Бессарабии с августа 1941 года по август 1942 года за коммунистическую деятельность были отданы под суд 1979, отправлены в концлагеря 1815 и взяты под надзор полиции 11 785 человек.

С осени 1941 года до середины 1943 года основной формой сопротивления трудящихся Молдавии оккупантам стала диверсионная и агитационно-пропагандистская деятельность подпольных организаций и под их воздействием саботаж мероприятий оккупантов жителями республики.

В годы румынско-немецкой оккупации в Молдавии насчитывались десятки подпольных организаций. Они были созданы как специально оставленными для подпольной работы коммунистами, так и по инициативе отдельных патриотов-коммунистов, комсомольцев, беспартийных, по тем или иным причинам оказавшихся на временно захваченной врагом территории. Всего в 1941–1942 гг. на территории Молдавии действовало более 30 подпольных организаций.

* * *

Бесспорно, что самым трудным в той страшной кровавой войне был 1941 год. Год поражений и горечи отступления, начала фашистской немецко-румынской оккупации. Время всё дальше уносит нас от событий той войны, но память жива. Она живёт в тех, кто пережил это лихолетье, сражался, рисковал жизнью, на чью долю выпало военное детство. Память передаётся из поколения в поколение в песнях и фильмах, фронтовых письмах и фотографиях, которые берегут в каждой семье. А ещё она хранится в книгах историков, летописцев тех трагических событий. И мы с Виктором Гайчуком удовлетворены тем, что наши труды вносят определённый вклад в увековечивание и сохранение памяти о подвигах советского народа в борьбе с фашизмом и противодействуют попыткам фальсификации истории.

22 июня для нас, бывших советских граждан, – День памяти и скорби о погибших в Великой Отечественной войне. Мы скорбим по всем, кто ценой своей

жизни выполнил святой долг, защищая в те суровые годы наше Отечество. В этот день проходят различные памятные мероприятия с зажжением свечей, возложением цветов к памятникам, воинским мемориалам и захоронениям.

За мир тогда заплатили такой дорогой ценой, что память об этом должна быть самым красноречивым предупреждением всем последующим поколениям. 27 миллионов советских людей (из них 650 тысяч наших земляков) отдали свои жизни ради Победы над фашизмом.

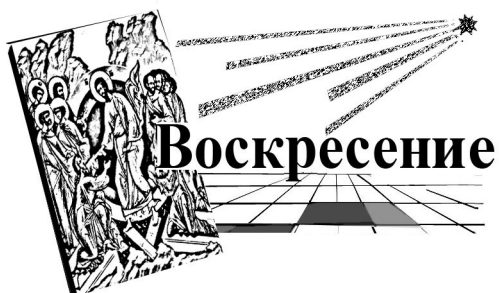
Но именно в этот день, 22 июня 1941 года, по радио впервые прозвучали слова: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!» Так и вышло. Мы помним, и мы гордимся!

Борис ШАПОВАЛОВ – историк, политолог, публицист, доктор философии в области социологии, преподаватель истории высшей дидактической степени, член-корреспондент Международной Кадровой Академии. Родился в 1958 году в селе Кицканы Слободзейского района МССР. Окончил Кишинёвский государственный педагогический институт им. И. Крянгэ, Межрегиональную академию управления персоналом.

Автор более 50 книг – учебников, монографий, методических работ и научно-популярных книг по истории, маркетингу, экономике, праву и педагогике, в том числе 14 книг о Великой Отечественной войне. Среди них – «Республика Молдова в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Кицканский огненный плацдарм», «Правда о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Лента нашей памяти», «Герои молдавской земли», «Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Документы, цифры, факты», «Освобождение Кишинёва от фашистской оккупации», «1941. Вторжение», «В военном небе Молдавии», «Шерпенский плацдарм», «Освобождение. Яско-Кишинёвская операция» и др.

Заместитель председателя Союза офицеров Республики Молдова, член Национального Координационного комитета «Победа», правления Молдавского историко-географического общества и Ассоциации русских писателей Республики Молдова. За заслуги награждён орденом «Gloria muncii – Трудовая слава», медалью Штефана чел Маре, почётными знаками Россотрудничества, Международного совета российских соотечественников, Молдавской православной церкви и другими правительственными и общественными наградами.

Воскресение

ВИКТОР ЖОСУ

«МОЛДАВСКАЯ ТРАДИЦИЯ: МЕЖДУ ИЛЛЮЗИЯМИ И РЕАЛЬНОСТЬЮ»

Такой была тема лекции, с которой 18 марта, на очередном заседании Историко-литературного клуба «Россия-Молдавия: люди, события, факты» – совместного проекта Русской общины Республики Молдова и Русского дома в Кишинёве, перед собравшимися выступил Виктор Жосу – публицист, политолог, главный редактор портала православных журналистов и блогеров Молдовы «Традиция», с которым успешно сотрудничает редакция журнала «Русское поле». Публикуем тезисы этой чрезвычайно важной и актуальной лекции.

1. Почему в данном случае о традиции говорится в единственном числе?

Потому что, когда говорят о молдавских традициях во множественном числе,

обычно идет речь об этнографии, фольклоре, народных песнях, коврах и т.п. Они тоже часть традиции – но само понятие шире.

Традиция в единственном числе – а в переводе с латыни слово буквально означает «*предание, передача*» – это то, что обеспечивает связь поколений, сохраняет и передаёт людям ценный духовный и культурный опыт. Без этого опыта невозможно ни существование народа, ни крепкая, устойчивая государственность.

Именно в традиции, которая фиксирует опыт предшествующих поколений, коренится образ жизни народа. Это не только поведенческие стереотипы, но и духовное пространство, в котором формируется культура народа. Поэтому можно сказать, что ***традиция – это совокупность знаний и обычаев, передающихся из поколения в поколение.***

Говоря о молдавской традиции в единственном числе – определяем её, во-первых, как православную традицию. Именно Православие веками формировало бытие молдавского народа, воспитывало в нём лучшие нравственные качества. Содержание традиции определяла христианская вера.

Вера формировала и христианскую мораль – понятия добра и зла, того, что можно делать и как следует поступать, и того, что делать нельзя. Ответы на вопрос, что такое хорошо и что такое плохо, веками давала Церковь.

Православное христианство сформировало культурный код молдаван, определило их мировоззрение, восприятие ими окружающего мира.

Сегодня любят вспоминать господаря Стефана Великого – говорят о «золотой эпохе» в истории Молдавии, о битвах, которые он вёл, о твёрдой руке, которой управлял страной, – но на первом месте у Стефана был Бог, Иисус Христос. Это был глубоко верующий человек, в триаде его служения – служить Богу, служить стране, служить народу – на первом месте стоял Бог. Отсюда и то большое число монастырей и храмов, которые он заложил. Это из-за верности Стефана Великого Христу мы почитаем его как святого благоверного воеводу – ***Sfântul Bincredinciosul Voevod Ștefan cel Mare.***

В средневековой Молдове Церковь органично переплеталась с государственными делами. Если тот или иной господарь отлучался из стольного града – на войну или с мирной политической миссией – как правило, он оставлял вместо себя митрополита. Таковой длительное время была молдавская политическая традиция. С рядом оговорок можно говорить о существовании в Молдавском княжестве так называемой ***православной симфонии между государством и Церковью.*** Так было до наступления эпохи фанариотов.

Далеко не при всех молдавских господарях можно было говорить о социально-экономическом процветании. Имущественное положение простого народа, а в основном это были крестьяне, во все времена было тяжёлым. Но спасала вера. Каждый христианин знал: какие бы испытания ни доводилось нести в этой временной жизни, ты верь и старайся соблюдать Божии заповеди – и в будущей вечной жизни тебя ждет спасение.

Кстати, даже при Стефане Великом княжество не было полностью суверенным, у молдаван существовали договорные отношения вассалитета с венграми. Митрополия Молдовы была в канонической юрисдикции Константинопольского Патриархата.

Но во все времена традиция оставалась православной. В том числе потому, что даже вопреки внешней вассальной зависимости – от той же Османской империи – сохранялся внутренний суверенитет. Страной правил православный суверен, православный монарх.

2. Разрыв с традицией всегда болезненно переживается любым народом.

Говоря о молдавской традиции, отметим, что такой разрыв у той части народа, которая проживала на территории запрутской Молдовы, случился во второй половине XIX века.

После объединения в 1859 году Молдавии с Валахией и образования государства Румыния начался процесс формирования румынской нации. *(Отметим, что официальная румынская историография утверждает, что румыны существовали едва ли не с первых веков после Рождества Христова, просто в силу ряда причин не были объединены, веками жили в разных княжествах; именно такая версия соответствует идеологии румынизма).* Однако жители исторической Молдовы веками считали себя молдаванами.

Понятия этноса тогда не существовало, но осознание себя на уровне самоназвания – **мы молдаване** – было. Это самоназвание тоже передавалось из поколения в поколение, т.е. тоже было частью молдавской традиции.

И если, во-первых, мы говорили о молдавской традиции как православной, то, во-вторых, у неё всегда был и остаётся, как сказали бы сейчас, этнокультурный аспект.

И когда запрутским молдаванам после образования румынского государства стали внушать, что они должны считать себя румынами, этот процесс протекал очень и очень негладко. Случилось даже Яское восстание, о чём подробно написал в своей книге *«Молдавское движение до и после образования Румынии (1821–1866 гг.)»* известный российский историк, наш земляк Владислав Гросул.

К тому же, параллельно с румынизацией, за Прутом был запущен и процесс латинизации. Самый показательный пример: в Молдавском княжестве на протяжении веков использовалась кириллическая письменность – в делопроизводстве при господарской канцелярии, в летописях. Т.е. **кириллица тоже была частью молдавской традиции**. И когда в XIX веке кириллический алфавит был заменён на латинский, это также ознаменовало один из пунктов разрыва с традицией.

Идеи латинизации, отказа от молдавской традиции касались не только алфавита и навязывались в русле расширения на молодое румынское государство влияния Западной Европы. В 1860–1870 годы обсуждался даже вопрос об отказе от православной веры и переходе в католичество – якобы таким образом румынам удастся быстрее интегрироваться в западную цивилизацию. Одним из адептов перехода в католичество был Михаил Когэлничану – в 1863–1865 годах глава румынского правительства, сегодня его имя носит одна из кишинёвских улиц.

3. Иначе сложилась историческая судьба молдаван Бессарабии. Сегодня идеологи румынизма любят муссировать тему разделения в 1812 году, после заключения Бухарестского договора, молдавского народа на две части, представляя это как трагедию. Но правомерна ли сама постановка вопроса? Можно ли говорить о «народном единстве» в период столетнего, начиная с 1711 года, правления фанариотов? Это не более чем вырванная из исторического контекста спекуляция.

Максимум, о чём допустимо рассуждать в данном случае – после того, как река Прут стала границей между Российской и Османской империями, – это о возможных проблемах в общении между людьми, связанными родственными отношениями, которые проживали в сёлах (часто с одинаковыми названиями – например, Костулень, Скулень) по обе стороны новой границы. И то – рассуждать лишь в гипотетической плоскости, поскольку на протяжении всего XIX века, даже после создания румынского государства, перемещение людей через границу по Пруту не сопровождалось теми сложностями, которые возникли в 40-е годы века XX-го.

Как бы то ни было, переход в 1812 году бессарабских молдаван под владычество русского царя не нарушил традиционного молдавского уклада жизни. Много позже это признавали даже отдельные румынские политики, достаточно почитать книгу того же Онисифора Гибу *„De la Basarabia rusească la Basarabia românească”* («От Бессарабии русской к Бессарабии румынской»).

В 1813 году решением Священного Правительственного Синода Русской Православной Церкви была учреждена Кишинёвская и Хотинская епархия, первым её правящим архиереем стал митрополит Гавриил (Бэнулеску-Бодони). Ныне он причислен к лику святых, мы почитаем митрополита Гавриила как святителя, его мощи покоятся в Кэприянском монастыре. Именно с 1813 года ведёт свою историю и нынешняя Православная Церковь Молдовы, отметившая в 2013 году 200-летие.

На протяжении столетнего нахождения бессарабских молдаван в составе Российской империи были разные периоды – когда полегче, когда потяжелей, но разрыва с традицией не произошло. *(Ещё одна из нынешних спекуляций на историческую тему – разговоры о политике русификации; спрашивается: зачем было царским чиновникам русифицировать молдавских крестьян, которые составляли большинство молдавского населения? Вопрос риторический).*

С приходом в 1918 году румын поначалу на молдавскую традицию никто особо не покушался. Первая попытка разрушить традицию произошла после 1924 года, когда по инициативе румынского патриарха Мирона (Кристи) Румынская Церковь перешла на григорианский календарь. Даже в самом румынском королевстве введение нового календаря вызвало разделение и протесты среди верующих и священства. А что касается Бессарабии, здесь смена календаря молдаванами откровенно саботировалась, службы продолжали проводиться по юлианскому летоисчислению.

В календарном вопросе молдавская традиция оказалась сильнее попыток власти её изменить. И сегодня абсолютное большинство молдаван (русских, гагаузов, болгар, украинцев) празднует Рождество Христово 7 января.

4. Следующий этап – 1940-е годы, приход советской власти. В современных учебниках по истории румын этот период окрашен исключительно в чёрные, мрачные тона – репрессии, депортации. Всё по общей для бывших союзных республик англосаксонской методичке. Нет смысла спорить по деталям, отмечу лишь, что даже в этом вопросе нынешние «историки румын» не открывают ничего нового – политика репрессий и депортаций была осуждена самим советским государством.

Нас интересует другое – какие изменения произошли в этот период с молдавской традицией?

4.1. Произошло восстановление традиции молдавской государственности. Это была государственность другого типа и другой формации (прервалась как феодальная монархия, восстановилась как социалистическая республика), долгое время эта государственность воспринималась молдаванами отчуждённо, даже с появлением руководящих национальных кадров. Но важно подчеркнуть: без 2 августа 1940, когда была учреждена Молдавская ССР, не стало бы возможным 27 августа 1990 – не возникла бы независимая Республика Молдова, признанная международно в границах именно советской Молдавии.

4.2. Открылись социальные лифты, благодаря которым молдаване перестали быть преимущественно сельским населением. Началось переселение в города, стали появляться молдавские специалисты в различных областях. Ранее молдавская традиция опиралась на сельский уклад жизни – с переездом в города традиционный уклад менялся.

4.3. Появление колхозов (к которым поначалу у молдаван тоже было настороженное отношение) *позволило сохранить сёла как традиционную среду обитания и воспроизводства молдавского этноса*; на протяжении многих веков молдаване жили в сёлах – это важно подчеркнуть именно сегодня, когда исчезновение сёл ставит под угрозу существование нас как этнической общности.

4.4. Отдельно следует сказать о влиянии на молдавскую традицию коммунистической идеологии. Известно, что она ставила на первый план коллективизм, – права личности были на втором плане. Вспомним тезис: *сначала общественное, потом личное*.

Из традиционной христианской морали был позаимствован целый ряд ценностей, но при этом *была выхолощена вера в Бога*. Взять тот же моральный кодекс строителя коммунизма:

- «Кто не работает, тот не ест» – переформулированная цитата из апостола Павла: *«Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь»* (2 Фес. 3:10).
- «Товарищеская взаимопомощь: каждый за всех, все за одного» – вспоминаем слова Иисуса Христа из Евангелия от Иоанна (15:13): *«Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих»*.
- «Человек человеку друг, товарищ и брат» – переиначенный христианский постулат, согласно которому все люди – братья по общему Отцу небесному и по особенностям своей природы.
- «Честность и правдивость» – девятая Божия заповедь, данная Моисею: *«Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего»*.
- «Простота и скромность в общественной и личной жизни» – в основе христианский аскетизм как путь обретения добродетелей.
- «Взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей» – вспоминаем православное учение о семье как малой Церкви.
- «Непримиримость к несправедливости, тунеядству, нечестности, карьеризму, стяжательству» – имеем перечень ряда человеческих грехов, но, в отличие от коммунистической идеологии, направленной на осуждение их в других, христианство воспитывает непримиримость к ним в себе самом, в каждом из нас.

- Наконец, «дружба и братство народов, нетерпимость к национальной неприязни» – и вновь процитируем апостола Павла: *«Нет в нем ни Иудея, ни Эллина... но все и во всех Христос»* (Гал. 3:28).

4.5. Именно в этом пункте – *в борьбе против веры в Иисуса Христа* – и произошел в XX веке разрыв внутри молдавской традиции.

Новые власти взяли курс на решительный отказ от наследия прошлого, объявив, что разрушат до основания старый мир и построят на его обломках новый. Православная вера, испокон веков определявшая бытие молдавского народа, воспитавшая в нём лучшие нравственные качества, была отвергнута – как была отвергнута и всякая религиозность.

В советской Молдавии – как до этого и повсюду в СССР – начались гонения на Церковь и верующих, репрессии в отношении священнослужителей – таковы печальные плоды деятельности тогдашней власти. Что получилось в итоге – мы знаем. *«Не может устоять дом, построенный на песке»*, говорит нам Евангелие от Матфея (7:26-27). СССР – при всей его военно-политической силе и мощной идеологической пропаганде – оказался недостаточно прочным сооружением.

Все мы помним то время – 1991 год, из которого нужно вынести правильный урок: **если разрушить духовный фундамент жизни народа, то происходит катастрофа**. В первую очередь – в сердцах людей, где, по выражению Достоевского, и ведётся главная битва добра со злом, *где дьявол с Богом борется*.

(Завершая разговор о советском периоде, опущу одну позитивную перемену в молдавской традиции, о которой скажу позднее, в выводах).

5. Период независимости. 1991-й принято считать не только годом появления на политической карте мира нового независимого государства Республика Молдова, но и годом начала религиозного возрождения. Стали открываться закрытые ранее храмы и монастыри, начали возводиться новые церкви. Люди разных возрастов потянулись к вере, то есть можно говорить о возрождении молдавской традиции именно как православной. Внешне это выглядело именно так.

Но одновременно с этим начались и процессы, которые постепенно стали оказывать на молдавскую традицию разрушающее влияние.

5.1. Переход от коммунизма в его версии так называемого развитого социализма **к либеральной демократии**, где на первый план выдвигался индивидуализм – индивидуальные права и свободы человека, **привёл к отказу от коллективизма как принципа организации социальной жизни**. Между тем в нашу традицию этот принцип веками был органично вплетён в форме общины: *село как община – церковный приход как община* (в сельской среде это вообще было одно и то же). Именно внутри общины решались важные для всех вопросы, выносились вердикты, оказывалась помощь нуждающимся, действовала взаимовыручка.

Советская власть, пусть и в своих целях, искусственно поддерживала коллективизм – но в 1990-е годы всё рухнуло. И уже 35 лет даже в церковных приходах – за очень редким исключением – до сих пор не удаётся возродить общинную жизнь. Этот элемент молдавской традиции оказался утраченным – и один Бог знает, удастся ли его когда-либо вновь обрести.

Одновременно *из общественной жизни исчезло понятие морали*. И понятно почему – мораль может быть только коллективной, не бывает индивидуальной морали. Когда каждый живёт «своей моралью» – это уже не мораль.

5.2. Следующей разрушительной для молдавской традиции тенденцией стало не критичное – без опоры на традицию – заимствование западного образа жизни.

Здесь подчеркну такой момент: поскольку именно традиция выявляет специфические черты, отличающие один народ от другого, постольку на разрушение традиции направлены усилия поборников глобализации в её либерально-демократической версии. Цель понятна: свести человечество к единой безликой и легко манипулируемой биологической массе с единственной способностью – потреблять. Отказаться от цивилизации духа в пользу цивилизации брюха.

Три с половиной десятилетия назад, практически одновременно с обретением государственной независимости, которая упала на нас с неба (молдаван в числе ликвидаторов СССР в декабре 1991 года в Беловежской пуще не было), в воронку глобализации была втянута и Республика Молдова. Понятно, что маленькая страна со слабыми государственными институтами попросту не могла сопротивляться.

Коммунистическая система уже не работала, новый путь прокладывался по лекалам западной «демократии», о которой никто у нас ничего толком не знал. Абсолютному большинству жителей стран бывшего социалистического лагеря на рубеже 1980-1990-х годов западный мир казался неким подобием рая на земле. А поскольку иллюзия коммунистического «рая» рухнула, постольку в наше безбожное сознание легко внедрились мечты о новом капиталистическом «земном рае».

Сегодня любой трезвомыслящий житель Молдовы видит: **желанного развития не произошло**. Наоборот, наблюдая за деградацией общества, люди старших поколений с ностальгией вспоминают советскую Молдавию, её промышленность, сельское хозяйство, медицину, образование, её работающие города и сёла, в которых кипела жизнь. А молодёжь, которой вспоминать нечего, в большинстве своем мечтает покинуть родину и уехать за рубеж.

Люди интуитивно ощущают искажённость жизни, которой живут, но очень немногие задумываются: **а где же и в чём была совершена ошибка?** Почему, получив в свои руки государство, обретя социальную свободу и право самим выбирать себе власть, – к тому же получив в наследство от Молдавской ССР солидный экономический, культурный и научный потенциал, – мы не сумели всем этим правильно распорядиться? Как случилось, что, стремясь попасть в очередной иллюзорный «рай», мы живём сегодня в реальности, вызывающей мысли об аде?

У Михаила Булгакова в «Собачьем сердце» профессор Преображенский точно заметил: *«Разруха начинается в головах»*. В наших головах разруха началась одновременно с обретением независимости. Когда мы, даже не попытавшись обратиться к собственной истории, опереться на свою молдавскую традицию, принялись лихорадочно заимствовать западный образ жизни. О котором, повторяю, ничего не знали.

Мы не стали ни во что вникать. Кинулись слепо копировать, обезьянничать, механически переносить на молдавскую почву всё подряд, что успевали подсмотреть за время непродолжительных выездов в западные страны, на разного рода «обучающие стажировки», которые на самом деле никого ничему не научили.

А тут подросли и многочисленные западные эксперты со своими советами, к которым у нас тоже отсутствовало критическое отношение. И пошло-поехало...

Неудивительно, что почти *ничего из западного образа жизни и хозяйствования у нас не привилось*, а логическим следствием такого бездумного подхода стала деградация Молдовы.

5.3. Ещё одним серьезным вызовом для молдавской традиции стал церковный раскол. Его инициировала в 1992 году Румыния – румынский политический класс, румынское государство, – используя в качестве инструментов, с одной стороны, Румынский Патриархат и, с другой стороны, молдавских клириков, изменивших священнической присяге, представителей молдавской политической и околополитической среды (лидеров общественного мнения, средства массовой информации).

Много об этой проблеме говорить не буду, подробно описал её в своей брошюре *«Незалеченная рана»*¹, подчеркну лишь следующее: *раскол в форме псевдо-религиозной организации «Бессарабская митрополия» не является только внутри-церковной проблемой, не ограничен рамками церковных канонов.* Для Молдовы это и *серьёзная социальная проблема*, и – в конечном счёте – *политико-государственная проблема* – поскольку затрагивает и аспект сохранения молдавской государственности.

Румынскому политическому классу организация «Бессарабская митрополия» нужна для проведения политики румынизации и унионизма – присоединения Молдовы к Румынии – ещё и по церковной линии.

Почему это удар и по молдавской традиции? Случай заманить в раскол верующих – примеры сёл Гринэуць (Рышканский район), Деренеу (Каларашский район), недавний в селе Джамэна (Ново-Аненский район) – свидетельствуют: молдаване отказываются уходить к раскольникам не потому, что там нарушены каноны, и не потому, что там *не-Церковь* (а любой раскол по своей сути – *анти-Церковь*), а потому что не хотят идти в Румынскую церковь. Говорят: у нас есть наша Молдавская церковь – в неё ходили наши предки – в неё будем ходить и мы. Ничего не имеем против румын – но так у нас сложилось, *такова наша традиция*.

На этом хочу завершить изложение темы молдавской традиции. Разумеется, у неё есть и другие аспекты, в рамках одного разговора тема не может быть исчерпана.

Подведу некоторые итоги:

Вывод 1. И коммунистическая, и либеральная идеологии оказались враждебны молдавской традиции. Но по-разному. Если первая, проводя политику государственного атеизма, не скрывала своего враждебного отношения к христианству (верующие знали: *«Советская власть против нас»*), то вторая действует коварно: маскируется под принципы «свободного выбора», «свободы вероисповедания», но при этом действует разрушительно – внедряет гендерную идеологию, навязывает пропаганду ЛГБТ, в том числе в школах, заставляет проводить гей-парады под видом «защиты прав меньшинств».

В итоге сегодня под прикрытием так называемой европейской интеграции (на самом деле ещё одного мифа – того, чего в действительности не существует) в Молдове проводится откровенно антихристианская политика.

¹ https://traditia.md/wp-content/uploads/2024/12/brosh_rus.pdf

Вывод 2. Традиция не есть нечто застывшее, она видоизменяется во времени. Традиция развивается. *Главное – сохранить основу, а основа молдавской традиции – Православие.*

Вывод 3. Говоря о советском периоде, я упомянул о позитивном элементе, который вошёл в молдавскую традицию, стал её частью, о традиционном элементе, который необходимо сберечь. Таким элементом стало *молдавско-русское двуязычие.*

Ошибкой было исключение в начале 1990-х из программы молдавских школ изучения русского языка и русской литературы. Сами (те, кто исключил) изучали, а своих детей и внуков этого лишили. По сути, культурно обокрали, лишили доступа к богатству русской культуры.

И ведь не удалось искоренить русский язык, новые поколения молдаван всё равно им владеют – но не умеют писать, читают с трудом.

Отличие молдаван от румын еще и в том, что мы – двуязычны, тогда как наши запрутские братья – моновязычны.

Вывод 4: Молдаванам необходимо сохранить открытость по отношению к двум мирам – и открытость к миру румынскому (у нас общее культурное наследие – ни в коем случае нельзя повторить ошибку советских идеологов, когда классиков литературы, музыки, изобразительного искусства, то есть участников единого исторического художественного процесса, делили на молдавских и румынских).

И – вопреки политике нынешних властей – сохранять открытость к русскому миру. Понимая его не только как мир русской культуры, русского языка и литературы, но и как мир нашей исторической общности.

Завершить лекцию хочу следующим.

Людям свойственно ошибаться. Иногда за ошибки мы платим высокую цену.

У многих есть понимание, что надо остановить движение Молдовы по наклонной вниз. Но для этого – так, во всяком случае, поступают люди ответственные – надо для начала провести работу над ошибками. Которых за 35 лет было совершено немало!

И, может быть, именно сейчас, когда у власти в Молдове оказались люди без какого-либо опыта управления, с незрелым, во многом инфантильным сознанием, когда Молдова фактически находится в геополитической оккупации – в отличие от эпохи Стефана Великого у нас сейчас нет внутреннего суверенитета, партия госпожи Майи Санду по своей сути является местным филиалом глобалистов – быть может, именно сейчас настала пора вдумчиво и спокойно оценить пройденный за три с половиной десятилетия путь, чтобы ответить на вопросы:

• *Как остановить наше сползание в пропасть?*

• *Где обрести ту точку опоры, которая поможет нам начать обустроить Молдову на здоровых основаниях, способных давать добрые плоды?*

Скажу как христианин: **главной ошибкой нового времени, ошибкой периода государственной независимости Республики Молдова является продолжение нашей старой ошибки – поиск рая на земле вне Бога.**

Получив в начале 1990-х возможность открыто и свободно вернуться к молдавской традиции, повернуться лицом к Богу, войти в Церковь и зажить её

жизнью, лишь очень немногие (по разным оценкам от 5 до 7–8 %), такой возможностью воспользовались. Прочие же из нас – и в первую очередь представители политического класса, причём всех поколений – ринулись встраиваться в новый (а по сути старый) атеистический, так называемый «цивилизованный» мир.

И что? Многие обрели в нём своё счастье? И можно ли назвать это счастьем? Ответ тут может быть только один: никакой рай вне Бога – ни коммунистический, ни либеральный – невозможен. Рай – он только у Бога.

А у нас – у людей – есть выбор. Ведь Господь создал нас людьми свободными, в том числе свободными выбирать – быть нам с Ним или без Него?

За веру бессмысленно агитировать, Церковь не нуждается в пропаганде. Сказанное – это призыв задуматься над причинами наших неудач, точнее, даже над первопричиной. ***Призыв остановить разруху в душах и в головах.*** И начать думать. А спокойное и непредвзятое размышление неизбежно приведёт нас к выводу, что ***первопричиной стал отказ от традиции.***

Наши предки, жившие в исторической Молдове – части мировой православной цивилизации, – из поколения в поколение руководствовались одним и тем же императивом – ***быть с Христом.*** И с Божией помощью решали проблемы и преодолевали вызовы, которые выдвигала жизнь.

А вызовы эти часто были серьёзными и опасными, для их преодоления требовалось идти на подвиг. Сегодня мы с гордостью говорим об этом как о части нашей истории. Но мало кто осознаёт, что прошлое, которым мы гордимся, что подвиги наших предков опирались на искреннюю веру в Иисуса Христа и на верность учению Его Церкви.

Молдаванам надо попытаться вернуться туда, откуда мы были вырваны историческими катаклизмами и революционными ломками привычной жизни: в начале XX века – социалистической революцией, а в начале XXI века – революцией либеральной.

Вернуться в лоно родной православной цивилизации. В лоно молдавской традиции.

Виктор Иванович ЖОСУ – молдавский государственный и политический деятель, журналист, политолог, публицист и театровед. Депутат Парламента Республики Молдова III созыва (1998–2001). С 2022 года – главный редактор портала православных журналистов и блогеров «Традиция» (traditia.md).

Родился 12 июля 1953 года в Кишинёве. В 1970 году окончил среднюю школу № 1 имени Г. И. Котовского (ныне – Лицей имени Георге Асаки) в Кишинёве.

В 1988 году окончил театроведческий факультет Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии.

Автор работ в области театроведения.

Эксперт по проблемам Молдавской православной церкви. В 2012 году при поддержке Фонда «Русский мир» выпустил сборник «Восстановить единство: Позиция Русской Православной Церкви по вопросу „Бессарабской митрополии“»: Документы и материалы», презентация которого прошла в Кишинёвской духовной академии.

Я ТВОЙ ТОНКИЙ КОЛОСОК

МОЯ РОССИЯ

ОЛЕГ ОЗЕРОВ

ДЕТСТВО И ОТРОЧЕСТВО В ДЕРЕВНЕ

Отрывок из мемуаров

У каждого свои, особые воспоминания о детстве и отрочестве. Великие наши писатели, такие как Л. Н. Толстой, М. А. Горький или И. С. Шмелёв, И. А. Бунин или В. В. Набоков, да и тот же А.И. Герцен, оставили весьма яркие и детальные описания своих впечатлений, а то и исповеди о том, где и как они провели свои лучшие дни. Ведь никто не станет спорить, даже М. Горький, что, каковы бы ни были испытания, выпавшие на раннюю пору жизни (если мы, конечно, не говорим о войне и дневниках Анны Франк или Тани Савичевой), детские и отроческие годы – самые счастливые. И даже сиротство, как писали наши поэты, ощущается как блаженство. Человек только-только входит в этот мир, начинает себя осознавать и пополняется первыми яркими впечатлениями, которые заселяют его память и душу, формируют личность и отношение к природе, людям, событиям и вообще ко всей Вселенной.

И, как это ни банально звучит, мир мы вначале познаём через наших родителей, которые называют нам окружающие нас предметы и учат подходить к ним так или иначе – чего-то бояться, к чему-то относиться с осторожностью, а что-то безоговорочно любить. И общая картина в первые годы жизни складывается в основном светлая, хоть и не всегда радужная. Есть восторг первооткрывателя – что бы ты ни увидел и ни ощутил: цветок, пчелу, яркое голубое небо, журчание ручья и ледяную, кристально чистую родниковую воду, снег или шумящую дубраву. Всё волнует, радует и заставляет трепетать молодую душу, пока ещё не омраченную видениями смерти и насилия, греха и порока, подлости, предательства и цинизма.

Кто-то скажет, что ребенок живёт в «розовых очках», не видит жестокой и ко всему бесстрастной сути природы и её проявлений, что он её одушевляет вопреки реальности. Но нет! Он живёт с открытым сердцем и распахнутой душой, с незамутненным разумом и чувствует, видит, ощущает то, что зачастую недоступно взрослым. Он видит мир, пронизанный созидательными энергиями любви, а всё тёмное, ночное приходит позже. Церковь это связывает с безгрешностью детской души до семи лет, хотя мне кажется, что это длится дольше.

Нет сомнений, что многое зависит от эпохи – мирной или нет, происхождения и социальной среды – где и как рождён человек – в бедности или богатстве, в высокоинтеллектуальной среде или среди простого люда. Хотя последнее – не так уж и важно. Максим Горький, величайший русский писатель двадцатого века,

как и Михаил Шолохов, выросли среди самых простых людей, и это не помешало им стать великолепными мастерами слова. Их хулители давно замолкли. Это ярко живописал изысканный польский литературный критик Ян Парандовский в восхитительной своей энциклопедичностью «Алхимии слова». Он показал, что важна сама личность писателей и восприятие мира, а оно – тонкое, трепетное, многоцветное, пронизанное широчайшей гаммой ощущений и чувствований, – зачастую не связано ни с происхождением, ни с генетикой, а с тем, что называется обстоятельствами места и времени. Это, понятно, нельзя никак абсолютизировать, потому что, например, в случае со Львом Николаевичем Гумилёвым, с которым я имел честь быть знаком благодаря своему начальнику в восьмидесятые годы прошлого века, Александру Ивановичу Зотову, именно генетика, а, чтобы не впасть в евгенику, лучше сказать – наследственность, помогли ему стать тем, кем он стал – родоначальником очень спорной, но, несомненно, оригинальной и будящей мысль теории этногенеза и пассионарности. Ведь отец, выдающийся русский поэт Николай Гумилёв, погибший в вихре русской революции, не успел его воспитать, а мать, великая Анна Ахматова, как можно было понять, не всегда уделяла ему должное внимание, да и отношения у них складывались далеко не самые тёплые, несмотря на написанное сыну потрясающее произведение «Реквием».

Но не будем отвлекаться от нашего повествования. В моем случае на восприятие мира оказали, вне всяких сомнений, мои происходившие из самых простых крестьянских и рабочих слоёв родители. Но не в меньшей степени – наша милая, ласковая, дышащая первозданными энергиями природа и русская деревня, куда родители отправляли меня сызмальства каждое лето. Не будь этого – и огромной любви мамы к родным местам, которую она передала мне, так и остался бы я московским мальчиком-«ботаником», учеником если не элитной, то и не простой школы «с преподаванием ряда предметов на французском языке». И никогда бы я не узнал, как и чем живет российская глубинка вдали от индустриальных и культурных центров, какими были Москва, Ленинград и тогдашний Горький.

Да, именно мама пробудила во мне любовь к этим местам:

*«Она пришла из ниоткуда,
Исчезла тоже в никуда.
Прошла по жизни королевой –
На троне царствовать могла.*

*Но ей была лесов тенистость,
Раздолье русское полей
Духмяных трав с утра росистость
Всех драгоценностей милей.*

*Как бриллианты, собирала
Родные ягоды земли
И нам горстями раздавала
Как знаки верные любви...»*

Итак... У меня оказалось два детства – и совершенно разных. Одно – московское, городское, а другое – деревенское. А в нём я попал в заколдованный лес, в места леших, водяных да лесных духов, в русское раздолье, туда, где когда-то гуливал Стенька Разин да рыскали разбойники на дороге – в старые муромские леса, где, как пел народный поэт, стихи которого знал наизусть каждый деревенский паренёк, «всяка нечисть бродит тучей и в прохожих сеет страх».

О них надо рассказать поподробнее. Места эти – междуречье Оки и Волги – находятся чуть в стороне на восток от основного шляха, шедшего ещё в стародавние времена от Нижнего Новгорода в Арзамас и далее мимо знаменитого пушкинского Большого Болдино в Саранск. Сама наша русская деревенька – именно там родилась моя мама – Ишино (предположительно от местоположения в низине – Ишь оно) расположена буквально в километре от водораздела между Окой и Волгой, что легко понять по рекам, речкам и ручейкам, которые текут на запад и на восток от него, как, например, нежная своим названием Серёжа – она впадает в другую реку – Тешу, а та – в Оку, Пьяна в Суру, а та – в Волгу. Стоя на этом водоразделе – сейчас это местная трасса между райцентром Дальнее-Константиново и Маргушей – с одной стороны, на западе можно видеть равнину в сторону Оки и Мурома с бескрайними муромскими лесами, а, обернувшись на восток, узреть холмистую, пересечённую местность с очаровательными перелесками и текущими между ними в оврагах чистыми прохладными ручьями, впадающими в конечном счёте в величавую и широкую после слияния с Окой Волгу. Вдоль гребней холмов шумят листвою берёзовые, в три ряда, лесополосы – наследие сталинской эпохи. Их высаживали для предотвращения суховеев. Свою работу они выполняют и сейчас, хотя мало кто знает, что они часть циклопической программы по защите земель Поволжья от засух.

Говорят, что пересечённый характер местности связан с тем, что так, преобразая пейзаж, наступали и затем отступали в местных землях ледники, оставив с северо-восточной стороны холмы и редкие валуны, а также кости древних динозавров и другой крупной живности, которые мы мальчишками изредка находили в лесах, полагали ценной добычей и называли их «чёртов палец» за характерную форму и отверстие в середине. Найти их считалось большой удачей, а знахарки, как уверяли местные пацаны, толкли эти окаменелости в ступе и готовили из них некое зелье...

Вот она – Русь изначальная и глубинная. Глядишь на тёмную зелень муромских лесов (местное название – Большой лес) и угадываешь за голубоватой дымкой над ним золотоглавое Дивеево с мощами нашего коренного (наряду с Сергием Радонежским) святого Серафима Саровского, по молитвам которого и обретаемся на грешной земле, Муром – родину Ильи-богатыря, мощи коего покоятся в Киево-Печорской Лавре, да Болдино – где написаны великие поэмы и сказки нашего гения Александра Сергеевича Пушкина. А там, за Дивеево, в лесах укрыт главный ядерный центр страны – Саров-16, где разрабатывается то оружие, что призвано нас защитить в час смертельной опасности. Если не это – то что есть Русь? Именно эти земли западные геополитики от Хайдеггера до Маккиндера называли Heartland – сердцевина земли.

Кто-то возразит, что есть Киев – мать городов русских, Москва, Новгород, Псков, Владимир и Суздаль. И все они будут правы. Русь, как и Волга, состоит из многих рек и рукавов, притоков и родников, которые, сливаясь, дают могучую державу. Но для меня Русь – это в первую очередь эти места, где различные эпохи и культурные слои переплетены и связаны так, что образуют плотную и в то же время пёструю ткань истинно русской жизни.

В этих местах нет и отродясь не было нефти и газа, россыпей бриллиантов и залежей угля. Их богатством были люди, составившие славу и края, и всей России. Именно отсюда явились миру протопоп Аввакум и патриарх Никон (два антипода), спасители России Минин и Пожарский, упомянутый Горький, лётчики Нестеров и Чкалов, кораблестроитель Алексеев, которому мы обязаны судами на подводных крыльях, лицейский наставник Пушкина Архангельский, конструктор атомных установок Африкантов, композитор Балакирев, хирург Блохин, архитекторы Веснины (их именем долгое время называлась улица за зданием МИД в Москве)¹, артисты Дворжецкий и Евстигнеев, литературный критик Добролюбов, знаменитый русский изобретатель Кулибин, математик Лобачевский, писатель Мельников-Печерский, философы Розанов и Флоренский, организатор лучшей в мире системы здравоохранения Семашко, академик Сеченов. Эти люди и сонм других, не упомянутых здесь выдающихся людей Нижегородской земли, их творческое и духовное наследие и есть гордость и слава России, соль земли, её главное сокровище!

Вокруг нашего села, стоящего, как я уже упоминал, в низине, шумели и шумят до сих пор полукругом расположенные, очаровательные и романтические берёзово-осиновые да сосновые перелески с неожиданными и непонятными названиями, как, например, Кулола, Плигино, Вошинский, хотя есть и попроще, такие как Рыжково, Озерец, или Барский лес. Эти небольшие чистые леса, в которых трудно было заблудиться (но мы ухитрились), всегда полны грибов – белых, подосиновиков и подберёзовиков, рыжиков да опять, ягод и всяких целебных трав – иван-чай, зверобой, василёк, чистотел, чабрец и расторопша, которые ещё при нас собирали бабушки-травницы.

Через село мягкими изгибами течёт наполненная мелкой рыбёшкой речка Вергилейка (местами её можно просто перешагнуть), название которой не помнят даже старожилы, хотя каким-то чудом знала моя мать. А истоки её находятся всего в каком-то километре от села и представляют собой три родника со сказочными, былинными названиями – Камень-конь, Живой колодец и Мёртвый колодец. У источников есть своя местная легенда. Так, например, Камень-конь, из которого в основном местные и брали воду, якобы был когда-то увенчан настоящим каменным конём, которого поставил татарский князь в глубокой древности. У коня из ушей, ноздрей и рта текла вода, которую пили и тогда. В подтверждение этой легенды приводили тот факт, что вокруг родника много особой разноцветной (красной, коричневой и белой), не размокающей в воде глины (точнее, осадочной горной породы) – опоки, из которой якобы и был сделан Каменный конь. Действительно, такая глина больше нигде в округе не встречается.

¹ После событий 1991 года улица Весниных была переименована в духе времени в переулок Денежный.

Живой колодец давал живительную влагу уставшему путнику или тому, кто пришёл косить траву для скотины на холме, из которого он мог напиться действительно очень вкусной и мягкой водицы. Про Мёртвый колодец легенд не ходило, но воду из него не брали, давали пить разве что скотине. Вдоль речки в девятнадцатом веке ставили водяные мельницы, остов одной из которых в моём детстве ещё сохранялся, но после развала Советской власти был растащен на дрова да по строительным нуждам. Странно, что этого не сделали раньше!

Деревенька наша, или, если по-старорежимному, село (в нём была и сохраняется сейчас стоящая на холме полуразрушенная каменная церковь, построенная в XIX веке, если точнее, то где-то в 1867 году, а закрытая в 1930-м, её колокольня была снесена) находилась в кольце мордовских деревень и сёл, где население давно, ещё при царях, которые их христианизировали, уже ассимилировалось и считало себя русским. Впрочем, и основы быта были общими.

Но топонимика – упрямая вещь, её не отменишь, да и дожившее до наших дней революционное намерение менять названия населённых пунктов в соответствии с политическим моментом в наши места не докатилось. Вокруг Ишино расположились сёла с явно нерусскими названиями – Маргуша, Вармалеи² (оттуда, из его русской и староверной части была моя бабушка или баушка, как ласково говорила родня, – Любовь Степановна Калганова), Большая и Малая Пица, Бакшеево, Терюшево, Макраша и да, село с говорящим названием Татарское, с восьмиугольной зелёного цвета (!) церковью, явно переделанной из мечети. Но и русские села тут как тут, и их можно условно вытянуть в одну, хоть и прерывистую, цепочку: Дальнее Константиново, Выползово, Ишино, Токариха, Осиновка, Старое поле...

Эти названия красноречиво говорят о том, что минимум с 16–17 века (нижегородские земли присоединились к московским в конце XIV столетия) на этой территории вперемишку жили и русские, и мордва, и татары. Так, старая деревянная церковь в Ишино, стоявшая, по преданию, недалеко от места дома моей тётушки, в низинной части села, в отличие от каменной, – была построена ещё в 1745 году, и престол был освящён в честь архистратига Михаила. Возможно, на её месте и раньше, в XVI или XVII веке, тоже была церковь, что говорит о древности села, хотя от неё осталось только старое кладбище да несколько икон того времени (они разошлись по домам) – на вогнутых досках, что вешались на столбы, поддерживавшие храм... А Терюшево или Терюха, как называли эту местность, была одним из центров мордвы (скорее эрзи, чем мокши), который лишь позднее переместился в Арзамас, Саров, а затем Саранск. Наши места, правда, в первую очередь революционные события начала XX века, красноречиво описал в своих романах известный русский и советский писатель родом из Гремячей поляны, что расположена неподалеку от Дальнего Константиново, Николай Иванович Кочин: «Девки», «Парни», «Нижегородский откос», «Юность» и другие. К слову, крутые ветры эпохи его не миновали, и он, несмотря на прославление революции, посидел-таки в лагерях «за антисоветскую деятельность», но потом был оправдан и обласкан властями, издавался сотысячными тиражами.

² По неизвестной мне причине на картах его сейчас пишут с й на конце – Вармалей

Так вот, в эти забытые Богом, но благословенные места стал я ездить с родителями двух-трёхлетним ребёнком каждое лето с начала шестидесятых годов прошлого века. Добирались мы в нашу деревеньку, к моей тётушке Жене, маминей сестре, около 12 часов (сейчас этот путь занимает всего пять-шесть часов по трассе М-7) на тёмно-синей, купленной отцом у какого-то полковника в середине пятидесятых годов машине «Победа», для чего ему пришлось продать свое ружьё «Зауэр три кольца» и немецкий мотоцикл, привезённый из Австрии, где он служил до вывода советских войск в 1955 году. Ехали по узкой и тогда практически пустой трассе Москва – Горький, а затем по очень плохим дорогам до Дальнего Константиново, затем Малой Пицы и далее по русскому бездорожью до Ишино.

По дороге не раз останавливались попить чайку или растворимого кофе из термоса, размять ноги. Чтобы не заснуть (а выезжали спозаранку, ещё до рассвета) пели: «Любо братцы, любо, любо братцы жить, с нашим атаманом не приходится тужить» и другие русские и советские песни. Я ехал, удобно устроившись на тогда казавшемся просторным заднем сиденье, обняв своих родителей за шею, захваченный радостью путешествия и возможностью быть с отцом и матерью одновременно. Летнее солнце на восходе слепило глаза – ведь ехали прямо на восток. С восторгом въезжали мы в наши родные города и посёлки с удивительными, тогда непонятными мне названиями: Покров, Владимир, Боголюбово с видневшимся оттуда белоснежным храмом Покрова-на-Нерли, Вязники с его вишнёвыми садами, бесчисленные Дворики, раскатисто звучащий колоколом Ундол (ныне Лакинск) на реке Ундолке, Городец и другие. Трижды пересекали петляющую Клязьму, прежде чем перебраться по старому, очень узкому тогда мосту через Оку и оказаться в родных пенатах.

Ну вот мы и в Малой Пице. Асфальт там заканчивался. Добраться оттуда, где жили кое-кто из родни, до нашей деревеньки тогда можно было двумя дорогами – либо напрямую (всего-то 4 километра), но через холмы и овраги, в том числе через дол Стеньки Разина, где уверенно проходили только трактора и грузовики, или в объезд, что в три раза дальше, но по более ровной дороге на Маргушу и затем к Ишино. Если лето выдавалось дождливое, то «Победа» успешно вязла в местных суглинках, и вытаскивать её на тракторе «Беларусь» приезжал дядя Ваня, муж моей тётушки и механизатор – по сезону либо тракторист, либо комбайнёр, либо ремонтник, либо кузнец, короче – пахарь и просто мастер на все руки. Он был ветераном Великой Отечественной войны, тяжело раненным в боях на Карельском перешейке, и на лице его осталась тяжёлая отметина той бойни – пули, лишившей его части нижней челюсти и обезобразившей его правильное и красивое лицо. О других ранах и обилии оставшихся в его теле осколков дядя Ваня никогда не упоминал, как и об ордене Красной Звезды, которым был награждён. Словно по уговору со своими сверстниками, о войне он, старый фронтовик с выцветшими васильковыми глазами, рассказывать не любил и больше молчал... Единственный эпизод, но сильно поразивший нас, мальчишек, он всё же рассказал: как из «Катюш» поражали немецкие штурмовики. Больше ни от кого я такого не слышал и в книгах о войне не читал.

Приехав в деревню, где в начале шестидесятых годов было достаточно скудно с едой, родители разгружали с моей посильной помощью нашу доверху наби-

тую провизией машину, весело переноса в дом муку, разные крупы, сахар, колбасу, сосиски, макароны и всякие московские сладости, о которых тогда в деревне далеко не все и слышали.

Но это не значило, что в деревне совсем уж не было чем прокормиться. На дворе мычала бурёнка Зорька, дававшая удивительно вкусное молоко, похрюкивал поросёнок, кудахтали куры и блеяли овцы. Так жили почти все тогда на Ишино – Егоровы, Брянкины, Голодяевы, Гусевы, Глушихины, Красильниковы, Китовы, Сальновы, Шестовы, Махалины, Ширяевы да Комшины, опираясь на своё к тому моменту изрядно потрёпанное хрущевскими реформами и «стиранием грани между городом и деревней» домашнее хозяйство – у кого коровы, у кого козы да гуси.

Но все эти трудности, включая периодически пропадавшее в период дождей и гроз электричество, что делало популярными керогазы и керосиновые лампы и, соответственно, сам керосин, который хранился в специальном погребе на холме через речку (село состояло из двух улиц или порядков, как это тогда называлось), искупались прелестями вольной деревенской жизни.

Мой распорядок дня, очень жёсткий в Москве, летел к чёрту, и я мог ложиться и вставать, когда мне заблагорассудится. Маленьким я мог кататься по изумрудной траве, закатываясь иногда в жгучую крапиву, пускать по речке кораблики, играть с гусями, которые порой больно хватили меня за подбородок, да так, что я стремглав бежал с рёвом к бабушке Любе и утыкался в её всегда чистый подол. Бабушка, на вид очень строгая, развязывала своими узловатыми, потемневшими от крестьянских трудов руками небольшой платок, где хранились её весьма скромные сбережения, и давала мне несколько монет, за которые в местном магазинчике можно было купить нехитрые конфеты в форме ореха, обсыпанные какао. Какой это был праздник!

Но стоило мне подрасти, и я уже реже стал бывать у бабушки в гостях, хотя её дом находился всего через 4–5 домов по тому же порядку от тётушкиного, стоявшего на краю улицы. А после её смерти в 1968 году и пожара, поглотившего на моих глазах соседние с ней избы, дом был продан, и я жил уже только у тётушки. О как сладки были эти времена! Место мне определили в чулане, где простору было всего для одной кровати, тумбочки и этажерки с книгами. Самым любимым временем был вечер, когда уже все ложились спать – а шли на покой вскоре после захода солнца, потому что вставать надо было в четыре часа утра, чтобы подоить скотину и выгнать её со стадом в ближние поля. Тогда я брал белую кружку с отбитой эмалью у доньшка, наливал в неё холодную, недавно принесенную на коромыслах воду из Камень-коня и, взяв тайком кусок колотого сахара, принимался вприкуску с ним под тусклой лампочкой читать книги, коих в этом деревенском доме было вполне достаточно.

Надо сказать, что при всей бытовой скромности, если не сказать бедности деревенской жизни (массовые блага, такие как холодильники, телевизоры, стиральные машины, мотоциклы, проигрыватели, магнитофоны и другие прелести цивилизации, появились лишь в семидесятые годы) народ на селе был читающий и тянувшийся к знаниям. С утра почтальон Тая Сальнова (её муж, фронтовик Михаил Сальнов, был учётчиком в колхозе и нашим дальним родственником), тяже-

ло нагруженная газетами, телеграммами, поздравительными открытками, плотно набитыми в её коричневую дерматиновую сумку, приходила в наш дом, пила чай, рассказывая «вприхлёбку» всякие забавные истории из сельской жизни, приправленные красивым, я бы даже сказал художественным и совсем не злобным деревенским матом, а народ принимался читать. Почти в каждом доме считалось нормой выписывать четыре-пять газет, включая непопулярную, но часто используемую вместо скатерти и для завёртывания колбасы районную газету. Но, кроме этого, в доме скапливались горы «Роман-газеты», «Молодой гвардии», «Подвига», «Техники – молодежи» и других изданий, которые я старался прочитывать от корки до корки. Было в доме и собрание сочинений Конан Дойля, так что о похождениях Шерлока Холмса в далёком туманном Альбионе я узнал в глухом нижегородском селе и очень его полюбил.

Многие жители села, в том числе мои бабушка и тётя, прекрасно знали русскую поэзию и могли до глубокой старости наизусть читать длинные стихотворения, а то и поэмы Некрасова, Пушкина, Есенина и других наших поэтов, что вызывало у меня искреннее удивление. Откуда? Из советской школы 1930–1950 годов, где заставляли учить наизусть массу стихов, а домашние их запоминали, в том числе моя бабушка Люба, не умевшая читать, однако обладавшая великолепной памятью...

Любовь местных к чтению и знание русской поэзии выливались в образный и афористичный язык если не всех, то многих жителей нашей деревни, да и окружающих её селений. Люди сыпали шутками-прибаутками, меткими пословицами, что хорошо описал тот же Кочин. От своей мамы я узнал их множество, в том числе и не часто употребляемых, таких как «от трудов праведных не построишь палат каменных», «Бог-то Бог, но и сам не будь плох», «лень – мать всех пороков» и многих других, в которых была спрессована вековая народная мудрость.

Жизнь в этой среде, пронизанной одушевлённой природой и любящими русское слово людьми, позднее породила во мне много стихов, которые по духу похожи, как мне думается, на есенинские. Вот одно из них:

<i>На вопрос твой почему</i>	<i>Отчего так пахнет рожью</i>
<i>Нет ответа, нет ответа,</i>	<i>Этой августовской ночью?</i>
<i>Эхом отзовется лето</i>	
<i>На вопрос твой почему.</i>	<i>Отчего ольха надела</i>
	<i>Свои нежные серёжки</i>
<i>Почему алеет зорька</i>	<i>И туманы принакрыли</i>
<i>На закате за овином</i>	<i>Из цветов ковры-дорожки?</i>
<i>И петляет змейкой речка</i>	
<i>За моей деревни тыном?</i>	<i>Оттого, что этой ночью</i>
	<i>Ты мне снова снилась рано,</i>
<i>Почему дрожат листочки</i>	<i>Оттого, что наши души</i>
<i>На берёзке у окошка,</i>	<i>Повстречались в светлом храме.</i>

Но жизнь моя, конечно же, не сводилась к чтению книг и балагурству. В конце июня начинался сезон земляники и крупляники (так в этих местах называют сладкую и действительно крупную луговую землянику), и я с мамой или с

двоюродной сестрой Валеи ходил по чистым местным лесам их собирать. Сестра – ловкая и быстрая, с гибким станом – делала это очень сноровисто, и мы, довольные, возвращались в урожайный год чуть не с ведрами ягод домой, где часть земляники и крупняники варилась на зимнее варенье, часть засыпалась сахаром и перетиралась, а часть съедалась. Пахучая и нежная на вкус, с кислинкой, земляника хорошо пилаась с чаем, куда её добавляли, прежде чем налить заварку, и разминали с сахарным песком. Особенно удавалось такое чаепитие в субботу, после бани, когда все – розоволицые, распаренные после берёзовых веничков – садились у самовара и чаёвничали от души...

Вообще Валя была мне самым близким человеком. Старше меня на семь лет, она всё же чувствовала и понимала меня лучше других. Тётушка хлопотала по хозяйству, Володя, её брат, пропадал со своим отцом либо на кузне, где учился чинить технику, либо в поле на жатве, а Валя чаще была рядом. Она много проводила времени со мной, давала читать разные книги для моего развития (того же незабвенного Якова Перельмана с его интересными задачками), играла со мной в «дурака»... короче, мы много бывали вместе, в том числе по вечерам, особенно до того момента, пока она не окончила с отличием институт (она по жизни была, как теперь бы сказали, перфекционистка) и не уехала преподавать в одно из сёл под Горьким (совхоз «Нижегородец»). Свою любовь и внимание ко мне она часто скрывала за шуточной бранью в мой адрес, особенно когда я пытался войти в дом сразу после уборки и мог наследить на тщательно вымытом ею до блеска полу. Ух, много чего я от неё слышал, но все это, в том числе и наши многочисленные споры, было просто проявлением глубокой взаимной симпатии, как и её «наставничество» и покровительство мне.

...А был ещё дурманивший сенокос под жарким летним солнцем, где я, конечно же, выступал добровольным помощником, но которого в основном берегли, дабы он, не дай Бог, не поранился о косу. Иногда все же удавалось уговорить Володю – статного и красивого парня, дать мне покосить и испытать удовольствие от вжикающего звука и пения остро наточенной косы, да полакомиться луговой земляникой, прятанной в высокой и пахучей траве. Потом свежескошенное сено ходили ворошить, чуть позже, как подсохнет – скирдовать, что было довольно тяжёлым трудом, но для меня интересным приключением. Затем можно было завалиться в стог, в уже подсохшее сено, и валяться в нём, глядя на бездонное небо и покусывая какую-нибудь сладкую ароматную травинку...

Что же до огромных колхозных стогов в прилегающих к селу полях, то мы с мальчишками изрывали их длинными ходами, создавали внутри целые залы, которые подпирали прутьями, и прятались там по вечерам, встречая закат и рассказывая друг другу свои мальчишеские тайны.

Ну, и конечно же, было много других детских развлечений: сходить в ночное пасти коней, покататься на них – до сих пор помню это незабываемое ощущение живого тёплого тела, мерно ступающего под тобой и слушающегося поводи. С ватагой ребят ходили «ботать» рыбу в Вергилейке и прилегающих ручейках. Это означало – выставить ниже по реке большие ивовые корзины и, взявшись за руки, идти цепочкой по колено в воде по ручью вниз, криками и громким шумом спугивая рыбу. Она действительно шла в корзины – огольцы и व्यюны, или рыбка по-

крупнее – сомы, караси да щуки. Потом все дружно собирались на берегу, тащили с огородов морковь, зелень по сезону и картошку, а затем на костре варили безумно вкусную, с укропом и петрушкой, свежую уху! Что может быть лучше! Это было время безмятежности, простой мальчишеской дружбы без зависти и обид.

Когда были поменьше, лет до десяти, обожали вспугнуть и поймать на крутом склоне у церкви майских жуков на вечернем закате, посадить их в спичечный коробок и слушать, как они там скребутся, а потом выпустить. Мастерили луки и стрелы, поскольку герои Майн Рида и Вальтера Скотта тогда были очень популярны среди детей. Делали из дудочника небольшие трубки, через которые стреляли мелкими ягодами, в основном черёмухой. Точнее, косточками, а ягоды, терпкие и вяжущие, конечно же, съедали.

Ясное дело, не обходилось без озорства – поогородничать, как это тогда называлось, мальчишки любили: залезали по ночам в чужие сады полакомиться вишней или сливой, нарвать крыжовника да сладких яблок. Но никогда не наносили ущерба хозяевам – не ломали ветки и заборы, ничего не портили. Одним из запоминающихся моментов был регулярный поход на выселки, на Гремячу – небольшой поселок в 15 минутах ходьбы, чтобы поучаствовать в церемонии качания мёда. Пасека была у лесника Ивана Маринина, который по доброй традиции приглашал ребятню на этот процесс. Соты торжественно вынимались из ульев, ставились в секции барабана в большой бочке, и хозяева руками крутили этот нехитрый механизм. Сам выкачанный мёд нам не давали, а выносили большой таз с обрезками сот. Наедаться можно было тут же до отвала или взять соты с запечатанным в нём мёдом с собой. Мёд быстро съедался, а пустые, изжёванные соты мы плавил на огне и заполняли ими какие-нибудь коробочки. Застывший воск потом долго источал запах лугового мёда, и я его клал себе под подушку...

Особым шиком и демонстрацией смелости среди ребят являлся гордый поход в ночь, когда не видно ни зги, в полной тишине, на деревенское кладбище. Этим доказывалось мужество. Страх перед ним был сильным, и немногие отваживались туда пойти, но, сходяв, выглядели героями и смельчаками.

Вообще мистика и разного рода необычные события привлекали нас. Тётя Женя рассказывала нам по вечерам, когда заканчивались дневные хлопоты, о всяких «знамениях», о шаровых молниях, которые просачивались сквозь щели в избу и там зависали, а затем лопались со страшным шумом, об огненных шарах, пролетающих по долам, окружавшим село, о «явленных» колодцах, которые таинственно появлялись (конкретно она говорила о таком колодце в Озерце) и так же таинственно исчезали, когда к ним пытались прийти повторно, чтобы утолить жажду.

Когда мы – приехавшие на лето и местные ребята – подросли, стали появляться предложения поработать. Обычно это предлагал совхоз, которому не хватало рук в уборочную пору. Тогда мы, мальчишки и девчонки, шли на ток (он был у церкви, часть которой использовалась как склад, а другая – как деревенский клуб, где обычно крутили кино). На току (его называли по старинке и гумном) привезённое с полей зерно – или, точнее, уже обмолоченное старыми, грохочущими комбайнами жито (на Украине житом называют только обмолоченную рожь, а в средней полосе России – и пшеницу тоже) – веяли и вручную, иной раз просто

деревянными лопатами, закидывали на грузовики, которые свозили его на склад в основную совхозную усадьбу в Маргуше. Это было непередаваемое чувство – погрузить руки в пахнущее хлебом, прогретое солнцем зерно или полностью зарыться в нём, а потом с ветерком ехать в кузове доверху груженого житом автомобиля – обычно со смехом и шутками в адрес девчонок, которые участвовали в погрузке, а потом и разгрузке вместе с нами. И эти ощущения значили гораздо больше тех 20 копеек, что нам платили в день за эту нелёгкую в общем-то работу, на которую мы, по завету Тома Сойера, исполняли с большим желанием.

Вечерами, по вечерней росе, по холодку, молодёжь с гитарами и гармошками ходила вдоль села, пела песни, озорничала, играла в невинную по нынешним временам игру «Ручеек», когда ты выбираешь себе девушку и становишься в первый ряд, а вторая пара проходит под вашими сплетёнными над головой руками и так – пока девушки не кончатся. Стеснялись друг друга, но выбирали тех, кто нравится.

Тут, наверное, уместно немного обрисовать, выражаясь казённым языком, социально-экономическую обстановку в нашем селе и вокруг него. Надо сказать, что колхоз в Ишино, созданный в сталинские времена, был достаточно крепким. Да, в 1932 году, когда засуха наложила на коллективизацию, не обошлось без голода, да такого, что люди слепли и выползали весной есть любую травку. Поэтому моя мама знала названия всех деревенских трав и какие можно есть. Из них почему-то запомнились одуванчики, «диканька морковка» да щавель. Из других бед были немногочисленные случаи раскулачивания – пару «кулацких», на деле не сильно богаче других, семей отправили в соседние сёла, отобрав у них «лишний» скот, прежде всего лошадей. Потом они обратно вернулись в наше село, и эти семьи я знал.

Большинство селян было за Советскую власть. Это легко объяснялось тем, что Нечерноземье наше с его скудными почвами давало всегда очень скромные урожаи. Народ, до революции состоявший из податных крестьян, жил крайне бедно. Многие работали на местного барина. Хлеба не хватало до весны, шли за зерном к кулакам, которые драли за него три шкуры. Самым ценным «активом» была лошадь. На ней можно было пахать. Тогда ты уже середняк. Без неё – бедняк и батрак. Поэтому провозглашенное с приходом Советской власти равенство, появление электричества и бесплатных школ, давших социальные лифты, механизация сельского труда там, где знали только соху, создание колхозов, пусть не без борьбы и долгих собраний, люди поддерживали, хотя жизнь реально улучшилась только к 1937 году, непосредственно перед войной. Никаких крестьянских восстаний в нашем регионе, как в Тамбовской губернии, отродясь не было...

Вторым моментом, определившим поддержку Советам, стало то, что капиталистические реформы Александра Второго и его преемников на Руси не прижились. Народ был стихийно настроен антикапиталистически – на общинность и артельное ведение дел. От века на Руси не было римского права, священной частной собственности и ярого протестантского индивидуализма. В России всегда власть рождала собственность, а не наоборот, как на Западе. Да и вообще, если обернуться назад, в России две попытки построить капитализм – один раз

при Романовых (1861–1917), другой раз при Горбачёве (1985–1991) закончились развалом государства. Случайность? Думаю, что нет.

Вопрос о поддержке власти тесно связан с отношением к религии, поскольку власть после Октября 1917 года пришла «безбожная», вдохновлявшаяся светскими идеалами Французской революции и Парижской коммуны, и это было одним из водоразделов, по которым проходило отношение к Октябрю 1917 года. Надо сказать, что многое тогда у большевиков получилось, потому что русский народ вообще-то не шибко религиозен. Это отмечал ещё В. Г. Белинский, подчеркивая, что «крестьянин произносит имя Бога, почёсывая в ж...». Того же мнения был и А. И. Герцен. К моменту революции русская православная церковь, крепко привязанная Синодом со времен Петра Великого к трону, была сильно дискредитирована безбрежной поддержкой всех инициатив царской власти, в первую очередь трёх подряд проигранных войн (чего, кстати, избежали католики в Польше, например). Поэтому закрытие Храма в нашей деревне прошло безболезненно, никто не возмущался, да ещё нашлись люди, которые с подачи пришлых революционеров сбили с церкви кресты и сняли колокола... Народ в тот момент отвернулся и от церкви, и от Бога... придёт ли покаяние? Не знаю, не уверен.

Религиозные аспекты жизни в советское время отчасти сохранялись, но больше проявлялись в обрядах, например, крещении детей и праздновании религиозных праздников. Поскольку я бывал в деревне летом, то заставал обычно празднование Троицы, Медовый да Яблочный спас. На Троицу дома украшались молодыми берёзками, народ ходил в баню, устраивалось застолье. По домам у всех были иконы в красном углу и зажигались лампы. Вот, собственно, и вся религиозность.

...Но, худо-бедно, колхоз стал на ноги и превратился, как бы теперь сказали, в многоотраслевое хозяйство: была конеферма, свиноферма, молочная ферма, были разбиты сады – яблочные и вишнёвые, доходило до того, что в нашей средней полосе выращивали арбузы и дыни. Была своя МТС – моторно-тракторная станция. Конец этому «безобразию» положил Никита Хрущёв. Я ещё застал эти годы чёрных полей, когда по его приказу сеялась зачастую не всходившая или не вызревавшая в нашем климате кукуруза, а не люцерна, овес, рожь, горох и пшеница, традиционно выращивавшиеся в наших местах. Колхоз в середине шестидесятых был преобразован в совхоз, а позднее, уже при Брежневе, усадьба была перенесена в соседнюю Маргушу...

Не скажу, что власть не ругали. Все понимали, что индустриализация страны шла за счёт деревни (другого ресурса не было и быть не могло), её обескровливания, отъезда наиболее талантливых, перекачки всего производимого селом, а производило оно многое – мясо, масло, молоко, зерно – туда же. Да и радости работать за трудовни в 40-50-е годы было мало. Но для многих открылась перспектива выучиться и поехать в города с их широчайшими возможностями. Ими воспользовалась и моя мама, где она поступила в институт. Доучиться ей не дала жизнь. Шла война, и её забрали на курсы немецкого языка. Закончив их, она уехала в 1945 году на долгие семь лет в Германию, где, с учетом её блестящего знания немецкого (немцы принимали её за свою), она стала участником допросов высших офицеров рейха и технических специалистов-инженеров, которых подбира-

ли для работы в СССР. Её рассказы об этом дали мне понимание того, насколько мощной и опасной была нацистская идеология, что в наши дни и подтвердилось. В то же время мама многое переняла из европейской жизни, всегда с уважением относилась к немецкой культуре и немецкому народу.

В Горьком были заводы, университеты, театры, консерватория, опера и все прочие признаки цивилизации. Поработав на заводе, позднее можно было достаточно быстро получить бесплатную квартиру, чем многие и пользовались в шестидесятые-восемидесятые годы. Поэтому ругали Советскую власть беззлобно, в основном анекдотами да частушками, которые здесь не стану приводить, чтобы не понижать стиль.

Тон, которым произносились эти полупохабные стишки, был озорной, не соответствующий их мрачному содержанию.

К тому же собственно Советской власти в моём, да и в окрестных сёлах на деле-то и не было. Даже милиционера не было. Был сельсовет, что выдавал справки, были колхозные и совхозные бригадиры. Практически полное самоуправление. Это к вопросу о «репрессиях и тоталитаризме» тогда. Село управлялось в основном заданиями по производству той или иной сельхозпродукции. О происходящем в стране узнавали из газет. Жизнь была во многом общинная и артельная. Это касалось не только работы в колхозе, но и совместных работ по углублению и чистке русла Вергилейки, выпасу скота, определению участков под сенокос или вырубку леса. Умирать эта система стала лишь с преобразованием колхозов в совхозы, отъездом людей в города и перекладыванием задач на государство, которое с ними в силу разных причин (отсутствие средств или банальная бюрократия, отсутствие необходимого людского ресурса) не справлялось.

В моем детстве, в середине шестидесятых, деревня ещё выглядела вполне здоровым организмом. В ней были: клуб, начальная школа, магазин, почта, медчасть с фельдшером и даже неплохая библиотека, которой заведовала как раз одна из бывших раскулаченных! Молодежь строила дома. Ставила срубы, которые «выстаивались» пару лет, потом шли под кровлю. Ещё были живы, хоть и не во всех деревнях, плотники да печники, способные на это. Даже можно было найти специалистов, которые знали, как драть лыко и плести лапти! В село регулярно приходили со своей тяжёлой ношей (механизм был размером с ножную швейную машинку) точильщики ножей, криками сзывая сельчан. Про строительство коммунизма никто не говорил. Стариков в основном волновало, чтобы не повторился 1941 год.

Но в конце шестидесятых годов, с началом реализации программы «неперспективных» деревень, разработанной академиком Т.И. Заславской (считаю, что это было чистым вредительством – если не сам замысел, то исполнение), деревня стала хиреть. Постепенно все учреждения закрывались, в плане социального развития мало что делалось, практически ничего, кроме строительства водонапорной башни в 1975 году у того самого Камень-коня. Асфальт в деревню был дотянут по горбачёвской программе развития Нечерноземья лишь к моменту заката «перестройки» и разрушения колхозно-совхозной системы, а газ и полноценный водопровод с канализацией так и не провели. Высокие зарплаты механизаторов,

распространение благ цивилизации и в целом заметный рост уровня жизни в семидесятые-восемидесятые годы не помогали, потому что не развивалась, а наоборот, сворачивалась социальная и транспортная инфраструктура села. Убеждён, что если бы все шаги по его комплексному развитию были сделаны тогда, во второй половине шестидесятых, народ, в том числе и мой двоюродный брат, не уехали бы из родного села. Теперь оно стоит в запустении, ожидая либо окончательной гибели, либо сказочного, почти невозможного возрождения.

Конечно, свою жатву собрала и война. Уверен, ни наша земля, ни страна так от неё и не оправились, и развал СССР наряду с откровенным предательством элит во многом связан с ней. Почти вся мужская часть класса, в котором училась моя мама (выпускники 1941 года средней Малопицкой школы), погибла на войне. А это, по словам матушки, были талантливейшие ребята! В нашем селе стоит памятник погибшим – там 120 фамилий – чудовищно много для Ишино и пары соседних деревень. Огромное число людей, включая мужа моей тётушки, вернулись инвалидами, многие затем спились под грузом возникших проблем... государство им в этом сильно «помогало» – водка была доступна и стоила дёшево. Её цена, конечно, росла, но не сильно, и это были вехи истории тогда: 2.87, 3.62, 4.12. На неё можно было купить и обменять всё: починить забор, вспахать усад, скосить траву... Поощрялись партийные собрания с последующими «возлияниями». Да и самогон народ гнал исправно...

Собственно, на эту тему – о гибели русской деревни – пролито немало слёз наших поэтов, начиная с Сергея Есенина, написана масса книг, причём душераздирающих, таких как «Прощание с Матёрой» Валентина Распутина, за её сохранение бились целые полки писателей-деревенщиков, ставшие отдельным направлением в русской литературе сродни военной прозе. Но ничто не спасло нашу русскую деревню. Об этом можно рыдать и находить злой умысел как большевиков, так и капиталистов, но факт есть факт. Умирала не просто деревня – умирала сама та форма жизни и, увы, это было неизбежно. Неотвратимая индустриализация не могла идти иначе, как за счёт деревни. Да и самый первый акт индустриализации ещё при царях, после освобождения крестьян в 1861 году без земли, и был устроен таким образом, чтобы вытолкнуть людей в города, на создававшиеся тогда первые промышленные предприятия. Советская власть продолжила эту линию. В итоге деревня обезлюдела. Ну а в современных условиях молодёжь уже не захочет возделывать огород и пасти скотину, запастись для неё корм и вообще заниматься тяжёлым крестьянским трудом. Проще сходить в супермаркет. То же самое с многодетной семьёй. Тогда это было условие выживания, рабочие руки. Сейчас – обуза и дорогое удовольствие.

Да, русская деревня, организация самого быта в чём-то могут послужить прообразом для будущего – органичного с природой или природоподобного социального и экономического проекта. Сама русская усадьба с её делением на четыре логичные зоны – люди в экологически чистой деревянной избе, окружённой цветущим палисадником, далее двор с хлевом для скотины с полной утилизацией отходов жизнедеятельности (навоз как удобрение), затем огород, за ним сад и далее усад для картофеля (свёклы, репы и чего угодно) – выглядит абсолютно

«зелёной», выражаясь по-современному. Если всё это посадить на современные технологии с ветряками, солнечными батареями, интернетом и распропагандировать как вариант жизни в гармонии с природой, в рамках ухода из города и жизни небольшими общинами – почему нет? Хотя сейчас это выглядит утопией.

Но вернёмся в наше счастливое, несмотря ни на что, детство. Та детвора, что собиралась в ватаги ловить рыбу, купаться в пруду или ходить в ночное, отправлялась подраться по вечерам в соседние деревни (без повода и злобы – просто так, из удали), или погулять около клуба, была весьма разношёрстной. К тому моменту промышленные города, прежде всего поволжские, уже много высосали из деревень людей на цели индустриализации. В основном народ расселялся в Поволжье – сам Горький (ныне Нижний Новгород), Куйбышев (Самара), Саратов, Тольятти, Ульяновск. Поэтому родители посылали оттуда своих детей к родне – в основном бабушкам – в деревню на лето. Хотя были и свои, местные. И если в малолетстве меня никто не отличал от других, то в отрочестве и юности отношение ко мне изменилось, и не в лучшую сторону... Меня «с подколкой» называли «москвичом», ревниво следили за тем, чтобы я не проявлял интереса к местным девочкам. Особо зло вели себя самарские, вплоть до угрозы убийством, причём даже сейчас мне не понять истинные причины их ненависти. Скорее всего – это разговоры их родителей, отмечавших лучшее снабжение столицы и более высокий уровень жизни, а может быть, и то, что я был «немного другим».

Кончилась эта история банальной дракой, которую я, подозревая о последствиях, сам начал, нанеся самарскому обидчику сильный удар в челюсть и выбив ему зуб, после чего был успешно побит его друзьями. Спасло то, что я, семнадцатилетний парень, хорошо подготовился: на мне были плотная телогрейка (вечера были прохладные) и широкий армейский ремень, а также присутствовала некоторая спортивная сноровка. Я отделался ссадинами, да и местные быстро остановили избиение, хотя мне и достался один удар сапогом в основание черепа пьяным парнем, который даже не знал, кого бьют, из-за чего я стал терять свою великолепную тогда память и волосы на голове... К счастью, этот процесс удалось остановить. Свидетельством этому стало то, что вскоре после этого инцидента при подготовке к экзамену для поступления в институт я выучил за три дня все основные даты российской истории (более 600).

Но эти отдельные случаи не испортили мне общее впечатление от пребывания в деревне. Кроме того, у меня были не только знакомые в ватаге ребят, с которыми я ловил рыбу, но и один настоящий друг!

Познакомились мы с ним в один из летних дней. Начал накрапывать дождик, и Миша¹ со своим товарищем и одним из моих родственников, Сашей Лукониным, зашёл к нам укрыться от дождя. Собственно, тогда и в пустой дом зайти можно было, ведь их никто не запирает, жили открыто, но этого никто себе не позволял. Слово за слово, разговорились и стали приятельствовать, а затем и подружиться. Миша приезжал к своей бабушке с матерью, причём обычно раньше меня, и жил, как и я, в крайнем доме порядка, но только в нагорной части села. Нам тогда было лет по двенадцать, то есть это был где-то 1970 год... Миша об-

¹ Скончался в 2025 году.

ладал разносторонними талантами, причём такими, которых не было у меня: он учился играть на баяне, на гитаре, что в ту пору было повальным увлечением мальчишек на фоне проникавшей к нам западной культуры, «Битлз», да и собственных пристрастий русских к бардовской песне... С тех пор благодаря ему я могу взять три «блатных» аккорда на гитаре. Но не больше.

Пел он как уличные песни, типа «я встретил девушку на перекрёсточке, она хорошенькой пацаночкой была», так и смешные шуточные бессмысленные сочетания букв и слов под баян: «норкер йер кена, пустур заенна, астрес-татрес, арпусь ийкорке», ну и так далее. Мотив был взят из «Речной песни» (фильм «Верные друзья»), а бессмысленная, но смешная белиберда сочинена самим Мишей вместе с его другом из Горького Сергеем Мазуниным. Играл Миша и иные мелодии на баяне, такие как «Амурские волны» и другие из числа тех, что изучались в музыкальной школе.

С ним было интересно. Вместе восхищались появившимися тогда магнитофонами, в частности переносным «Романтиком-3» на батарейках, что выпускался на радиозаводе в Горьком. Для нас это было чудо! Как-то нам его хозяин, Саша Кочнев, дал донести его до правления. Я не удержался и включил его послушать. Восторг! Не помню, что мы слушали, но тогда были популярны песни В.Ободзинского, ВИА «Поющие гитары», такие как «Синий иней», «Червона рута» Софии Ротару и другие. Их тексты я записывал в специальную тетрадь и разучивал. Такие тетради были у многих.

Нам обоим нравилась техника, и мы всё время что-то изобретали. В основном, конечно, он, но и я ему помогал. Находили какие-то снятые детали от тракторов, даже моторы, динамо-машину, старые стартеры и какие-то другие убитые механизмы. Пытались из них что-то мастерить. Так, чтобы заставить динамо-машину вырабатывать электричество, Миша вырубил из целого полена простым топором пропеллер. Маленький, но подвиг! Должен был получиться ветрогенератор, прообраз нынешних «ветряков». Замысел состоял в том, чтобы вырабатывавшаяся электроэнергия питала освещение для нашего шалаша, который мы задумали сделать на дереве. Ничего из этого грандиозного замысла не вышло, но пропеллер остался и был приспособлен одним из его родственников распугивать ворон у палисадника.

Миша был заводилой и лидером, мне с ним было интересно, потому что он всё время что-то придумывал. Позднее он увлекся электроникой, и это стало его любимой профессией, но занятия музыкой не бросил, влившись в музыкальный коллектив своего института, продолжает их и сейчас, осваивая новые инструменты.

Мы и тогда оба были не про грибы и не про ягоды и основное время проводили вдвоём, что-то затевая. Иногда это оборачивалось неприятными эпизодами. Так, например, мы выкопали себе землянку, укрыли её досками, а сверху положили дёрн, чтобы ее замаскировать. Нам казалось, что мы в своих мальчишеских играх в тайну всё продумали, но забыли о главном: землянка оказалась на пути, по которому деревенское стадо пастухи гоняли утром на пастбище и возвращали вечером. Коровы интуитивно какое-то время обходили наше маленькое убежище, но однажды неизбежное случилось, и бедная корова в него провалилась! Вычислили нас быстро, потому что на голом месте, на юру, выкопать незаметно землян-

ку было, прямо скажем, сложно, хотя нам по наивности казалось, что мы не привлекаем к себе никакого внимания окружающих. Нас было видно за километр! Ух и досталось же нам! Хорошо, что животное себе ничего не сломало, иначе дело могло обернуться уже материальными издержками для наших родителей. С тех пор мы сосредоточились на шалашах в укромных местах за деревней и нам этих мальчишеских тайн с лихвой хватало.

Были и другие опасные приключения. Однажды мы, чтобы пойти погулять, посадили младшего брата Миши – Славку, ещё совсем малыша, которого нам доверили его родители, в ожидавшийся достройки сруб, и ушли, забыв за своими мальчишескими забавами о его существовании. На наше счастье, Славка так был увлечён своими игрушками, что к тому моменту, когда мы вспомнили о нём и, спохватившись, прибежали к срубам, безмятежно продолжал играть.

Как любимым мальчишкам, нам нравились всякие потаённые места, овеванные какими-нибудь местными легендами. Таким таинственным и не до конца исследованным местом была церковь, точнее – её подвал. По рассказам местных жителей, там священники, когда назрела угроза разграбления церкви, спрятали свои сокровища. Их не раз искали, но не нашли. Нам, само собой, захотелось туда проникнуть, что мы и сделали, забившись в самое глубокое и тёмное место. Не помню, чем мы пытались там заниматься, то ли гадать, то ли заниматься гипнозом, но больше мы этот опыт не повторяли. Уж очень там было мрачно, да и сокровищ не оказалось.

Но были и моменты, которые напрямую угрожали не чужому, а нашему здоровью. Однажды, будучи уже юношами, мы поехали в соседнюю деревню на подростковом велосипеде. Я ехал на раме в качестве пассажира, что само по себе было безрассудством, а Миша крутил педали. На обратном пути разогнались так, что летели с горки со скоростью 30-40 километров в час. Нам было весело. И то ли мы попали на кочку, то ли велосипед банально не выдержал нашего веса, но рама подломилась, и мы полетели кувыркком прямо в стену стоявшую вдоль дороги рожь. Как мы отделались легкими ссадинами – Господь его знает! Наверное, сказалась наша молодость, мягкость земли и смягчающее действие созревающей ржи. Обнаружив, что педали оказались на уровне земли, мы потащились – живые и здоровые – на кузницу, к дяде Ване, куда очень любили заходить. Там нашу раму снова поставили на место и приварили...

Самым нашим большим приключением стало «большое путешествие». Конечно, это не было странствиями Бильбо Бэггинса или других хоббитов, но, уйдя рано утром в наши леса и перелески, мы заплутали и до вечера бродили, не понимая, где мы. Мобильных телефонов тогда не было, а наши русские просторы таковы, что можно бродить целыми днями, никого не встретив. Тем более, что расстояния между деревнями измерялись в некоторых случаях 7-10 километрами, а если идти петляя, то можно сутками кружиться по незнакомым полям и лесам... Чтобы понять, где мы находимся, мы попытались забраться на деревянную противопожарную вышку, стоящую в самом высоком месте (потом мы поняли – где), но у нас ничего не вышло – ступени были гнилыми, сама конструкция сильно и опасно качалась, и забраться, возможно, к лучшему, не удалось. Иначе могли рухнуть с большой высоты – метров двадцать.

На наше счастье, погода была летняя, не слишком жаркая, и, хотя мы страдали от жажды, а вместо воды в одной из бочек в поле обнаружили жидкий аммиак, от которого чуть не задохнулись, когда открыли кран, к концу дня всё же поняли, что находимся не так уж далеко – километрах в трёх от нашей деревни, куда мы, сильно уставшие, вернулись к самому вечеру. Нас уже, конечно, хватились, но искать ещё не начали, полагая, что мы пошли на речку и гуляем где-то поблизости. Больше мы таких походов по принципу «куда глаза глядят» не предпринимали, но это путешествие запомнилось навсегда. Интересно, что мы ни разу не испугались, а настойчиво искали выход из ситуации... Но это был хороший урок. Впервые я понял, что в условиях почти абсолютной свободы и возможности выбирать себе путь можно и заплутать. Нас этот поход только сплотил, и дружба наша окрепла.

Когда мы повзрослели, то, конечно, стали больше общаться с деревенскими девочками, ходили вместе к клубу, где молодёжь собиралась вечером, болтала, играла на гитаре и играла «в бутылочку»: все садились в круг и по очереди крутили пустую бутылку. На кого она укажет, надо было поцеловать. Причем делать это можно было не прилюдно, а отозвать в сторонку и чмокнуть в щёчку... тогда это был верх того, что мог себе позволить паренек в 15–16 лет. При девочках тогда не было принято ругаться матом, не говоря уже о том, что сами девочки его не употребляли. Среди них были и весьма талантливые, с хорошими голосами. Вечерами они пели для всех популярные русские песни, и шумная ватага ребят затихала.

Однажды, когда нам было лет по пятнадцать, мне и Мише понравилась одна и та же девушка (она, как и мы, приехала к родне на отдых), которую мы оба считали красивой: она действительно была недурна собой, с очаровательными большими глазами и пышными волосами. Звали её Капа. Её полное имя – Капитолина – я тогда не знал. Приняли «джентельменское» и, как нам казалось тогда, благородное решение: пусть она сама выберет, кто ей больше нравится. Не раз провожали её до дому, но она неожиданно уехала в соседнее село – Осиновку, и мы стали ходить туда. Сговорились как-то вечером сесть по разные стороны от неё на лавочке и одновременно поцеловать... Не вышло. Короче, Капа так ни одного из нас и не выбрала, и наш так и не начавшийся роман с ней закончился.

С моим другом мы потом несколько лет не встречались – оба готовились к поступлению в институт, сдавали экзамены. Случайно обнаружили друг друга в Ишино в 1979 году, куда Миша приехал вместе со своим курсом от Горьковского государственного университета им. Лобачевского. Это был не то чтобы стройотряд, а помощь города сельскому хозяйству. Миша тогда был лаборантом кафедры электроники, а его товарищ, с которым он пришёл, Александр Савикин – заведующим лабораторией кафедры квантовой радиофизики. Эта встреча примечательна тем, что в ходе разговоров «под водочку» на холме напротив нашей деревни, созерцая наступающий тихий летний вечер, Александр рассказал нам, что ему поручено по линии Академии наук СССР докладывать всю информацию об НЛО, появляющихся в Горьковской области. Тогда эта тема была очень популярна, и затронул её я, рассказав о лекциях известного тогда уфолога Владимира Ажажи

в моём институте. В ответ на это Александр поведал нам, что об НЛО известно гораздо больше. Что они чрезвычайно заинтересованы в промышленных объектах и часто появляются над ними, в том числе и в районе Горького. Информацию об этих НЛО их группа получала от станций ПВО, которыми была нашпигована наша область, насыщенная военными объектами и заводами. В частности, он рассказал, что одна из «тарелок» села прямо в поле за городом. Отряд, которому было поручено следить за ними, выехал на это место и выяснил, что «тарелка», к тому времени покинувшая свою временную стоянку, имела три опоры, и её вес, рассчитанный на основе математических формул с учётом состояния почв, составлял 600 тонн. Вот так архаика деревни сочеталась с фантастическими событиями, происходившими вокруг...

Осталось рассказать о доме, в котором я жил, и о родословной моей родни по материнской линии...

Как я уже писал выше, дом – обычный пятистенник на кирпичном фундаменте – стоял и стоит по сию пору на краю села, у дороги, которая вела к трассе на Маргушу и Малую Пицу. Говорят, когда-то здесь располагался «барский дом». Но кто был его хозяином, никто не помнил. С другой стороны дороги было всего несколько домов, которые примыкали к упомянутому старому кладбищу, уже заросшему малиной и брошенному. Оно находилось как раз рядом со старой деревянной церковью, от которой остались лишь одни смутные воспоминания да древние иконы, которые ещё во времена Советской власти приезжали покупать какие-то мутные личности.

В доме тёти Жени, построенном после её замужества в пятидесятые годы, стоял запах домашнего тепла и скромного деревенского уюта. Он создавался чистотой, пёстрыми половиками, скромными тюлевыми занавесками на окнах, немногочисленными фотографиями родственников на стенах, обязательными часами с кукушкой, русской печкой, которая хоть и не часто, но топилась летом и придавала волнующий аромат всей той стряпне, что готовила тётя Женя. А пекла она хлеб на поду, который звучно хрустел и дымился, когда от него, ещё горячего, отрезали огромные ломти, ватрушки размером со сковороду из удивительно пышного деревенского творога, пироги с капустой, зелёным луком и яйцами, блины да оладьи – короче, всё, чем был богат дом. Особенно я любил гречневую кашу на молоке, запечённую в большой глиняной плошке. Это был восхитительный момент: тётя или Валя ухватом вынимали её из печи, снимали коричневую застывшую пенку с плошки. Под ней дымилась вкуснейшая каша, которая обжигала рот, но мы её тут же запивали холодным, только что из погреба, а позднее – из холодильника молоком, хранившимся тоже в глиняной крынке. Ничего вкуснее я в жизни не едал!

Тётя почему-то любила есть угли. Она выхватывала из печки ещё дымящийся уголёк, перебрасывала его с руки на руку, пока не остынет, а потом съедала! Это было так удивительно! Я смотрел раскрыв рот на это чудо.

Летом в сених стояли бочки с настоящим, без всякого сахара, квасом на чёрном хлебе, а также с малосольными или уже солёными (по сезону) хрустящими огурцами со своего огорода. Каждый, входя после сенокоса во время летней стра-

ды, зачерпывал квас прямо ковшом и жадно пил его крупными глотками, пытаюсь утолить сильную жажду после тяжёлого сельского труда.

В гости к тёте приезжал из Литвы её и мамин брат – дядя Коля, похожий как две капли воды и лицом, и тембром голоса, и манерами на космонавта № 2 Германа Титова, с которым я позднее познакомился лично и потому мог сравнивать. Дядя мой обладал роскошным баритоном, ему в своё время пророчили блестящую карьеру в Горьковском оперном театре, но он пошёл биться с «зелёными братьями» в Литве... Там и осел, завёл семью и троих сыновей, которые там так и остались после развала Союза.

И вот вечером, после обильной еды и кое-какой выпивки (которую что он, что дядя Ваня, чего уж греха таить, как все русские, любили) дядя Коля начал петь русские народные и казачьи песни, а иногда и арии, да так, что под окна сбегалась вся округа слушать его мягкий, но сочный бархатистый баритон, вслушиваться в эти волшебные звуки необыкновенно красивого русского языка. И поэтому, когда меня спрашивают, почему я люблю русскую деревню, я отвечаю – вот за эти моменты душевного общения. Ведь слово *задушевность* не имеет перевода на другие языки и является отличительной чертой и русского языка, и нашей культуры.

Вообще деревня, мои летние каникулы там, оказали огромное влияние на моё становление. Во-первых, я увидел и почувствовал настоящую народную жизнь самых низов на контрасте с городом, где я учился в одной школе с детьми русской и не очень русской интеллигенции (некоторые из них в начале семидесятых уехали в Израиль), сыновьями и дочерьми многих, кто работал на Мосфильме, в том числе редакторов и режиссёров советских фильмов, отпрысками учёных, литераторов и литературных критиков, дипломатов и прочих людей, кого считали сливками советского общества.

В деревне же я понял, как тяжела крестьянская доля, что хлеб появляется не из магазина, а молоко – не из холодильника. Это с самого детства воспитало во мне уважение к трудовому человеку и отсутствие чувства превосходства «городских». Простота общения, готовность людей помогать друг другу, открытость скромного быта – всё это ложилось на душу. Во-вторых, сама природа, очень схожая с той, что описывал А.С. Пушкин, наше раздолье, разнообразие пейзажа, его какая-то уютность и тихая нежность, когда ты ощущаешь окружающее как живое, тёплое и сопричастное тебе, порождали ощущение, что ты плоть от плоти всего того, что тебя окружает, что это и есть мать сыра земля, к которой припадаешь, вдыхаешь аромат её трав и становишься стократ сильнее...

Конечно, эти летние месяцы вдали от городской суеты, наличие свободного времени, обилие книг, давали возможность развиваться, думать над прочитанным, осмысливать его. Всегда была возможность затем с матерью обсудить прочитанное, понять, о чём шла речь. А литература была в основном героическая. Об истории, рыцарстве, о боях, о войне, о подвигах... Мама тщательно собирала статьи о великих людях, о героях войны, о писателях, поэтах и старалась передать мне их идеалы и ту жажду знания, которую несло всё поколение послереволюционных лет. Эти папки до сих пор лежат в семейном архиве. Отсюда – тоска

по тем временам, неприятие многого в происходящем сейчас в подлунном мире и рождаемые этим стихи:

*Верните мне мою Россию –
Страну, которую люблю!
Ту, где закаты золотые,
Сады, где яблони в цвету.
Где человек – не приложенье
К кредитной карточке своей,
Где миг любой – любви творенье,
Где тень берёз и круг друзей...*

Нельзя не сказать о других моих родственниках, жизнь и поступки которых тоже впечатлили меня. Так, другая и горячо любимая сестра моей мамы – тётя Лиза – жила в Горьком. Была она простой медсестрой, но человеком бескорыстным и беспредельно щедрым. Её дом всегда был открыт для гостей, которым отдавалось практически всё, что в нём было. Когда мы проездом в деревню останавливались у неё, нас ждал вкуснейший домашний борщ, блины, пироги. Если это был сезон клубники, то нам дарилось абсолютно всё, что росло на её садовом участке, расположенном крайне неудобно, на крутом склоне, ведущем к Оке. Тётя Лиза карабкалась по этому неудобью, собирала клубнику и вручала нам огромные кульки, которые не всегда доезжали до деревни, потому что съедались по дороге.

Когда она умерла от рака (о котором она как медик знала всё и заранее попрощалась с роднёй), на похороны пришло полгорода. Как оказалась, она помогла несметному количеству людей, больным, за которыми она со всем сердцем, с широкой и сердобольной русской душой ухаживала, как за близкими родными, носила передачи. Так что уж точно – не место красит человека.

Приезжали или заходили в гости к тёте Жене многочисленные Комшины – обширный род, корнем которого была семья другой сестры моей матери – тёти Таи. Дом их был «на горе» (то есть в нагорной части села) и отличался восхитительным вишнёвым садом, куда мы все любили заходить. Вишня была сочная, крупная, сладкая и главное – её было много! Отличались они хлебосольным нравом да балагурством. Особо я сблизился со своим двоюродным племянником, хоть он по иронии судьбы и старше меня, – Валерой и его замечательной супругой Мариной. Оба они – красивые и ловкие, в годы молодости пошли по «культурной» линии, работали в Лукояновском районе: он возглавлял с 1977 года в течение пяти лет клуб культуры, а жена была директором музыкальной школы. Отменные танцоры и музыканты, они по ходу дела растили своих детей и дожили к нашим дням до внуков и правнуков. Марина, так случилось, ни разу в Ишино не приехала. Валера, которого затем побросало по стране и миру (он поменял профессию и стал дефектоскопистом), большой рассказчик и любитель рыбной ловли, увлекал меня за собой ранним утром половить рыбку на пруду – карасей да лещиков. Самым приятным в этом была для меня не сама рыбная ловля, а встреча восхода и минуты раннего утра рядом с сонной и тихой водой гремячинского пруда, над которой тонким полупрозрачным покрывалом колыхался лёгкий утренний туман.

Этот короткий рассказ о моем деревенском детстве был бы неполным, если не завершить его кратким описанием рода Брянкиных, из которого произошла моя мама. Мой двоюродный брат Игорь, не доживший до этого дня, уверял меня, что по произведенным им изысканиям Брянкины – старинный, но обедневший дворянский род, а сама фамилия происходит от Брянка – древней лодки славян, выдолбленной из цельного дерева. Её всегда брали с собой в поход, не только когда сплавлялись по рекам, но и в пешеходных переходах, волоком перетаскивая её до следующей большой или малой воды.

Мне самому удалось благодаря своей тётушке Жене выяснить родословную мамы до четвертого колена. Оказалось, что мой прапрапрадед Сергей проживал на Ишино, как и его сын – Осип Сергеевич. По моим очень приблизительным подсчетам – это вторая половина XVII – первая половина XVIII века. Он был весьма занимательный, даже в чем-то уникальный человек, скороход. Его сестра проживала в Работках (под Кстово). Так вот он, чтобы попить с ней чайку, из Ишино отправлялся в гости к родственнице с большим крюком через Слободу Печоры (сейчас часть Нижнего Новгорода), там тоже, видимо, с кем-то встречался и возвращался в тот же день. Но это два раза по сорок километров, если не больше! Итого 80 км за день! При таких физических нагрузках он дожил до столетнего возраста, хотя последние 13 лет был слепым. Я не раз задавал себе вопрос: откуда у меня страсть к бегу и к марафону (я этим занимался с удовольствием и пробежал марафон в Париже в 2001 году). Теперь у меня есть ответ!

Мой дед по матери, Алексей Иванович, внук Осипа Сергеевича, появился на свет в 1888 году от второго брака своего отца Ивана Осиповича – от жены из Старого поля. Алексей Иванович был богат на братьев (Фёдор, Иван, Николай, Александр) и отличился участием в походах «красных» в качестве кавалериста в Среднюю Азию. Памятью об этом было одеяло с хлопком в качестве наполнителя, которое он привез из одного из таких походов. Дожил до 1934 года. У него был всего две сестры – Агафья Ивановна, звавшаяся в семье «коконькой», поскольку была крёстной моей другой тети – Елизаветы, и Александра Ивановна – тоже долгожительница, дотянувшая до ста лет, но не бывшая ни разу замужем.

По женской линии, как я уже описал выше, корни тянутся в Вармалеи, откуда родом бабушка Люба, хотя сама её семья Калгановых родом из Большого Терюшево. Там мне удалось добраться только до прадеда – Степана Калганова и его жены Степаниды, чьей дочерью и была моя бабушка (1886–1968). Её сестра – Анастасия Степановна Калганова (по мужу Ключева) – жила на Ишино. Судя по всем признакам, бабушка моего друга Миши купила в своё время дом именно у неё. Дети, как и многие другие, разъехались по всему Союзу. Виктор оказался на Донбассе, а Сергей – военный инженер-строитель в Нижнем Тагиле. О судьбе бабушкиных братьев – Ивана, Андрея и Фёдора Калгановых – я, увы, ничего не знаю...

И напоследок – стихотворение, навеянное моими детскими воспоминаниями:

*Родниковой воды зубы ломит глоток,
 Растворяя жару в темя бьющего солнца.
 Заструится по жилам живительный ток –
 Может, кто-то навстречу откроет оконце.*

*Просто так, без надежды, помашет рукой,
 Улыбнется вослед, пожелавши удачи,
 Вдруг повеет домашней, печной теплотой,
 Закукует кукушка – мол, час твой назначен!*

*Обернись! Там уже ожидают тебя,
 Хоть не знают ни кто, ни зачем ты.
 Молча снимут тяжёлую ношу с плеча
 И обнимут любя, распустив в косах ленты.*

Олег Борисович ОЗЕРОВ (род. 20 августа 1958 года).
 Чрезвычайный и полномочный посол Российской Федерации
 в Республике Молдова с 10 сентября 2024 года.

Окончил МГИМО в 1981 году. С 1981 по 2001 год работал
 на различных должностях в Центральном аппарате МИД и за
 рубежом. Востоковед-арабист, автор ряда научных и публици-
 стических статей. Владеет арабским, английским и француз-
 скими языками.

В 2006 году в соавторстве с М. И. Якушевым и М. М. Ши-
 ринским снял на средства Фонда Андрея Первозванного фильм
 «Русская Палестина» об истории российского присутствия в
 Святой Земле.

Член совета Императорского православного палестинского
 общества (ИППО), руководитель его Международной секции.

Хобби – фотография и поэзия. Олег Озеров – автор поэ-
 тического сборника «Татьянин день» (издательство «Терра»,

2002 год). В 2016 году русский поэт, композитор и певец Александр Юрков закончил работу над
 сборником песен на стихи О. Озерова «Сонет».

Автор книги «Карим Хакимов: летопись жизни (о судьбах ислама и коммунизма в России)». На
 основе книги О. Б. Озерова в 2021 году был снят документальный фильм «Карим Хакимов: Мис-
 сия выполнима», неоднократно демонстрировавшийся по ряду каналов Центрального российского
 телевидения.

Награждён Орденом Дружбы (27 июня 2017) – за большой вклад в подготовку и реализацию
 межгосударственных экономических соглашений и многолетнюю добросовестную работу;

– Медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени (21 ноября 2015) – за большой
 вклад в реализацию внешнеполитического курса Российской Федерации и многолетнюю добросо-
 вестную работу;

– Почётной грамотой президента Российской Федерации (21 июля 2020) – за активное участие в
 проведении саммита и экономического форума Россия – Африка в 2019 году в городе Сочи;

– Почётным памятным знаком ИППО «Медаль имени Василия Николаевича Хитрово», а так-
 же памятными знаками ИППО «Орден имени Великого Князя Сергея Александровича» и «Орден
 Вифлеемской звезды» за большой вклад в восстановление российского присутствия на Святой Зем-
 ле и за возвращение Сергиевского подворья.

ПОЭЗИЯ

Пушкинская горка

Сердечно и радостно поздравляем Ирину Ремизову с замечательной победой (Второе место) в престижном Российском литературном конкурсе «Поэт года» – в основной номинации (Гран-при – у Евгения Рейна)!

Коллеги по АРП РМ, редакция журнала «Русское поле».

ИРИНА РЕМИЗОВА

А ВЕК ИДЁТ НАЙСКОСОК

И здесь порой случается зима

И здесь порой случается зима –
дней десять, а быть может, и пятнадцать –
сначала ледяная бахрома
укроет плечи клёнов и акаций,
потом нагрянет белая орда,
холодным пухом облепив копытца, –
попробует на прочность провода,
дороги спрячет, выгонит стада
сугробов – и в потёмках растворится.

Наступит утро первое – впотьмах
пойдёшь по зыби за кошачьим следом,
пока в своих скрипучих теремах
ведут грачи несветскую беседу.
По щиколотку в снежной шелухе,
освободишься от двора – и что же?
Увидишь в каждом уличном штрихе,
что городá в ушанке и дохе,
как люди утеплённые, похожи.

Везде одна и та же тишина,
и воздух будто только сорван с ветки,
и сладко спит гудевший дотемна
доходный дом, расчерченный на клетки,
сквозь наметь продирается народ,
и кажется – с пространством разнореча,
знакомый твой из северных широт,
на службу торопящийся, вот-вот
из-за угла шагнет тебе навстречу.

Телеграф

Заоблачную очередь собрав,
работает небесный телеграф –
наглаженные ветром против ворса
дожди идут – хоть наискось, да вниз,
и сыплются тире и точки из
невидимого аппарата Морзе.

Акация под тяжестью серёг
поникла, и жестяный козырёк
с витиеватым кованым узором,
как медиум, бормочет по складам:
«всё хорошо», «с попуткой передам»,
«возьму кота», «увидимся нескоро», –

сбивается, и просишь: «повтори!», –
но шум растёт снаружи и внутри,
становятся водой тире и точки,
не разобрать размытую печать...
И как ответить – разве постучать
ладонями по трубам водосточным?

Придёшь домой, навстречу выйдет кот,
погладишь и покажется – не тот,
пожмёшь плечами – что ещё за шутки...
Проснёшься – будто через много лет,
а на душе – горячий свежий свет,
под утро привезённый на попутке.

Колыбельная

Хлещет время из разруба,
пламенем горит.

Белый волк теряет зубы,
чёрный волк – вострит.

Вот просеет мельник лето
через решето –
и пройдёт сначала это,
а потом и то.

Замолчит гудок паромный,
станут цвет и звук
монотонны, монохромны:
снег, ворона, сук.

Но едва заметной гатью
ускользнут из тьмы
сон-трава и клоп-солдатик,
а за ними мы.

Спросишь, как там, в подмастерьях,
мне жилось, – солгу.

Что бы ни было, теперь я
многое могу.

Что слыло замысловатым –
яснится вблизи.

Обо всём, что хочешь, радость,
у меня проси.

На обороте

На обороте ветра – бутовые дома
с печью, нагретой щедро, церковка да корчма.
Там и проснётся – в бывшей жизни своей другой –
тот, кто уснул, укрывшись ветошью и пургой.

На обороте снега – паски и пирожки
праздничные, из тонкой, словно туман, муки:
вмешан в опару неба звёздный солёный жмых –
тем, раздававшим хлебы, но не вкусившим их.

На обороте стужи святочной, как кожух,
вывернутой наружу, – третий кричит петух.
Время меняет галс, и кто-то бранит с кормы
преданных, кто остался на берегу зимы.

На обороте речи срезаны узелки-
родинки – человечьи разные языки.
Из разноцветной пряжи вяжут на вырост сны
тем, кто о них не скажет, ибо слова тесны.

Империя

Когда последний комитат
отправили в запас,
забрав штандарты и солдат, —
не вспомнили о нас.

За каждый мор и недород,
латынь и дурь вождей
нам отплатили галл и гот,
далмат и иудей.

О нас — ни слова, ни строки
в анналах долгих лет,
когда рубили на куски,
как тушу, старый свет.

Когда менялись имена
и ставки на столе,
мы жили — памятью зерна
о будущей земле.

Ещё заполнен Колизей,
и хлеб в толпу летит,
и выбирает ротозей,
сенат или синклит —

нас призовут однажды в Рим,
распоротый по швам, —
на смену слабым и пустым,
и малодушным вам.

Маятник

*«А всё знакомство-то у него было с пауком
да с деревцем, что под окном выросло...»
(Ф.М. Достоевский. «Идиот»)*

Неразрывным липким сном
будто пойман вдруг,
за решётчатым окном
умер мой паук.

Не сидит в углу клубком,
не спешит к еде —
распустившимся цветком
реет в пустоте.

Что там, за щитом тенёт —
город или весь?

Но крестовый твой поход,
рыцарь, кончен здесь.

Ты, когда-то быстрый зверь
и холодный страх, —
только маятник теперь
в ветреных часах.

Цепь воздушных этажей
светом зарастёт,
словно смерть мертва уже,
да и жизнь нейдёт.

Вербное

Мне кажется, я стала выше
за этот месяц или два.

Дожди перестилали крышу
спустя льняные рукава,
и строим – под бурлачьи песни
и водяные молотки –
на воздух, тронутый болезнью,
из ниоткуда шли ростки.

Им долго не хватало света –
побеги хрупки и бледны,
но в них живут Господне лето
и радость вербная весны.

Они нескладны и нелепы,
и подрастают вразнобой,
но, уходя в родное небо,
меня уводят за собой.

Номо

А век идёт наискосок
и времени назло:
где глухо скрежетал песок,
теперь поёт стекло.
тому не сеять, кто ничей,
не жать и не молоть...
Но станет бортью для лучей
ещё живая плоть,

и в тот недолгий срок, когда
ты тот же, но иной,
из-под земли взойдёт звезда
и встанет за спиной –

твой недостроенный ковчег
из жил, костей и кож
найдёт однажды человек,
которого не ждёшь.

Но перед тем, как увязать
добро и прочь уплыть,
ему про главное сказать
успеешь, может быть, –
про то, что ничего и нет,
лишь одолевший тьму
неловкий домотканый свет,
протянутый к нему.

Ирина РЕМИЗОВА. Родилась и живёт в Кишинёве. Окончила Молдавский государственный университет. Преподаватель истории русской литературы и теоретических дисциплин, литературный редактор журнала «Русское поле» (Кишинёв), член редколлегии литературного альманаха «45 параллель».

Член Союза писателей России, член Ассоциации русских писателей Республики Молдова.

Публиковалась в литературных изданиях Молдавии, России, Украины, Германии, Франции, Израиля, Латвии, Австралии. Автор книг стихов: «Серебряное зеркало» (2000), «Прикосновения» (2003), «Неловкий ангел» (2010), «Вёрсты дождевные» (2017).

Неоднократный лауреат и призёр Открытых чемпионатов Балтии по русской поэзии, обладатель Кубка мира по русской поэзии (2014) и победитель чемпионата Балтии (2020). Лауреат литературной премии им. Владимира Таблера (2016). В

2012 году подборка стихотворений вошла в шорт-лист конкурса «Заблудившийся трамвай». Лауреат конкурса «Хижицы (2023, 2025)». Лауреат (2 место) конкурса «Антоновка 40+» (2024). Лауреат (2 место) конкурса «Поэт года – 2026» в основной номинации.

ОЛЬГА НАЗАРЕНКО

КОСМИЧЕСКАЯ СИЛА ДОБРА

Жизнь не стоит на месте – она стремительно меняется. В прошлое уходят какие-то события, праздники, люди, даты. Взамен этого приходят новые. Но, на мой взгляд, День космонавтики, который весь мир отмечает 12 апреля, совершенно незаслуженно отправлен в прошлое. Потому что в этот день весь мир рукоплескал человеку, который за неполных два часа стал известен даже в самых отдалённых уголках Земли – везде, где были радио, газеты, телевидение. Этот человек – первый в мире космонавт Юрий Алексеевич Гагарин.

К своему прошлому можно относиться по-разному. Кто-то старается его забыть, кто-то за него цепляется. Кто-то живёт здесь и сейчас, забывая и отрицая всё, что было. А я благодарна судьбе за то, что прикоснулась к истории, общалась с такими людьми, которые оставили в ней огромный след.

Моё детство пришлось на совершенно замечательное время: 70–80 годы прошлого столетия. Его еще называют «эпохой развитого социализма». Я очень горжусь тем, что училась в школе, которая носила гордое имя Ю.А. Гагарина. В этой школе действовал КИД – клуб интернациональной дружбы. Мы дружили с ребятами из всех союзных республик – учащимися школ, которые носили имя человека-легенды. Проводились ежегодные слёты, к нам приезжали, и мы ездили. Наши ребята побывали в Москве, в музее космонавтики, на Байконуре, в Звёздном городке. А мне посчастливилось съездить в город Гжатск, на родину Юрия Алексеевича, и повидаться с матерью первого космонавта Анной Тимофеевной Гагариной.

Анна Тимофеевна приняла нас, делегацию из Молдавии, как родных: посадила за стол, налила чаю. Я вручила всем наши молдавские сувениры, рассказала легенду о мэришоре, подарила всем маленькие подарочки. Дальше были экскурсии, встречи с ребятами и учителями Гагарина. На память о поездке у меня осталась книга с автографом Анны Тимофеевны и Валентина Гагариных.

Переполненная впечатлениями и эмоциями, на обратном пути в поезде я написала своё первое в жизни осознанное стихотворение. И очень благодарна моей маме, Нефёдовой Надежде Григорьевне, которая его сохранила. Судьба этого стихотворения была очень необычной. Его передали космонавтам, которые в то время находились на орбите, и оно облетело Землю и сейчас хранится в музее города Гагарина.

Вот так я стала поэтом. В прошлом году в журнале «Русское поле», который создан и издаётся по инициативе председателя Ассоциации русских писателей

Республики Молдова, мастера литературы РМ Олеси Рудягиной, был опубликован мой очерк «Город детства». В нём – мои воспоминания о тех далёких, но очень значимых событиях из моей жизни.

В августе 2025 года корпорация Роскосмос праздновала 20-летие со дня основания. По этому случаю в Москве была издана памятная книга «20 лет Роскосмосу», и я очень рада и горда, что туда вошли и мои детские воспоминания, и мой очерк о Молдавии, в которой до сих пор, несмотря на ветры перемен, хранят память о первом космонавте Земли.

Наш лицей имени А.С. Пушкина, в котором я работаю, уже 3 года является бессменным участником космических марафонов. Мы подключались к онлайн-встречам с космонавтами, задавали им интересные вопросы, виртуально посещали и музей Космонавтики в Москве, и музей Белки и Стрелки, записывали приветствия космонавтам, участвовали в проведении конкурса рисунков, приуроченном ко Дню Космонавтики. За это наши ребята были награждены специальным призом корпорации, а я медалью «60 лет космонавтики».

10 апреля 2025 года директор лицея «Универсул» (бывшая школа им. Ю.А. Гагарина) госпожа Анжела Стойчу пригласила меня вместе с мастером литературы Республики Молдова Олесей Рудягиной и выпускницей лицея Валентиной Делемарской на встречу с учениками, попросив рассказать о памятных событиях моего детства. Несмотря на то, что в лицее теперь преподавание ведётся на румынском языке, это была незабываемая встреча. Очень приятно, что ребята бережно хранят свою историю, трепетно относятся к памяти о незабываемых встречах и мероприятиях, которые проходили в этих стенах.

А 11 апреля в стенах нашего любимого кишинёвского лицея им. А.С. Пушкина прошёл замечательный праздник, подготовленный научным обществом, в которое входят учащиеся старших классов под руководством Светланы Андреевны Докиной. Ученики начальных классов узнали много нового и интересного, задавали вопросы, участвовали в викторине, пели вместе с Верой Плешко и Евой Авербух – солистками ансамбля «Рапсодия» под руководством Н.П. Барабанщиковой. И, конечно же, слушали, открыв рот, мой рассказ о поездке в город Гжатск.

Валентина Делемарская, Ольга Назаренко,
Олеся Рудягина в лицее «Universul».

С участниками встречи в лицее «Universul»

Ю.А. Гагарин объехал весь мир. Приезжал и к нам в Кишинёв. И везде его встречали как героя. Он и был настоящим героем.

У въезда в село Кожушна, куда первый космонавт отправился в местный колхоз, Гагарина приветствовали местные жители. Среди них был и Анатолий Смаль, студент 4-го курса мединститута. У него в тот день была свадьба с любимой – Раисой.

Пробившись к Гагарину, Смаль пригласил космонавта быть свидетелем на своем бракосочетании. Гагарин... согласился! И поехал на свадьбу. Он подарил невесте все цветы, которые благодарные жители Молдовы дарили ему, пояснив, что в этот день все цветы мира должны принадлежать невесте.

Кроме цветов Гагарин подарил молодоженам ковёр, сотканный здесь же, в Молдавии. Гулял на молдавской свадьбе Юрий Алексеевич несколько часов. Ему очень понравилось домашнее вино. И ещё в Кожушне на свадьбе он впервые попробовал мамалыгу и остался в восторге от неё. Это было в октябре 1966 года.

Прошло время. Конечно, очевидцев этого события сейчас уже нет на свете, но жители села до сих пор гордятся, что у них на свадьбе был сам Юрий Алексеевич Гагарин. Говорят, что на кладбище села Кожушна, на памятнике Раисы Смаль, согласно её завещанию, изображён кадр со свадьбы, с почётным гостем Юрием Гагариным.

Целый отряд космонавтов родом из Молдовы: Виктор Горбатко, Василий Циблиев, Владимир Дежуров, Юрий Гидзенко, Павел Попович, Евгений Хрунов, Юрий Маленченко, Анатолий Березовой.

В Кишинёве есть до сих пор музей космонавтики, в котором можно найти подлинные экспонаты, побывавшие в космосе. Например, детали космического

*Журнал «Русское поле» –
библиотеке лицея*

корабля: втулки, фрагменты люка. Есть даже кусочки несгораемой обшивки спускаемого аппарата Валентины Терешковой и многое другое.

Можно много рассказывать о причастности нашей страны к освоению космоса. Кстати, Молдова занимает второе место в списке стран, которые работают, вернее, работали на космическую отрасль. Именно молдавские учёные изобрели новую технологию сублимации фруктов и овощей. Молдова занималась десертным меню, в которое вошли более 20 наименований соков, 15 фруктовых пюре и вкуснейшие овощные соусы. Космонавт Павел Попович утверждал, что под овощным соусом «Молдова» можно съесть даже башмак. Более двадцати наименований космических десертов! А любимым лакомством на орбитальной станции были сливовые пастилки.

ки, изготовленные из молдавских фруктов.

Также наши учёные изобрели карандаш с самовыдвигающимся грифелем, потому что ни чернилами, ни шариковой ручкой в космосе писать невозможно. На кишиневском заводе «Культиприбор» разработчики решили проблему ведения записей в невесомости. В 1970-е годы на столичном механическом заводе придумали химический карандаш с дозированной подачей грифеля «Кимек» – «Кишинёвский механический карандаш». Для космонавтов было очень важно фиксировать свои наблюдения, но писать ручками они не могли, потому что чернила в невесомости превращались в пузыри.

Обо всём этом нельзя забывать. Это надо помнить и этим гордиться. Прошлые Молдовы неразрывно связаны с космонавтикой. Очень хотелось бы, чтобы и будущее тоже было таким же светлым и полным надежд, как 65 лет назад.

Выражаю огромную признательность директорам лицеев «Universul» и «А. Puşkin», господам Анжеле Стойчу и Оксане Абрамовой за возможность рассказать об этой странице моей жизни детям. Благодарю за сотрудничество заместителя директора лицея А.С. Пушкина Светлану Докину и ребят из научного общества. И низкий поклон Мастеру литературы Республики Молдова Олесе Рудягиной за возможность опубликовать этот очерк.

Сотрудничая с РОДД «Синергия талантов», основанной и руководимой О.В. Звонарёвой, я являюсь автором гимнов практически ко всем международным проектам, над которыми работает эта организация. Один из них – гимн проекта «Полёт над миром», который проходит под патронатом Роскосмоса.

*Приз Роскосмоса
в музее лицея
А.С. Пушкина –
награда за активное
участие в проекте
«Полёт над миром»*

ПОЛЁТ НАД МИРОМ

Музыка Анны Витенбек

1 куплет:

Все в мире о космосе только мечтают,
К звезде намечая пути,
А мы покоряем небесные дали!
Над миром, как птицы, летим!

Припев:

Полёт над миром!
Полёт над миром!
Мечта пусть будет
Тем ориентиром,
Который к звёздам
Нам путь проложит!
Взлетаем вместе!
Мы вместе сможем!

2 куплет:

Волшебные сказки становятся былью,
И то, что не снилось вчера,
Сегодня сознательно мы изменили
Космической силой добра!

Припев.

3 куплет:

Пусть разные страны,
Пусть разные судьбы –
У нас есть большая мечта:
Мечтаем о космосе.
Верим и любим,
И манит к себе высота!

Припев.

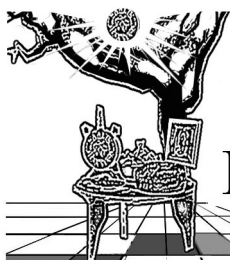
https://www.youtube.com/watch?v=MZz_5oyo1uI

Полёт Юрия Гагарина продолжался 108 минут. За это время космический корабль «Восток», облетая вокруг земного шара, установил три абсолютных мировых космических рекорда: продолжительность полёта 108 минут, высота полёта 327,7 км, подъём груза на эту высоту 4725 кг. Вернувшись назад, Юрий Гагарин написал так: «Облетев Землю в корабле-спутнике, я увидел, как прекрасна наша планета. Люди, будем хранить и преумножать эту красоту, а не разрушать её!»

Ольга НАЗАРЕНКО родилась, выросла и живёт в Кишинёве (Республика Молдова). Стихи пишет с детства. С 2012 года – член Российского союза писателей, с 2018 – Ассоциации русских писателей Республики Молдова. С 2024 года – заместитель председателя Ассоциации русских писателей Республики Молдова. Номинант премий «Поэт года», «Наследие» с 2012 года.

Печаталась в альманахах Российского союза писателей, «Поэт года», в газете «Русское слово». Поэт-песенник. Работает в соавторстве с российским певцом и композитором Дмитрием Лазаревым, с Sasha Joy, с известным украинским бардом Владимиром Зачепой, израильским композитором Анной Витенбек. Написано около 100 песен, которые можно послушать в Ютубе и на Яндекс-музыке.

Под небом Буджака

АННА ДУДОГЛО-ХАРЛАМЕНКО

Концерты «Дюз Авы» – это всегда исторический анилаг. Три часа, 28–30 номеров, когда забываешь о времени, боясь упустить частичку чуда. Финальный порыв, когда зал встаёт в единстве – не по сигналу, а по велению сердца, – это и есть зримая, ликующая Гагаузия.

Юбилейный концерт 7 февраля 2026 года, слившийся воедино праздник 55-летия и День рождения Маэстро Пометко, стал не просто отчётным выступлением, а новой точкой отсчёта, явлением искусства, пространством национальной гордости.

Пусть мир гоняется за искусственным интеллектом и сиюминутными трендами. У Гагаузии есть «Дюз Ава» – своя, родная, вечная мощь. Она – живая летопись, написанная звуками, ритмами, голосами.

«Дюз Ава» — это сердцебиение, которое слышит весь мир, и эхо, которое не умолкнет, пока жив народ, чью песню она поёт.

Год основания: 2 июля 1971 года (при Комратском Районном Доме культуры).

Основатель: Маэстро ын Артэ Семён Пометко.

Статус: Заслуженный художественный коллектив Гагаузии, профессиональный ансамбль песни и танца имени Семёна Пометко.

Репертуар: более 200 произведений.

География выступлений: Молдова, Россия, Украина, Турция, Румыния, Беларусь, Прибалтика, Европа, Америка, Саудовская Аравия и др.

Выпустили аудиокассету, диск, записали десятки репертуарных телефильмов. Вышла в свет книга об истории ансамбля «Дюз Ава – восьмая нота Любовь».

Коллектив практически полностью обновлён молодыми талантами.

ВОСЬМАЯ НОТА СЕМЁНА ПОМЕТКО – ЛЮБОВЬ (К 75-летию Семёна Васильевича Пометко)

Легенды гагаузской культуры, о которых я пишу, украли моё сердце. Один за другим они уходят, а моя память листает картинки наших встреч, хранит диалоги и даже их улыбки. Свежи всегда, как любимые им розы, мои воспоминания о Семёне Васильевиче Пометко. И горжусь я им, и грущу по нему...

«Дюз Ава» – 55 лет триумфа

Глубоко в сердце Буджака живёт мелодия. Рожденная в безмолвии бескрайней степи и подхваченная ветром странствий, она столетиями хранилась в шёпоте бабушек, в тихих семейных посиделках, в национальных обрядах и традициях – хрупкая, словно утренняя роса, и вечная, как народная память.

У этой музыки не было нот – только душа, которую боялись потерять. Пока однажды её не услышал человек, способный превратить шёпот в симфонию. Так началась история Заслуженного гагаузского ансамбля песни и танца «Дюз Ава».

Маэстро Семён Пометко и его первые музыканты записали, аранжировали и вынесли на большую сцену то, что всегда считалось «домашним архивом» народа, а стало всеобщим достоянием. Они заставили мир слушать гагаузов не как экзотику, а как высокое искусство. Это – культурный подвиг.

55 лет спустя эта история не просто продолжается – она звучит громким гордым гимном, доказывая, что подлинная народная культура и есть самая современная и дерзкая сила.

Гагаузская музыка – акустический отпечаток судьбы

Гагаузская мелодия «Дюз Авы» – не просто последовательность нот, это – акустический отпечаток судьбы, места и времени. Оркестр ансамбля – целая музыкальная вселенная. Каждый инструмент в нём – голос земли и солнца: скрипки плачут, как ветер в степи, цимбалы звенят, подобно золотым бликам на виноградных листьях, а рокот даула отбивает ритм тысячелетнего пути.

В сложных, прихотливых ритмах (7/8, 9/8), которые нельзя просчитать, а можно только прочувствовать, сплетаются балканская меланхолия, тюркская

страсть и гагаузская кочевая удаль. Это – триумф народа-странника, нашедшего, наконец, пристанище.

Хореография: высший ритм духа

Визуальный ряд «Дюз Авы» – ослепительный энергетический взрыв. Танцы – высший ритм духа, воплощённый в движении. Многосюжетные хореографические поэмы рассказывают целые истории: от лирических и юмористических сцен до эпических ритуалов, например, таких, как гагаузская свадьба.

Современная хореография ансамбля достигла таких высот, что на сцене царят сразу три поколения и три образа: мудрая выдержка старших, уверенная стать среднего поколения и дерзкая энергия самых юных. На сцене они с улыбкой на лице, легко и азартно создают хореографические мини-спектакли.

В ярких костюмах, где каждый узор – оберег и послание предков, артисты летают, парят, «высекают искры». Плавные лирические хороводы сменяются огненными плясками, бытовыми шутивными зарисовками. Синхронность и скорость мужских номеров вызывают головокружение, а грациозность женских партий – умиление и нежность.

Солисты: разные грани гагаузской души

Ансамбль всегда славился сильными голосами, в его историю вписаны имена Народного артиста Молдовы Иона Басса, заслуженной артистки Марии Кысса, певцов Георгия Дудогло, Ульяны Михайловой, Елены Стульневой, Ивана Тичека, Марины Багрин и других замечательных исполнителей.

А современная «пятерка» – зрительские любимцы всех возрастов.

Андрей Иванов – нерв и мощь, глубина и сила, умеет превращать песню в драматический спектакль.

Солист Иван Бабов

Анна Чебан – солнечная энергия, пронзающая зал насквозь.

Иван Бабов – харизма, стать, невероятная молодая удаль и голос-страсть.

Виталий Василиогло – бархатная лирика, юмор, патриотика – всё в его голосе как лекарство для души зрителя.

Ирина Подойлова – хрустальная нежность, в которой цветёт степь и звенят ручьи.

Солистка Анна Чебан

Преемственность: эстафетная палочка, которую нельзя уронить

Магия «Дюз Авы» – в нерушимой связи времен, в эстафете, которую нельзя уронить, иначе музыка прервётся.

Маэстро Семён Пометко после музыкального училища, в очень молодом возрасте был назначен худруком ансамбля, который предстояло создавать и развивать. Начал, довёл до звания «народного», ушёл в армию, вернулся и дорастил до профессионального статуса, после чего снова вернулся в самодетельность и начал новое восхождение.

Тернистый путь свой он прошёл с коллективом до последнего вздоха. Ушёл в самом расцвете сил коллектива и своего таланта. Это стало шоком и для музыкантов, и для общества.

Дирижёрскую палочку Маэстро 27 лет назад подхватила его ученица, заслуженная артистка Молдовы Татьяна Щёголева. Единственная женщина в Молдавии во главе народного ансамбля песни и танца. Она сохранила огонь и мудрость наставника и добавила своей воли и пламени. Испытаний на этом пути выпало с лихвой – всё выдержала и подняла «Дюз Аву» до музыкального Олимпа. Нынче это заслуженный коллектив Молдовы с многонациональным репертуаром (гагаузский, молдавский, болгарский).

Хореографическую школу заложили первопроходец Виктор Лаврека и легенда гагаузского профессионального танца Константин Гермек. Сегодня хранит и приумножает наследие заслуженный работник культуры Гагаузии Виктор Градинар –

*Константин Гермек,
основоположник
профессиональной
гагаузской хореографии*

Хореограф Виктор Градинар

вдыхает в классические рисунки новую жизнь. Свой вклад внесли и хореографы Валентина Пейогло (Аржинтарь), Мария Добриогло, Аврам Кёся и другие.

Из коллеги – в друзья

Мы с Семёном Васильевичем Пометко – коллеги по вузу и собратья по духу. Оба закончили Кишинёвский институт искусств им. Г. Музическу. Когда я защищала дипломный проект, он охотно участвовал в тематическом вечере выпускницы и привёл с собою все коллективы.

Много мероприятий мы потом провели вместе. А когда я погрузилась в журналистику, он звал посмотреть сценарии, поговорить о жизни, обсудить прочитанную книгу. Я всегда имела собственное мнение и притягивала понимающих, чувствующих, страждущих. Он это ценил. Мы подружились.

Семён Васильевич обожал произведения Ремарка, часто носил с собою томик с закладками. А я в те годы учила тексты писателя наизусть и напевала их себе под нос, настолько мелодичными они мне казались.

– Ремарк готовился стать музыкантом, – рассказывал Сэм. – На фронте Первой мировой – ранение в руку покалечило его мечту. Он стал книги писать как музыку, заставляя переживать полную гамму чувств. На каждой его странице – мысли, которые не один раз приходили и мне в голову долгими бессонными ночами...

Сэм (друзья его так называли) наигрывал какую-то мелодию на пианино, протягивал мне книгу с отмеченным отрывком, и я читала под его аккомпанемент. Это был наш творческий перформанс.

«Когда звучит скрипка, кажется, что никогда не умрёшь. Небо становится выше, один звук – и все границы расступаются...»

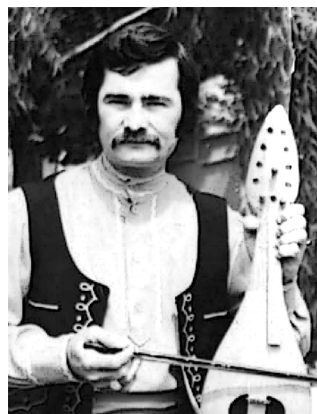
Эта цитата чаще всего звучала в наших импровизациях. Он неспроста её выбрал.

Абсолютно свой среди звуков, он был одинок среди людей. Слушал по ночам скрипку. Особенно часто, когда болел и осознавал, что уходит.

Скрипка чудесно пела о любви, мир преображался, и казалось, что жизнь подарит ещё один шанс...

*Татьяна Щёголева,
нынешний руководитель,
первая и единственная
женщина – дирижер
народного ансамбля.*

*Семён Пометко,
основатель «Дюз Авы»*

Жертвенный огонь

Я, по возможности, хвостиком ходила за ним и записывала в блокнот свои впечатления, его изречения, наши общие эмоции. Семён Васильевич – инородная планета для нашей провинциальной среды. Он отличался и внешне, и внутренне.

Энергия, которая шла от него, требовала и от других быть причастными к чему-то светлому, истинному, творческому.

Не для себя. Для людей.

Он был не просто предан своему народу и своему делу – он зажёл жертвенный костёр и первым в него шагнул.

За ним шли те, кто открывал вместе с ним миру новое имя и новое направление – гагаузскую народную музыку.

До Сэма и его коллектива мало где знали, что гагаузы настолько мелодичны, что сохранили язык, песни, танцы, что они созвучны большому искусству.

Красивые, с прищуром, его глаза смотрели с интересом на мир, но были иногда так печальны, что выдавали внутреннюю борьбу и напряжение.

Непростой была его человеческая жизнь, а музыкальное восхождение на Олимп требовало всё больше сил. Таланта хватило, здоровья – нет.

Мечтал стать лётчиком, а стал музыкантом

С детства он был нацелен на уникальный собственный путь и нащупал тропы к нему, но прошёл с такими зажимами, болью и скоростью, что вряд ли успел насладиться всем, чем был одарён от природы, всем, что «вырвал» у судьбы упорным трудом и душевными затратами.

Сын столяра, внук бондаря, он мечтал о небе, самолётах, полётах, а стал музыкальной легендой своего народа. Мелодии наши никогда не звучали в нём робко, они выжигали в его сердце звёзды. Озарённый ими, наполненный до краёв, он жил как человек-оркестр.

Маэстро освоил практически все музыкальные инструменты. Ещё в школе создал свой вокально-инструментальный ансамбль и понял, куда ведёт судьба-тропинка. Но тогда это были джаз, рок, эстрада, классика иногда.

К народному живительному пласту жизнь подвела после армии. Знаковое событие в его жизни, определившее весь дальнейший путь, – ансамбль «Дюз Ава».

Он – основатель, вдохновитель, наставник, гордость коллектива.

Дирижирует Семён Пометко

Гагаузию мир открывал через «Дюз(-)Аву»

Гагаузский ансамбль песни и танца «Дюз-Ава» начал свою феноменальную деятельность в 1971 году во главе с Семёном Пометко и со временем стал визитной карточкой гагаузов. 55 лет он шаг за шагом, от мелодии к мелодии, от репетиций до концертов – открывает миру наш народ и прославляет нашу культуру.

Семён Васильевич Пометко лично собрал лучший состав (многих обучил сам), создал репертуар, соединил песни и танцы нашего народа. При нём «Дюз Ава» стала «небесной ласточкой» гагаузов, принесла успех и признание нашей музыкальной культуре и выросла в народную легенду.

В 2022 году (уже без Пометко) усилия ансамбля «Дюз-Ава» по сохранению и увековечиванию гагаузских традиций были отмечены высоким званием – «Заслуженный коллектив Республики Молдова». А при нём «Дюз Ава» как раз и прошла все ступени своего профессионального развития.

Коллектив – точка притяжения великолепных исполнителей, репертуарных жемчужин гагаузского наследия. Связанный с именем человека талантливого, пронзительно самобытного, большого знатока и пропагандиста гагаузского фольклора Семёна Пометко и преданный своему народу – они вместе с Маэстро получили незыблемое признание лидерства и первенства не только в регионе.

Аранжировка – букет мелодий

Слово «аранжировка» вошло в обиход ансамбля гагаузской музыки от Пометко. Это сложная и кропотливая работа – модификация, адаптация, изменение нотного текста, обработка и оформление произведения, гармонизация сочетания между собой всех инструментов, оркестровка – начал этим всем у нас заниматься именно он. Аранжировщик, подобно флористу, собирает из отдельных партий музыкальных инструментов прекрасный гармоничный букет.

Семён Пометко не только создавал композиции, он прописывал и все отдельные партии для «букета». А для этого надо хорошо разбираться в музыкальных стилях, иметь отличный слух, ритм, композиторские навыки, владеть всеми инструментами, которые задействованы в оркестре, обладать выдержкой и усидчивостью.

Всего у него было с лихвой. И свою работу он настолько хорошо знал и помнил, что, когда в пути на БАМ, куда поехали на гастроли, пропали все партитуры, он взял нотную тетрадь и разом всё восстановил.

Без любви даже музыка пресная

– В моей душе много музыки, а нот всего семь. На этих нотах я могу сыграть любую мелодию, но мне не хватает ещё одной, – говорил Маэстро.

Он не гонялся за званиями, наградами и славой, был скромным человеком. Даже будучи всецело преданным нотному стану музыкантом, всю жизнь искал свою собственную, восьмую ноту – ноту любви.

«Без любви – и жизнь на земле, и любая мелодия – пресность!» – утверждал он и добавлял во всё, что казалось пресным, красоту, лирику, очарование. Звучание до глубины души. До мурашек! До гордого ликования!

Фольклор наш он сделал востребованным. Мелодии гагаузские – узнаваемыми. А коллектив свой – способным передавать игрой народную душу. И это было как раз то, что он искал, о чём мечтал.

Семён Пометко, к сожалению, не понимал (в силу своей скромности), что именно он сам стал (и по сей день является) – той самой, возделенной НОТОЙ ЛЮБВИ.

Для нашей музыки. Для гагаузской культуры. Для своего народа. Для «Дюз Авы». А «Дюз Ава» – для него.

Его коллектив, к счастью, осознал значение своего наставника, его жертвенность, дар, боль – и не дал жерновам времени стереть его имя. Маэстро Пометко для всех жив, пока звучит его нота любви.

Серебряные колокольчики

Он мог стать популярным композитором-шлягеристом (писал иногда песни, но молчал об этом) или музыкантом-виртуозом, а стал аранжировщиком, родоначальником гагаузского музыкального звучания в мире. И руководителем лучшего коллектива Гагаузии, наставником нескольких поколений наших музыкантов.

Он днём обрабатывал народный фольклор, а по ночам писал гагаузскую оперу. Показал однажды содеянное музыкальным друзьям из Кишинёва.

«Это было – нереально круто, вибрация души автора и целого народа, какие-то серебряные колокольчики...» – сказал мне как-то в интервью дирижёр оркестра «Флуераш» Сергей Чухрий.

Серебряные колокольчики слышал он повсюду, и трепетной мелодией ложились они в его нотный ряд. Семён Пометко пытливо вслушивался в жизнь, в себя, в людей, в природу, сажал цветы, считая их своей тональностью и вдохновением. Он хотел как можно больше зачерпнуть сокровенных звуков и подступиться к нашему истинному – душе народной.

Зачерпнул, вдохнул жизнь во всё, что делал, много всего успел, но себя... сжёг дотла, в 47 лет! Ноте Любви отдал пламенное сердце и ушёл – в сомнениях и в вопросах, на которые отвечаем теперь мы. Доброй памятью, сокровенными строчками, бурными аплодисментами. Убеждена, что и в своей небесной жизни он продолжает творить и побеждать, превращая рутину в искусство.

Традиция

Ежегодно 7 февраля, начиная с 2000 года, «Дюз-ава» выступает с творческим отчётом перед своим наставником и любящими зрителями. Коллектив не смирился с утратой. Он отмечает День рождения Маэстро. И Семён Васильевич с ними, на сцене, строгим и понимающим взглядом наблюдает, как работает ещё один концерт его «Нота Любви».

В считанные минуты публика заполняет зал на этих концертах, она приходит не просто послушать гагаузские мелодии, восхититься мастерством «Дюз Авы», но и получить заряд гордости за наше родное, любимое, самобытное творчество, за народ, за родину, за наших творцов. Рождённый мыслями о любви и творивший любовь в музыке, Маэстро Пометко впечатал это чувство и в наши сердца.

Кто хоть раз слушал «Дюз Аву» – уже навсегда поклонник его настоящего, глубокого, народного звучания.

Татьяна Щёголева, принявшая дирижёрскую палочку из рук Семёна Пометко, и гагаузские музыканты верны истине о том, что интонация гагаузской народной музыки – это образ мира, труда, любви; это – дух, характер и поэтика народа; это – голос родины, голос матери, голос нашего сердца. Это – серебряные колокольчики гагаузской души. Гагауз, где бы ни находился, как только слышит мелодию своего народа – тут же переносится сердцем в родной край.

Такова сила притяжения наших напевов и наигрышей! Вместе с ними и буджакские картинки перед глазами: подсолнух, как солнце, виноградные гроздья, как рубиновые серёжки, глаза ягнёнка, как слеза ребёнка, цветущие сады, как невесты, мамины руки, как тёплый хлеб, ковыль, как вековая печаль народа...

Мелодии, рождающие буджакские картинки, – возвышают, окрыляют, дарят полёт над родной землёй. Гагаузы живут с этой мелодией души, передают её как достояние своим детям и поклоняются нашим талантам.

Восьмая нота Семёна Пометко стала нотой всего гагаузского народа.

Анна ДУДОГЛО-ХАРЛАМЕНКО. Заслуженный журналист Гагаузии, писатель, сценарист, режиссёр.

Автор публицистики, исследующей культуру, традиции и историю гагаузского народа. Очеркист информационного портала Laf.md. Сценарист-наставник курса «Пишем своё кино», режиссёр детского фестиваля «КиноХоровод», пресс-секретарь культурного проекта «Северный десант».

В прошлом – руководитель телерадио GRT, председатель Народного Собрания Гагаузии, представитель Молдовы в СНГ.

Дом Пушкина

В 2025 году Пушкинская аудитория Русского дома в Кишинёве отметила своё десятилетие. Её создатель и руководитель, вкладывающий всю душу в своё детище, Ольга Игоревна Батаева – не только известный исследователь творчества А.С. Пушкина, воплотивший свои знания в книги и статьи о судьбах русской культуры, но и автор стихотворений, многие из которых стали текстами песен. Предлагаем вниманию читателей поэтическую подборку Ольги Батаевой. Открывает её гимн легендарного филиала музея Поэта в селе Долна, где в усадьбе своего друга, помещика З. Ралли, в XIX веке гостил А.С. Пушкин. Музыку к нему написала замечательный педагог, композитор и певица Анжела Арсений. Гимн всегда звучит в Долне 6 июня, когда поклониться земле, где молодой Александр Пушкин был счастлив, земле, хранящей его следы, приезжают многочисленные поклонники творчества Солнца нашей поэзии.

Редакция «РП»

ОЛЬГА БАТАЕВА

Я ЗНАЮ СЧАСТЬЯ ОЩУЩЕНИЕ...

Долна

Долна, Долна! Как раздольно имя чудное твоё!
В нём – леса, холмы, долины, южной неги забытьё!
В нём – тенистых Кодр прохлада, бег ручья в июльский зной
И звеневший здесь когда-то смех цыганки молодой...

Я твоим раздольем, Долна,
Твоей волей надышусь,
Через год к тебе приеду
И опять в тебя влюблюсь!

Пенье птиц и роз цветенье, гладь озер и буйство трав –
Долна – времени сплетенье в тишине твоих дубрав.
Ветер шепчет на поляне о легендах старых вновь,
И хранят тропинки Долны память пушкинских следов...

Я твоим раздольем, Долна,
Твоей волей надышусь,
Через год к тебе приеду
И опять в тебя влюблюсь!

* * *

Венец терновый давит, давит...
Из-под шипов сочится кровь...
Скажи, Христос, почто не правят
Надежда, Вера и Любовь?

И почему не страшно людям
Обиды, злобу, ложь нести?
И почему сжимает горло
Такое слово, как «прости»?

И почему не лечит время,
Как мудрость давняя гласит?
И почему, в ночи страдая,
Душа измученно болит?

Даруй нам мудрость и прозреньё,
Чтоб ложь от правды отличить,
Хоть каплю счастья и терпенья,
С собою в мире чтобы жить.

Молитва

Пошли, Господь, мне утешенье:
Больной душе – успокоенье,
Уставшей памяти – забвенье,
Распятой гордости – смирение
И научи меня прощать.
Не дай мне, Бог, душой ожесточаться
И помоги слезам не проливаться,
Что б ни случилось – доброй оставаться,
Счастливой быть, а не казаться
И каждый день с улыбкою встречать!

* * *

Стою на перепутье непройденных дорог,
Ах, если был бы кто-то, кто объяснить мне мог,
Зачем так бестолково на свете я жила,
И жизнь моя всего лишь черновиком была?

А годы – словно тучи: чем ниже – тем темней,
И ветер их наносит всё больше и быстрее...
Казалось, что до солнца могу рукой достать,
Но налетели тучи – и неба не видать...

Проходят в жизни рядом и счастье, и беда,
И сил не всем хватает, чтоб выбраться туда,
Где чистыми дождями омытый лес стоит,
И солнце после бури вдруг душу озарит.

* * *

Чистым полем, утренней росой
По траве нехоженной пойдём,
Ключевой умоемся водою,
Под тенистым деревом заснём –

Там, где конь божественно-красивый,
Глазом с поволокою кося,
Вдруг встряхнёт растрёпанною гривой,
Нас с тобою в сказку унося...

Позабудем горести, печали,
Дней реальных серый полуцвет,
Окунемся в то, о чём мечтали,
В то, чего на самом деле нет.

В ярко-синюю прохладу зазеркалья,
В тихий шелест ив и тополей,

Дом у тихой речки без названья,
Мы одни и рядом нет людей.

И огонь в камине будет жарок,
Терпок вкус игристого вина.
Лишь один достался нам подарок –
Что любовь не выпита до дна.

А наутро парус мы поднимем,
Поплывём по чистой глади вод.
А когда простор реки покинем,
То она нас к морю приведёт.

Будет бриз резвиться над волнами,
Скрипеть мачта, вторя ветру в такт,
Под счастливыми тугими парусами
Мы сыграем лучший в пьесе акт.

Предосенье

Я верю в мира совершенство,
Его любовь и доброту.
Глядишь – и чувствуешь блаженство:
Хоть скоро осень, всё в цвету.

Порхают бабочки беспечно,
Как будто будет так всегда...
Не зная, что ничто не вечно –
Когда-то грянут холода.

Тепло нам отдаёт природа,
Что было отнято дождями.
Забудь былую непогоду
И солнца насладись лучами!

Что такое счастье

Что такое счастье, я не знаю –
Вечно ускользающий мираж,
Тот, который только догоняем,
На знакомый не взглянув пейзаж.

Может быть, желаний исполнение –
То, чего хотел, того достиг?
Но уходит из души волнение,
А удача – только счастья миг...

Может быть, сердец соединенье,
Безграничное желание любить?
Но любовь – тончайшее творенье,
Так легко его нечаянно разбить...

Счастье – мимолётное виденье,
Не потрогать, не схватить рукой.
Но я знаю счастья ощущение:
В сердце – радость, а в душе – покой.

Ольга БАТАЕВА родилась в Кишинёве. Окончила филологический факультет Кишинёвского государственного университета. В течение тридцати лет работала заведующей экспозиционным отделом, зам. директора по науке Дома-музея А.С. Пушкина. Автор музейных экспозиций в Кишинёве и Долне, создатель более 100 выставок. С 2015 года – координатор культурных проектов представительства Россотрудничества в Республике Молдова, организатор и куратор Пушкинской аудитории Российского центра науки и культуры в Кишинёве.

Автор книг «Благослови, поэт...», «Твоей молвой наполнен сей предел», «Мой след уединенный»: Пушкинская тропа «Молдовы», «Годиться славою своих предков», многочисленных статей в различных изданиях, сборника Пушкинского песенного цикла «Встретиться с Вами нам здесь суждено» (в соавторстве с Анжелой Арсений).

Заслуженный деятель культуры Республики Молдова.

Награды: медаль РМ «Mihai Eminescu» – «За особые заслуги в творческой деятельности»; почётный знак Россотрудничества «За дружбу и сотрудничество»; диплом «Литературной газеты» и две золотые медали Международной общественной ассоциации «PERSONALITATE» «За плодотворную и многогранную деятельность в пропаганде пушкинского наследия».

АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ

МГНОВЕНИЯ ПОИСКА *Дневники Петровича*

1.

Забывать нельзя помнить.

За 35 лет Республика Молдова так и не поняла, где в этой фразе ей необходимо поставить знак препинания в отношении памяти о событиях Великой Отечественной войны. Постепенно, шаг за шагом, страну подводят к тому, чтобы после «забыть» поставить уверенный восклицательный знак.

Памятник в селе Ханасены Кантемирского района нельзя отнести к числу забытых или заброшенных. Он стоит на территории школы, ограждён и находится под охраной. Школа, построенная в советское время, недавно отреставрирована, над новой металлочерепицей развевается флаг Европейского Союза. Но если подойти поближе и всмотреться в буквы, высеченные некогда в мраморе, то вы увидите зияющую пропасть на месте, где должна быть Память. Имена отцов, дедов и прадедов покрыты таким количеством краски, что прочесть их уже невозможно.

Не разглядеть под слоем сербрянки имя младшего сержанта Алексея Лаврика, павшего смертью храбрых на территории Латвии за два дня до Победы, 7 мая 1945 года. Той самой Латвии, в которой ровняют с землёй могилы павших героев, среди которых навеки остались и наши земляки.

Краска укрыла имя 20-летнего красноармейца Георгия Мирона. Бесстрашный сын молдавского народа пал на полях Восточной Пруссии. Там, по

счастью, его подвиг свято чтут, отдавая дань памяти нашему соотечественнику, в Калининградской области России помнят молдаванина Георгия Мирона.

Вглядываясь до боли в глаза, можно нащупать имя красноармейца Георгия Мокану, пропавшего без вести зимой 1945 года. Так, наверное, вглядывалась в

горизонт его жена Иоанна Васильевна, ставшая вдовой в 20 лет и десятилетиями после войны ожидавшая с фронта мужа.

Неразличимые под краской имена – это беспамятство, на которое наш народ обрекают манкурты во власти. Этим слоям краски не десять и не двадцать лет, фамилии замазывали десятилетиями, как будто желая избавиться от собственной истории. У них это почти получилось. Но, вне всякого сомнения, в нашей стране настанут времена, когда светлая память героев будет очищена от грязи и молдавский народ твёрдо скажет: «Забыть нельзя! Помнить!».

2.

*«Я не забыл победу в сорок пятом,
И в генах наших память не убить!
Мы кланяемся в пояс всем солдатам
Погибшим, чтобы нам спокойно жить!»*

*Я не забыл героев Сталинграда,
Я не забыл про Курскую дугу,
И ужасы блокады Ленинграда,
Не сдавшегося лютому врагу.*

*Я не люблю трусливую Европу,
Она забыла, кто её спасал,
Как миллионы полегли в окопах –
Их до сих пор никто не сосчитал!»*
Олесь Бузина

Село Готешты Кантемирского района Республики Молдова. Судя по всему, единственным ремонтом памятника павшим односельчанам здесь было уничтожение советского герба на вершине стелы, место которого позорно замазано бетонным раствором. В остальном память о собственных предках была представлена только времени, уверенно одерживающему верх. Пройдет ещё немного времени, и, как это было десятки раз, памятник разрушится, а плиты с именами павших в лучшем случае перенесут к сельской церкви.

Памятников, подобных этому, в нашей стране большинство. После необычно холодной зимы их стало ещё больше. Там, где живут равнодушные жители, есть шансы на восстановление. В остальных случаях погибшие за нашу свободу и независимость герои

держат оборону, как в Готештах, уповая только на крепость бетона, из которого были отлиты эти монументы более полувека назад.

3.

Мгновения поиска. Траншеи Варницкого плацдарма.

Нацеленная в горизонт линия непрекращающегося окопа – это не кадр из хроники военных лет. Это мирные поля под селом Гура Быкулуй Новоаненского района. 65 лет назад здесь тоже рыли такие окопы и траншеи, стараясь уберечь солдатские жизни от пуль и осколков. Не всем довелось уцелеть в страшных боях весны и лета 1944 года на огненном Варницком плацдарме, тысячи сыновей, мужей и отцов навсегда остались лежать в этих полях.

Лето 2010 года, первая в истории независимой Молдовы поисковая экспедиция «Вахта Памяти», первый тяжёлый опыт стационарных полевых работ. Нашу тогдашнюю смелость можно было объяснить только неопытностью. На руках – лишь недавно рассекреченные Министерством обороны России карты захоронений времён Великой Отечественной войны, три десятка абсолютно неподходящих для поиска штыковых лопат и столько же разновозрастной молодёжи со всех концов республики. Кишинёв, Новые Анены, Тирасполь, Кагул, Вулканешты, Калараш – ребята съезжались отовсюду, предполагая, что будут участвовать в археологической экспедиции в лучших традициях познавательного канала Discovery. На деле же оказалось, что жить придётся в общей армейской палатке, выделенной миротворцами, пить воду с личинками комаров из ближайшего колодца, самостоятельно готовить (благо среди прибывших оказалось достаточно девушек). А самое главное, надо было беззаветно и тяжело работать. Первые дни показали два неутешительных факта, связанных с дикой жарой: во-первых, выжженную солнцем землю вскопать нашим инструментом оказалось практически невозможно. Но нам, охваченным комсомольским энтузиазмом, это не показалось преградой. А вот доходящая до критических показаний дневная температура воздуха оставляла шансы на проведение поисков исключительно в утренние и вечерние часы. Эту крестьянскую заповедь пришлось усваивать уже по ходу.

В то лето я пересмотрел свои взгляды на современную молодёжь. Поколение зумеров, составлявшее большинство участников той памятной экспедиции, стёрло до мяса неподготовленные руки, обгорело на палящем солнце, прочистило подростковые желудки бесконечными блюдами из польской тушёнки. Но ни один не отвернул и не сбежал, не испугался трудностей. Всем хотелось найти polegшие на Варницком плацдарме роты и батальоны, всем хотелось прикоснуться к далёкому, но ставшему теперь таким близким подвигу.

Мы искали сеть боевых захоронений времён 1944 года. Искали, пробивая непрерывную сеть окопа, искали, отрывая шурфы в шахматном порядке, пробовали всё, что подсказывали нам книжная наука и наш скромный опыт. Техника, которую удалось нанять,

вышла из строя в первый же день, и тракторист, взяв задаток, на нашем поле больше не появился. Поэтому все работы проводились вручную. За 28 дней экспедиции мы отрыли около 4 километров окопов, траншей и шурфов. Цифра, в которую и сегодня верится с трудом.

В той экспедиции мы нашли девять солдат. И ни одного на этом изрезанном траншеями участке. На нём мы не нашли вообще ничего. Тем жарким летом нам удалось приобрести бесценный опыт, настоящих друзей и единомышленников. Почти всех, кто был в той экспедиции, суровая молдавская действительность разбросала по земному шару, кого на Запад, кого на Восток. Но те, кто остались, и сегодня несут свою почётную Вахту Памяти, уже шестнадцатый год подряд.

4.

Мгновения поиска. Солдатский платок.

Весной 2011 года ребята-поисковики из соседней Украины передали нам в подарок необычное полотнище. Оно состояло с кусочков разноцветной ткани, на которой с помощью вышивки, маркёра или краски были нанесены данные о героях Великой Отечественной войны – жителях населённого пункта. Вдохновлённые этой идеей, мы тоже решили объявить такую акцию в Молдове, назвав её «Солдатский платок». Жителям нашей страны предлагалось увековечить имя своего героя на ткани любым доступным способом: кто-то вышивал фамилию, кто-то прикалывал фотографию, кто-то прикреплял армейские пуговицы. Платки сшивались в единое полотнище – от класса, от школы, от творческого коллектива, от села или города. Со всей Молдовы их поступило несколько тысяч экземпляров.

В единый строй герои встали дождливым майским днём, когда на воинском кладбище села Спея Новоаненского района мы отдавали последние почести двадцати восьми неизвестным солдатам Красной армии, найденным в ходе поисковых экспедиций. За несколько лет до появления акции «Бессмертный полк»

мы в Молдове впервые воплотили в жизнь идею единства павших и живых, их объединения в одном строю.

Некоторые учебные заведения после майских праздников попросили вернуть их платки обратно, для помещения в школьные музеи. Иногда я ещё встречаю эти знамёна в тех школах, где ещё сохранились такие экспозиции. Бóльшая часть полотен народной памяти хранится в нашем музее «Ратная слава». Их оказалось столько, что стены музея просто не в состоянии вместить полотнища в развернутом виде. Солдатские платки ждут своего часа, когда они станут реликвиями большого и просторного музея, который обязательно должен появиться в нашей стране.

5.

Мгновения поиска. Солдатские лапти.

*«Мой товарищ, в смертельной агонии
не зови понапрасну друзей.
Дай-ка лучше согрею ладони я
над дымящейся кровью твоей.
Ты не плачь, не стони, ты не маленький,
ты не ранен, ты просто убит.
Дай на память сниму с тебя валенки,
нам ещё наступать предстоит».*
Ион Деген

В нескольких строках, написанных фронтовиком Ионом Дегеном, нашла своё отражение суровая последовательность солдатской жизни на войне. Невозможность оплакать боевого товарища, а зачастую и по-человечески похоронить его, необходимость идти дальше, освобождать родную землю от врага. Но, чтобы наступать, солдат должен быть одет, обут, вооружён и накормлен. Стягивая с убитого товарища валенки, герой стихотворения знает цену солдатской обуви на войне.

За годы поисковой работы нам доводилось «поднимать» погибших солдат в самой различной обуви: трофейные немецкие сапоги, уставные ботинки, малиновые «ленд-лизовские» боты... Но весной 2011 года на Шерпенском плацдарме мы обнаружили солдата в необычной обувке. Два куса резины, срезанные, судя по всему, с автомобильной покрышки, скреплённые между собой проволокой. «Солдатские лапти», в которых солдат пошёл в свой последний бой.

Освобождая километры родной земли, томившейся в фашистской оккупации, Красная армия несла потери. На место погибших и раненых вставляли мужичины, призванные полевыми военными комиссариатами с освобождённых территорий. Но в 1944 году наступление Красной армии стало столь стремительным, что новобранцев часто не успевали должным образом обмундировать. Им приходилось идти в бой в домашней гражданской одежде и обуви.

Имя солдата, обутого в лапти, нам установить не удалось. А спустя полгода в нескольких сотнях метров от места обнаружения было найдено колесо от разбитой пушки. Вся резина с колеса была срезана и израсходована на лапти.

Что такое подвиг? Амбразура вражеского ДОТа, закрытая солдатской грудью, горящий самолёт, направленный в гущу вражеской техники, таран вражеского танка на объятый пламенем «тридцатьчетвёрке». И подвиг неизвестного солдата, обутого в самодельные резиновые лапти, в которых он пошёл в свой последний бой за освобождение Молдавии от фашизма.

6.

Мгновения поиска. Общая память.

Село Спея Новоаненского района, май 2010 года. К братской могиле советских воинов цветы возлагает военный атташе Посольства Соединённых Штатов Америки в Республике Молдова. Самая первая церемония захоронения погибших героев Великой Отечественной войны стала уникальной по многим причинам. В том числе и потому, что собрала представителей пяти государств, победивших нацизм. Отдать последние почести павшим солдатам приехали послы Российской Федерации, Республики Беларусь и Украины, консул Болгарии и военный атташе США. В том памятном году и на главном праздничном параде – Параде Победы в Москве – победители нацизма шли в едином строю.

За 15 лет многое изменилось. Болгарские «братушки», в благодарность за освобождение страны, сегодня сносят памятники советским воинам. Тяжело и безнадежно заболела беспамятством Украина, вытащив из адских котлов нациста Бандеру. В этом её активно поддерживают США, сначала раздавая булочки на майдане, а потом вдогонку присылая вооружение. Вопреки всему хранят историческую память в России и Беларуси. Хранят и за себя, и за украинцев, и за болгар, и даже за американцев. Держит оборону и народ Молдавии, на земле которой нашли свой последний приют тысячи сыновей и дочерей всех республик Советского Союза.

7.

Мгновения поиска. Знамённая группа.

5 мая 2010 года в селе Спея Новоаненского района прошла первая в истории независимой Молдовы церемония захоронения советских воинов, погибших в годы Великой Отечественной войны. Сценарий составлялся интуитивно, с опорой на подобные акции в Российской Федерации и на Украине. Тогда же оформилась и концепция церемонии – торжественно-траурная, с отдаванием воинских и православных почестей. С организационной точки зрения мероприятие относилось к общественно-государственной церемонии с участием органов местного самоуправления, депутатского и дипломатического корпусов, Министерства обороны Республики Молдова. Вооружённые силы на церемонии представлял майор Ч., ставший за годы нашей совместной работы моим добрым товарищем. С первых минут нашего знакомства он подошёл к решению возложенной на него задачи не формально, а от сердца, по-офицерски.

Тогда же на церемонии впервые появилась и знамённая группа. К её построению мы подошли по следующему принципу: государственный флаг Республики Молдова подчёркивал официальный статус церемонии; копия Знамени Победы

олицетворяла собою символ многонационального народа, победившего коричневую чуму; государственный флаг Российской Федерации символизировал преемственность между СССР и Россией, поддержку современной Россией исторической памяти и наследия.

В том далёком уже 2010 году, в царствование Михая Фёдоровича Гимпу, за Знамя Победы и российский флаг в руках молдавских солдат мой друг майор Ч. получил серьёзный нагоняй от своего начальства. Настолько серьёзный, что на следующий год приехавшие на церемонию солдаты с перепугу отказались брать в руки даже государственный флаг Республики Молдова. В мае 2010 года молдавские солдаты – внуки и правнуки солдат-победителей, на Шерпенском плацдарме держали Знамя Победы в последний раз...

Для нас же знамённая группа стала неотъемлемой частью отдания воинских почестей павшим. За 15 лет нам неоднократно пытались запретить выносить знамёна, помешать их развёртыванию, угрожали, высмеивали. Но мы по-прежнему продолжаем провожать наших солдат и офицеров так, как положено провожать настоящих героев.

8.

Мгновения поиска. Медаль рядового Котовича.

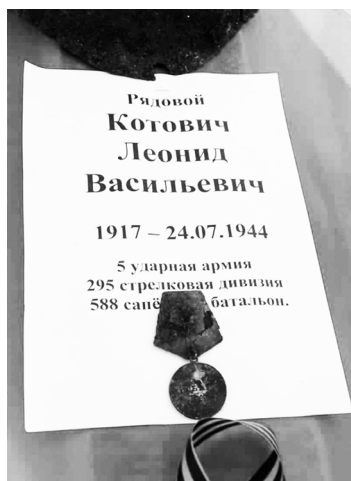
Весна 2010 года, первая поисковая экспедиция на Шерпенский плацдарм. Впрочем, называть наши первые выезды экспедициями будет слишком громко. Тогда у нас не было ни транспорта, ни инструмента, самой организации ещё тоже не было. Напрочь отсутствовала и правовая база проведения поисковых работ – первый документ, где поиск неучтённых воинских захоронений будет выделен в отдельное направление, появится только осенью 2011 года. Из актива – группа молодых товарищей во главе с тогда ещё таким же молодым мною, до этого принимавшим участие в раскопках в Староладожской археологической экспедиции. Ко второму выезду подключились старшие товарищи, среди которых своей и внешней, и внутренней основательностью отличался житель Новых Анен, которого, несмотря на габариты, все запросто звали Васей. Василий Сеньковский, впоследствии ставший командиром поискового отряда «Август», единственный имевший на тот момент опыт проведения поисковых работ ещё в советское время, с того момента бесценно возглавил полевой поиск на местах сражений.

На воронку мы попали сразу, её обнаружили до нас любители свободного приборного поиска. Обнаружили, но не тронули. Вповалку в яме лежали 18 бойцов. Пуговицы от истлевших шинелей, ржавые винтовки, гранаты, ремни, подсумки, советские и ленд-лизские ботинки малинового цвета...18 оборванных жизней, 18

судеб, убитых войной. Одну из них удалось восстановить благодаря найденной медали «За отвагу».

Сапёр 588-го саперного батальона 295-й стрелковой дивизии 5-й Ударной армии Леонид Котович должен был провести группу разведчиков через минное поле, расположенное на нейтральной полосе. Летом 1944-го в штабах готовилась крупная наступательная операция, которой будет суждено войти в историю под именем Ясско-Кишинёвской. Командованию позарез были нужны «языки» — пленные, для подтверждения того, что немцы уверены в наступлении Красной армии на Кишинёв с Шерпенского плацдарма и не снимают войска с этого направления.

Группа, которую вёл сапёр Котович, попала под миномётный обстрел и была полностью уничтожена. Красноармеец Котович, вынося с поля боя раненого командира группы, погиб от пули вражеского снайпера. Имя героя высекли на гранитных плитах в селе Бутор на противоположном берегу Днестра, отправив известие семье. И только спустя 66 лет благодаря медали «За отвагу» Лёня Котович вывел свою группу из последнего рейда, вывел из безвестности в бессмертие.

В мае 2010 года в Молдове прошла первая за четверть века церемония прощания с павшими героями Великой Отечественной войны. 36 солдат и офицеров обрели вечный покой, вернувшись из небытия. Спустя ещё 10 лет, при поддержке Посольства Российской Федерации, нам удалось полностью восстановить воинское кладбище в селе Спея Новоаненского района, высечь в граните имена уроженца Херсонщины Лёни Котовича и его боевых товарищей, вернуть территории при въезде на Шерпенский плацдарм достойное звание Места Памяти.

Сапёр Котович своей семьи завести не успел. Его родные на церемонию захоронения не приехали, а медаль героя, с их согласия, мы разместили в музее Поискового движения Молдовы «Ратная слава». С первой медали, с первого восстановленного солдатского имени мы и начнём нашу рубрику **#мгновенияпоиска** на моём Телеграмм-канале «Солдат Победы».

* * *

Наступивший 2026 год, помимо других важных юбилейных и памятных дат, для нас и наших соратников пройдёт под знаком полубюбилея Поискового движения Молдовы. Календарная дата будет отмечаться в июне, с привязкой к официальной регистрации в Министерстве юстиции первых поисковых общественных организаций страны – отряда «Август» и Русского историко-патристического клуба. А вот непосредственно праздничная программа будет проходить в течение всего календарного года и вместит в себя показы выставок, экскурсии в музей Поискового движения и на мемориальный комплекс «Шерпенский плацдарм», встречи с поисковиками, вручение наград и многое другое.

Мы подготовили рубрику под названием «Мгновения поиска». В ней, опираясь на кадры нашего богатого фотоархива, мы расскажем о самых

запоминающихся моментах нашей тяжёлой, опасной, но самой лучшей работы на Земле.

**«Молдавия против нацизма. Противодействие экстремистской идеологии для укрепления государственности Республики Молдова»
(текст доклада, озвученного на круглом столе «На страже государства Молдавского», 21 февраля 2026 года, Кишинёв)**

XX век добавил к столпам молдавской государственности и молдавской идентичности тотальное неприятие нацизма и фашизма. Факт, говорящий сам за себя: молдаване стали единственным народом на пространстве Советского Союза, из которого нацистам не удалось создать ни одного самостоятельного добровольческого коллаборационистского воинского соединения. С первых дней Великой Отечественной войны, 85-ю годовщину которой мы вспоминаем в нынешнем году, молдавский народ храбро и беззаветно сражался с нацизмом. Героическая оборона Молдавии летом 1941-го, неустанный труд жителей Молдавии в тылу в период вынужденной эвакуации, подпольное движение на оккупированных территориях, партизанское движение, подвиги уроженцев молдавской земли на фронтах от Баренцева до Чёрного моря... Нашему народу есть чем гордиться, он не запятнал своей чести сотрудничеством с нацистами, он обессмертил имена своих сыновей и дочерей, сражавшихся за мир и свободу на земле.

Обретение независимости после самороспуска Советского Союза, к сожалению, явило в последнем десятилетии XX века дикие формы пещерного национализма, ксенофобии, русофобии, неонацизма. Замаскировавшись под национал-патриотов, к власти пришли откровенно деструктивные силы, начавшие, как сейчас всё сильнее кажется, обратный отсчёт молдавской государственности. Кровавая прививка, полученная в дни братоубийственной войны на Днестре, несколько отрезвила наследников нацистского маршала Антонеску, заставила их мыслить тоньше, хитрее и, надо признать, перспективнее.

В школьную программу вводится антинаучный курс «История румын», призванный, исходя из названия и содержания, готовить молдавский народ к ментальной самоликвидации. Молдаванам в одночасье объявили, что собственной истории у них нет. Вот уже три с лишним десятилетия молдавские дети учат чужую историю, постепенно забывая свою. Это не могло не отразиться на ментальном самоопределении молдавской молодёжи, подстрекаемой антигосударственными силами. В стране стали расти и крепнуть молодёжные организации, имевшие целью ликвидацию молдавской государственности посредством присоединения к соседней Румынии. Маскируясь под субкультуру, в Молдове стали появляться неонацистские кружки, не скрывавшие своей идеологии ни внешне, ни внутренне. Апострофом этих процессов стал государственный переворот 7 апреля 2009 года, совершённый руками упомянутых экстремистских организаций и примкнувшей к ним либеральной молодёжи. К власти пришли политические силы, с первых дней объявившие о несостоятельности суверенного молдавского государства и необходимости его вхождения в Европейский Союз.

Прошло 17 лет. За это время у власти в нашей стране побывали сотни различных персонажей, но в целом власть в Республике Молдова была несменяемой. Это можно заключить из заложенного в управление страной вектора, на-

званного «европейской интеграцией». С приходом к власти новых политических сил в стране то тут, то там стали замечаться признаки экстремизма, полностью игнорируемого властью. Ежегодно фиксируются акты вандализма в отношении памятников Красной армии. Монументы борцам с фашизмом рушат, оскверняют оскорбительными надписями, уродуют краской. Вместе с этим вандализму подвергаются и памятники жертвам Холокоста. При этом почерк преступников практически не меняется: нанесение нацистской свастики или рунических символов, русофобские и ксенофобские призывы. Не меняется и почерк молдавских правоохранительных органов. За 17 лет ни один случай вандализма не был раскрыт, что говорит само за себя.

С 2020 года экстремизм стал существенно набирать обороты. Если раньше он словно не замечался властью, хотя очевидно подпитывался ею, то теперь власть стала поощрять его проявления, систематизировать и оформлять их в существующую и императивную реальность. И это неудивительно, ведь власть сегодня представляют те самые погромщики из апреля 2009 года, сегодня ставшие министрами и депутатами.

Врач заявляет о своём желании расстреливать пациентов за русскую речь? Министр здравоохранения не считает это чем-то вызывающим. Лидер политической партии грозит мочиться на русскоязычных граждан Молдовы во время одного из протестов? Сегодня он уже в парламенте, вместе с пятью однопартийцами. Прорумынский активист в прямом эфире грозит резать гагаузов? В ходе предвыборной кампании он идёт рядом со спикером Парламента и премьер-министром, являя собою лицо правящего режима.

Может показаться, что проявления экстремизма – это одиночные явления, не имеющие системы. Но это не так. Сам экстремизм как уродливая форма взаимодействия между людьми становится нормой. Примером тому выступает всё тот же антинаучный курс по истории румын. Если раньше он отрицал существование молдавского народа, то теперь вышел на новый уровень откровенного неонацизма, русофобии и экстремизма. Введённые в школьную программу учебники по истории румын для 9 и 12 классов отрицают Холокост и героизируют нацистский режим Антонеску; они сеют вражду между народами Республики Молдова, прямо говоря о том, что переехавшие в период СССР в нашу страну выходцы из других республик были алкоголиками и туеядцами; они оскорбляют живущие в нашей стране национальные меньшинства, именуя их сепаратистами.

Всё описанное выше говорит о подготовке общества к возрождению крайне опасных движений, извне навязываемых нашему народу. Как писал Евгений Водолазкин, «настоящему террору нужны две вещи: готовность общества и тот, кто встанет во главе. Готовность общества уже есть. Дело за малым». Исходя из результатов президентских и парламентских выборов очевидно, что и тех, кто встанет во главе этой мрачной истории, тоже отобрали, причём, как в лучших традициях Германии 1930-х годов, по результатам свободных и демократических выборов.

Молдавскому народу остаётся только два варианта. Бесконечно терпеть. Молдавское долготерпение уже стало легендой. Не все у нас умеют готовить мамалыгу, но каждый знает о том, что она не взрывается. Путь под названием «мы

сами ничего не решаем, пусть решат за нас». Решат. Только не в вашу пользу. Вторым вариант сложнее и опаснее. Он предполагает борьбу. Не за Зимний дворец или Главпочтамт, не за площадь в центре Кишинёва. Борьбу за умы, за историю и традиции многонационального молдавского народа. Тем, кто вступит на этот путь, вне зависимости от национальности, надо быть твёрдо убеждённым в том, что он – молдаванин, то есть сын молдавской земли. Нам есть за что бороться. За могилы предков, которые сегодня хотят разрушить, за будущее детей, которых сегодня насилуют нацистской дрянью в школах, а завтра будут выдавливать из страны, которая к тому времени или превратится в захолустную колонию, или исчезнет. Наконец, бороться за себя, за своё человеческое достоинство. А оно, как известно, национальности не имеет.

Алексей ПЕТРОВИЧ. Родился в 1988 году. Окончил лицей им. Милеску-Спэтару (Кишинёв), затем – УЛИМ (специальность «Предпринимательское право»).

Председатель Координационного Совета российских соотечественников РМ, руководитель Русского историко-патриотического клуба, глава Национального Комитета «Победа», представитель Российского военно-исторического общества в Республике Молдова.

Награждён орденом «Верность Родине» III степени, медалями и нагрудными знаками Правительства Республики Беларусь и Министерства обороны Российской Федерации.

Автор изданий «От Днестра до Рейхстага» (2016) и «От Днестра до Москвы, от Москвы до Берлина» (2018), «Оружие Победы. Военная техника на страже исторической памяти» (2020).

Лауреат международной премии «Содружество дебютов» Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества СНГ (2020), премии «Время молодых» (2023), международной медиапремии «Честный взгляд» (2023).

ПРОЗА

Поле притяжения

ДИАНА ФЕДОРОВИЧ

ЧЕТЫРЕ КЛЮЧА В КАРМАНЕ МАРИИ

У старой доамны Марии в кармане звенят ключи.

Когда Марии грустно, она перебирает их и разглядывает, словно величайшую драгоценность. Ключи эти разные, они по-разному выглядят и по-разному пахнут.

Их всего четыре, и это самые обычные ключи, соединённые ржавым кольцом. Их всего четыре, и никто не догадался бы, как сильно Мария ими дорожит.

Когда Мария с утра вылетала из дома, люди перед ней прямо-таки разбежались, боясь быть сбитыми. Они не знали – да и откуда! – что к девяти Марию ждёт доамна Анжела, и та ни за что не потерпит опозданий.

Но Мария за эти пять лет ещё ни разу не опаздывала.

Она с совершенно нестариковской прытью бежала на бульвар Виеру, перебежала дорогу, расталкивала сонных студентов и первой заскакивала в троллейбус под номером десять.

И каждую минуту Мария запускала руку в карман, чтобы нащупать связку из четырёх ключей. При каждом её шаге они издавали нестройный звон, и лишь один из них пел по-особенному мелодично. Этот ключик, тонкий и красивый, пах французскими духами и пудрой.

В троллейбусе Мария переводила дух и поправляла растрёпанную причёску. Как только троллейбус доезжал до Валя Морилор, Мария сходила, и больше никто в ней не узнавал старую Марию Гросу.

Нет, теперь это была «*ma chère amie*», «*ma douce Marie*» – а значит, следовало соответствовать. Походка становилась всё легче, спина – всё прямее.

До самой двери Мария думала, чем бы сегодня удивить Анжелу – фуа-гра или фламбе? Может, киш лореном? – и в итоге остановилась на котлетах. Ни фуа-гра, ни киш лорен Мария готовить не умела.

Звякнул ключик в замочной скважине, и, прежде чем войти, Мария постучалась. Доамна Анжела настаивала на этом, а Мария была и рада. Ей нравилось, что везде свои правила.

– Bonjour, Madame, – степенно поздоровалась Мария, разуваясь.

– Bonjour, ma chérie, – ответила доамна Анжела. – Comment trouves-tu mon nouveau peignoir? Il est magnifique, n'est-ce pas?

– Oui.

Мария знала на французском лишь три слова – «бонжур», «оревуар» и «мадам», – и собеседник из неё был «ridicule».

Когда-то доamna Анжела преподавала французский в лицее имени Еминеску, о чём любила рассказывать за чашечкой чая. Она даже поначалу пыталась научить Марию хоть чему-то, но потом махнула рукой: думала Мария долго, запоминала новое ещё дольше. Однако, впрочем, что-то ей подсказывало, когда сказать *уи*, а когда ответить *нон*, и этого было вполне достаточно.

Как говорила доamna Анжела, французский язык был языком её сердца – не даром же по матери она француженка. А кто вообще разбирается в чувствах и красоте лучше французских женщин? В тёмные волосы уже закралась седина, а на высоком лбу залегли тонкие морщинки – ну и пусть! Доamna Анжела всё равно нечасто заглядывала в зеркала. Она и без них знала, что прекрасна.

Анжела любила вздыхать, говорить возвышенно и сложно. Она любила запахи и цвета, меха и шёлк, она любила слушать романсы и читать истории о любви. Кино она тоже любила, хоть «все они там такие бестолковые!» Ещё она любила море и любила парки. Любила розы и музеи, вечерние платья и шампанское. Любила путешествия, иностранные языки, историю... Ну ещё дочек и мужа, конечно.

Но больше всего, больше лоска своей повседневности и блеска своей одежды, доamna Анжела любила... Францию.

– Как у полукровной француженки, – скромно говорила она, – во мне есть капелька той бесконечной любви к Парижу, которая даёт настоящую, самую искреннюю причину просыпаться по утрам. Ты, *ma chérie*, этого, наверное, не поймёшь...

И доamna Анжела начинала долго и страстно рассказывать Марии о Лувре, о прекрасных французских улочках и цветущих садах, о галантных французских джентльменах и элегантных французских дамах...

А Мария жарила котлеты.

Доamna Анжела настаивала, чтобы Мария готовила побольше, ведь по вечерам к ней навещались дочери, – «а чаем, *ma douce Marie*, они сыты не будут!» И Мария готовила побольше, даже зная, что всё опять испортится и полетит в мусор.

Кто ж виноват, что аристократы такие разборчивые...

Но Мария не расстраивалась. Доamna Анжела довольна – и славно! Что ещё надо?

Необычайное чудо творила улыбка с лицом Анжелы, а потому Мария делала всё, чтобы оно продолжалось подольше. Доamna хочет погулять? Давайте выйдем, я подержу зонтик от солнца! У доамны есть секрет? Я прекрасно храню тайны, не томите, рассказывайте! Хотите посмотреть новый французский фильм? Я приготовлю чай и испеку ваши любимые печенья! Доamna хочет поболтать о моде? Я, конечно, мало что понимаю, но расскажите мне всё, что хотите!

– О, *ma chère amie*, ты одна знаешь, как сильно я люблю одежду! – вздыхала Анжела. – Ты все обо мне знаешь, всё-всё! Скажи, может, я веду себя глупо? Может, я не права в своей любви?

– Нет, что вы, – рассудительно отвечала Мария. – У вас редкий дар видеть красоту, и вы должны этим гордиться.

– Ты права, Marie! Ты всегда права!

Иногда доamna Анжела порывалась что-нибудь подарить Марии, но зачем? Мария не носит шёлковых платьев, и ей совсем не нужно кольцо из топазов. Анжела вздыхала, но потом в её голове что-то быстро перещелкивалось, и она вновь утопала в своей любви к красотам.

Вот, ma chère amie, погляди, эту шубу я купила в Милане! Можешь потрогать – скажи, мягко? Это ангора. А эти туфли из Ниццы! Как же я люблю Францию... Ах, как будет славно этой осенью прогуляться по площади Парижа avec mon bien-aimé André!..

Мария это слушала каждый день, слово в слово, – но почему-то это ей никогда не надоедало. Жизнь доамны Анжелы была наполнена какой-то недостижимой красотой, той элегантностью, которую не поймёт безграмотная молдавская старуха. Впрочем, зачем это понимать? Есть вещи, как однажды рассудила Мария, которые просто запрещено постигать умом.

– Ах, ma douce Marie, – внезапно вздохнула доamna. – До Парижа осталась неделя, а старые чемоданы пришлось выбросить! И что ты думаешь? Мой Андре ещё не привез новые чемоданы! Как можно! Бестолковый!

– Он совершенно не прав, – очень серьёзно поддакнула Мария. – К таким поездкам надо готовиться сильно заранее.

– Да, я ему так же говорю! Андре, мне нужен новый чемодан! Андре, ты такой бестолковый! Андре, ты будто оглох! У меня столько платьев, столько туфель, а я ещё ничего не выбрала! В чем, ma douce Marie, я буду гулять с ним по набережной Сены?! Всё испорчено! И всё из-за Андре и чемода-а-а...

Она вдруг начала плакать, и Мария с готовностью протянула салфетку. Это случалось всё чаще, и доamna Анжела с каждым днем всё сильнее напоминала неспокойное, капризное море. Сейчас оно такое весёлое, искристое солнечным светом, но держись – через минуту разразится шторм, и всю землю затопит слезами.

Но Мария уже пять лет доставала из кармана тонкий ключик, и пять лет она разгоняла все печали Анжелы.

Она погладила доамну Анжелу по голове, так неловко, но так тепло, как может лишь безграмотная молдавская старуха. Ну-ну, дорогая доamna, не плачь, милая. Нашла из-за чего плакать! Это же не беда, да? Во Франции из-за такого не плачут, там знают, что от слёз лицо краснеет и распухает... А ты такая красивая, такая умная, ну подумаешь, – чемоданов нет!..

И доamna Анжела успокоилась так же внезапно, как и разрыдалась.

– Плевать на чемоданы! – решила она, утерев глаза и вскочив на ноги. – Мне они не нужны. Я повезу в Париж всё, что захочу и как захочу! Я француженка или кто?!

И, забыв про гору салфеток, про douce Marie и про недопитый чай, доamna понеслась к шкапам. Полетели платья, миланская шуба, халаты и бельё, сильнее запахло дорогими духами – и над морем по имени Анжела вновь возшло солнце.

И пока она выбирала, что такого взять бы в Париж, Мария закончила свою работу. Она навела порядок на кухне, убрала еду в холодильник, подрезала стебли роз. Надо будет завтра принести новые, доamna Анжела любит розы... И по-

стирать шторы было бы неплохо, а лучше – вовсе обновить. И купить продукты, побольше овощей и фруктов...

Но на сегодня это всё.

– Au revoir, Madame! – попрощалась Мария и, выйдя из квартиры, заперла дверь.

Доамна Анжела этого, впрочем, и не заметила.

Пройдет немного времени – часа три, быть может, – и Анжела вспомнит, что никакая она не француженка, и французский она ни в жизнь не преподавала. Может, вспомнит ещё, что муж её с единственным чемоданом давно сбежал к женщине помоложе, а обе дочери далеко, в Петербурге. И приезжают они нечасто, дай Бог раз в год.

А что насчет Парижа... В Париже доамна Анжела никогда не была. И, наверное, уж никогда и не будет.

И что больше нет в её жизни ничего хорошего – как и нет ничего плохого.

Кто знает, как проведёт она остаток вечера. Может, ковыряясь в котлете и слушая романсы. А может, просматривая какой-нибудь старый французский фильм и плача над чужой – конечно, над чужой – бестолковой жизнью.

Второй ключ пел грубо и глухо. Как и все старые ключи, он пах железом – притом советским, «настоящим», а не то что «эти вот ваши фальшивки люминивые, тьфу!»

Мария, дождавшись двадцать четвёртый троллейбус, зашла степенно и гордо. Что-то в ней нарастало, что-то пугающее и тяжёлое, и ей тут же освободили место.

У неё был час, и этот час она каждый день проводит в дороге. Прислонившись к пыльному окну, Мария задумалась. Никто и никогда не догадался бы, что у нее в голове, но чем дальше ехал троллейбус, тем грубее становились черты её лица.

И, выйдя на своей остановке, Мария оказалась совсем другой женщиной.

Спальный район Рышкановки встретил её серой сонностью. Рубя дорогу тяжёлыми шагами, Мария по пути накупила продуктов и прихватила газету из киоска. Когда показалась знакомая пятиэтажка, Мария по привычке глянула на окна второго этажа. Она знала, что сегодня, как и вчера, как и вообще в любой день, увидит там грустное лицо деда Михая.

Он всегда сидел у окон и всё ждал, ждал...

Вот подъезд, смрадный и душный. Вот обшарпанная лестница, а вот и дверь, унылая и старая, как вся Рышкановка. Ключ звякнул в замочной скважине тяжело и глухо.

– Виори-и-ика-а-а!! – донесся хриплый вой, и дед Михай выглянул в тамбур.
– Ты где гуляла, старая?!

– Мэй! – прокричала Мария не своим голосом. – Дэй паче!*

И – вж-ж-жух! – в деда Михая из тамбура полетела калоша.

– Дура, тьфу! – ругнулся дед, потирая лысину. – Чой жрать будем?

*Дэй паче (букв. пер. дай мира) – отстань.

– Хрен старый, дай зайти хоть! Что приготовлю, то и пожрешь!

И, ворча, дед Михай ушёл.

Дед Михай был из тех, для кого даже сухое и старое тело казалось уже слишком тяжёлым, чтобы ходить прямо. Его тянуло к земле, как перезревший пшеничный колос, и казалось, что ещё чуть-чуть, и он надломится.

Но при этом что-то неуёмное и живое наполняло его существо. Оно жило в прищуренных дымных глазах, в морщинах и уголках беззубого рта. Что-то, ещё не готовое умирать, любило разговоры о прошлом, советский пломбир, газеты из киосков и, конечно, свою Виорику.

И Мария знала – это «что-то» не позволяло Михаю ломаться.

Сама Мария совсем не была похожа на Виорику Плэмэдялэ, что глядела с фотографий, словно матёрая волчица. Вон Виорика какая круглая, с мощной челюстью, с глазами-гвоздями – глядишь и не знаешь, загрызёт тебя иль приколотит? Мария рядом с ней казалась бы тощей кобылкой, но стоило ей перешагнуть порог этой квартиры, как звучный громовой голос наполнял пространство.

– Миха-а-а-ай!! Почто полка не приколочена?! Я сто лет талдычу тебе – почини!!

– Завтра! Дэй паче!

Три года назад сын да невестка забрали деда да бабу из Сорок к себе, в Кишинёв, на квартиру. Мол, они старики же, совсем хилые, хоть и крикливые – в городе им будет лучше. Сельский дом сын за полгода продал, лишь виноградники решил за собой сохранить, чтоб вино по осени делать.

Да только баба Виорика в городе продержалась недолго – захворала вскоре да померла.

И дед Михай, – тот, что пережил и войну, и распад Союза, и крах банков, и смерть всех своих друзей да братьев, – за неделю одряхлел.

– Лёг на кровать – и больше не вставал, – охотно рассказывал Юрий, сын Михая. – Разговаривать перестал, есть перестал! Представляете, Мария Александровна? Уж сильно к маме привязан был, хоть и жили, как кошка с собакой... А как мамы не стало – он совсем загрустил. Лежал, молчал, иногда звал её – смотреть больно. Иногда уйти куда-то порывался, а иногда... И вспоминать не хочу. Совсем мы с женой замучились уже с ним. Не умеем мы кричать, как мама... Лишь её он слушал. И вас.

Нарубая капусту для борща, Мария краем уха ловила гул телевизора. Его перекрывало ворчание Михая и крики соседского попугая, бурление воды в кастрюле и детский смех с улицы. Всё жило своей жизнью – такой простой и тёплой, что хотелось смеяться. Даже горячий пар от кастрюль, даже кривая полка и старые выцветшие обои в этой тесной квартирке казались родными.

И пока Мария готовила борщ, дед Михай ворчал: и что хотел бы заму, а не этот твой борщ, и что погода сегодня уж слишком солнечная, хотя на дворе, вапщей-то, октябрь, и что соседский попугай так и просится в духовку, заипал орать...

И, сидя перед телевизором, он больше всего любил ворчать о политике. Он не очень хорошо разбирался в «этом всём», но даже так чувствовал: что-то назревает, и это что-то ему точно не понравится. Оно будет новым, может, странным – и точно чужим, а новое и чужое Михай, по своей традиции, отрицал.

– Не хочу в Европу! – заявил он, когда Мария накрыла на стол и они сели обедать.

– Вэ-э-эй, Миха-а-ай, та кто тебя-то ждет там?

– А пусть и не ждут! Мне в Советах хорошо было, вот. Люди там жили, люди! А не всякие там... Эти ваши... И для людей всё было. Для-лю-дей! Пломбыр каков был, помнишь, а?

– Та где сейчас твой Союз-то, а? – перебила Мария-Виорика. – Пломбыр твой драгоценный! Ковбаса советская! Нет этого, смирись. Как скажут там, вот там, в верхушке – так и жить будем, понял?

И тут дед обычно начинал ругаться – много, путая слова русские и слова молдавские, понося всех на свете – кроме Союза и советских людей, конечно, – и вообще, «ни хрена бабы не смыслят, дуры вы болтливые, в политике лишь мужики должны сидеть, и вопше, заткнись ты, Виорика, и жри дальше свой борщ сама...»

Но тут Виорика как стукнет по столу ручищей, психанет – как это, жри борщ сама?! – и дальше будут есть они свой борщ молча, в тишине. И с выключенным телевизором.

Иногда Михай доставал и откупоривал бутылку, разливал по рюмкам вино. Это было домашнее вино, по-особому ароматное. Оно пахло розовым виноградом, сухой травой и сельским октябрём.

– Молодца Юрчик, – бормотал Михай, отхлебывая. – Хорошее вино вышло в этом году. Не то, что эти ваши... Магазинные. Емпортные, тьфу!

– Ой та вэй, хватит! Заипал!

Никогда Мария-Виорика не призналась бы, но Михай был прав – вино что надо. Вот скажет она что-то доброе, что-то хорошее, согласится с ним раз в столетку, и Михай как начнет – а я говорил! А ты не слушала! А ты как бараниха! Упрямая! А надо меня слушать! Я ж говорил-то!

– Хосбаде-е-е, – проворчит она в ответ. – Как ты уже задрал, Михай.

А дед крикнет – мол, ну и славно. И дальше сидят, едят.

После обеда Мария убиралась на кухне, собирала стирку, мыла полы, загоняя деда с ногами на диван. Он не давал покоя со своими «Та дай помогу, скажи хоть шо сделать» – и Мария-Виорика беззлобно рычала на него, иногда швыряясь чем-нибудь нетяжёлым. Мешаешь, дед!

Мария знала, что завтра она снова напомнит про кривую полку – и что завтра Михай снова клятвенно пообещает её починить. И, конечно, назавтра забудет. Но злиться она не станет. Просто снова напомнит.

Но на сегодня работа здесь окончена. Мария побрела в тамбур, и дед увязался следом.

– Ты куды пошлапила?

Мария-Виорика вопрос пропустила, так как начала давать указания:

– Юрка придет с Настюшой-то, скажи, борщ на плите, а макаронки в холодильнике. И пусть доедят булки, я шо, зря пекла? Передай им, понял?

– А ты сама куда?

– Где тебя нет, старого, – огрызнулась Мария-Виорика. – На работу!

– А я чегой дома тогда?

– Потому что ты лентяй! Носки кинь в стирку, завтра постираю. Воняешь, аки кабан.

– Раз я кабан, то ты свинья, – решил дед и расхохотался.

Тут же Мария-Виорика дала ему оплеуху, но лишь чтобы скрыть свою скупую улыбку.

– Свинья и то будет полезнее тебя. Всё, хай, я пошла. Поесть вечером не забудь.

Она скупно чмокнула его в гладкую лысину и достала из кармана связку ключей.

– Хай, будет тебе, Виорик, – проворчал дед. – Возвратися-то скорее, скушно дома... Эй, и шарф, шарф-то накинь! Простудишься-то...

– Дэй паче! – прикрикнула Мария-Виорика и закрыла за собой дверь.

Выйдя на улицу, Мария пошла прочь, теряя и скупость, и вздорность, и грубость.

Она не видела, но знала, что на втором этаже старой пятиэтажки есть окно. А в том окне – грустное лицо старика. Это дед Михай машет своей Виорике и гадает, когда же она вернётся...

Когда октябрьские сумерки опускались на Кишинёв, Мария высаживалась на Ботанике и шла в сторону белых многоэтажек. Здесь, среди новостроек, Мария казалась себе особенно маленькой и смешной.

Она по привычке кивнула знакомому охраннику, прошла в огороженный двор, где было так аккуратно и чисто, где березы и ели росли ровными рядами, а под ногами лежала плитка. Боясь лишний раз вздохнуть, Мария прошмыгнула в белый подъезд, а потом – в зеркальный лифт. Он бесшумно поднял её на двадцатый этаж, и Мария остановилась перед красивой большой дверью. С трепетом и улыбкой она достала из кармана свои ключи.

Этот третий ключ был не слишком старым, но уже потёртым, выдавшим десятки рук – и задержавшийся лишь в руках Марии. На пластиковой насадке ключа виднелся крохотный скол, а если закрыть глаза... Можно было уловить тонкий кисло-сладкий запах яблок.

Этот ключ совсем не подходил ни этому новому дому, ни этой красивой двери, но он был таким, какой есть, и это оставалось просто принять.

Не успела Мария войти в квартиру и разуться, как мимо пролетела молодая женщина.

– Ну наконец-то! – прошипела она, утирая щёку от картофельного пюре. – Покормите его наконец! Он сегодня ведёт себя просто от-вра-ти-тель-но! И знаете, доamna Мария, у меня, вообще-то, и свои дети есть, так что постарайтесь больше не опаздывать!

Мария лишь молча улыбнулась. Она всегда приходила вовремя, но в этом доме... В этом доме она была особенно долгожданной.

Няня унеслась, не попрощавшись, и Мария заперла за ней дверь.

Она прошла в столовую, сделав вывод, что здесь только что прошелся картофельный ураган – но ни капли этому не удивившись. Зачинщик хаоса сидел за столом, рассматривая перемазанные пальцы и перевёрнутую миску.

– Ну здравствуй, чудушко, – улыбнулась она. – Как жизнь?

Медленно на широком лице Игоря проступила улыбка. Полужидкое картофельное пюре стекало по кофте и рукавам, собрав на столе приличное озерцо. Озерцо из картофельного пюре. Бамц! И Игорь поднял на озере цунами, вух-х!

– Маый!

Это означало «Мария». Наверное.

– И почему Оля говорит, что ты не ешь? – совсем не строго спросила Маый, сев напротив. – Ах да, она не понимает прелесть птичек...

– Тышка!

И Игорь, мыча, замахал руками. Прямо как птичка.

Руки у него были огромными, сильными, но даже они не могли бы его поднять в воздух. Как жаль... Игорь столько раз пытался.

Он многое понимал, и он многое мог бы сказать, да только никто не слушает. Он повторяет – снова и снова, опять и опять! – но няня раздражается, а мама говорит что-то своё. Мама любит говорить о своём, но Игорю это было не интересно. И он начинал говорить громче.

Почему! Ты! Не слушаешь!

Какой-то жар наполнял руки, и Игорь, крича, начинал бить по столу, скидывать вещи. Когда вещей не оставалось, он пытался сдвинуть стол. И если не удавалось, в груди разрасталась какая-то тяжесть, руки остывали и теряли все силы, а из глаз текла вода. Солёная какая-то. Тогда мама кричала ещё громче.

Зато Маый умела слушать. И говорила она то, что было очень, очень-сильно-важно.

– Ух, вот это да... Без помощи тебе не обойтись. Хочешь, я позову птичку? – спросила она в этот раз.

Если приглядеться, можно заметить, что рот Маый иногда изгибается в дуге, и обоими концами он тянется вверх. Это очень хорошая дуга, решил когда-то Игорь, и теперь почему-то при виде этой дуги всегда хочется её повторить. Какая забавная дуга! Как качели!

Игорь любил качели. Правда, когда он садился, они всегда ломались, и чужие тётки на улице очень кричали. Они всегда кричат. Игорь шмыгнул носом, сунул палец в рот, но расстроиться не успел.

Вот руки Маый соединились, вот они превратились в шар, и из шара вдруг проклюнулась птица. Она выпорхнула, склонила голову вбок, распушила пёрышки. Сначала она расправила одно крыло, потом другое, словно в дивном танце, и как же тяжело отвести от этого взгляд! Игорь забыл и про тётку, и про качели. Он мог думать теперь лишь о птичке.

И наконец птичка сказала:

– Ну привет, Игорь! Ты знаешь, где я была?

Игорь, конечно, знал. Хвастливая птичка любила рассказывать о своих путешествиях – о далёких краях, о синем-синем море, о лесах. И хоть Игорю не нравилось, что птичка может улететь, а он – нет, он не злился на неё, совсем не злился. Он любил слушать её истории.

К тому же после таких историй всегда так хотелось есть!

Раньше Мария приносила яблоки, потом чистила их и нарезала дольками. Игорь любил их, он даже знал, что это – «явака», что оно на вкус как солнце, а на вид как луна из книжек. И что оно хрустит под зубами, как под ногами снег,

и что «явака» шершавое для языка, и что если подождать, оно из белого станет жёлтым, а потом оранжевым, а потом коричневым и слишком мягким, и Маый не даст его съесть.

И, быть может, он ещё что-нибудь узнал бы об этой чудесной вещи – «явака», но однажды это увидела мама.

– Что вы делаете, Мария?! – зарычала она. – Он же может подавиться! Никаких яблок!

И у Игоря забрали яблоко. Вместо этого ему теперь давали яблочное пюре. Оно было, конечно, не очень, или, как сказала бы няня Оля, просто отвратительным.

– Отватыты!

– Правильно! – смеялась Мария, и Игорь смеялся с ней.

Когда он смеялся, он не замечал, каким ужасным было пюре, и с большим удовольствием съедал его, ложку за ложкой, из рук Марии. Иногда он начинал смеяться прямо когда ел, и пюре – выуть! – разлеталось во все стороны! Как целая! Куча! Птичек!

Вот счастье-то!

А ещё он любил бегать, и смеялся, когда бегал. Он любил носиться, размахивая руками и, наверное, представляя себя птичкой – маленькой и непослушной. Зачем вообще птичке кого-то слушаться?

И бегал он, надо сказать, отменно. Бум! Бум! Бум! – гремели его шаги, сотрясая всю квартиру. Иногда с полок падали книги, один раз даже упала дорогая ваза. Она разбилась на красивые осколки, и Игорёк долго сидел на полу, рассматривая их.

Он не знал, что вечером доamna Анна вычла стоимость вазы из жалованья Марии.

– И не позволяйте ему бегать, – сурово отчеканила она. – Игорь не знает, что творит. Он может удариться. Будьте с ним строже, Мария.

Впрочем, бегать интереснее, конечно, на улице. Если запрокинуть голову, вдохнуть полной грудью сиреневое небо, можно так разогнаться, что тут же добежишь до самого края света!

– Вот это да! Ты чемпион, Игорь! – радовалась Мария, и Игорь, смеясь, хлопал в ладоши.

Бах! Бах! Бах! Чем! Пи! Он!

Ему нравилось быть чемпионом.

Наверное, поэтому он постоянно убегал. Выведет его нянька во двор – и он как побежит! Вш-ш-шух! И весь мир позади! А няня кричит, няня ругается! И дворник за ним бежит! И охранник за ним бежит! И пусть! От них всех так легко убежать! Чем! Пи! Он!

Только от Марии он не убегал. Лишь отходил, но потом обязательно возвращался – и обязательно с подарком. Будь то листик с земли, или особо серый камень, или совершенно необычайная травинка. Маый любила его подарки и даже разрешала забирать назад.

С ней можно и петь, и рисовать, и болтать, вот только бегала и прыгала она не очень.

– Что поделаешь, Игорёк, – улыбалась она. – Я же уже старенькая. А ты прыгай за меня. Вот так! Оп! Оп!

И он прыгал. К солнцу, к солнцу! И смеялся. Потому что знал, что ещё немного, и он откусит от солнца кусочек, и будет оно на вкус как явака!

Мария знала: если бы всё было иначе, у Игоря были бы друзья, и он их очень бы любил. Но для кого-то Игорь был уже дядей, а для других – ещё ребёнком. Были и те, кто и вовсе не считал его человеком, кто отводил взгляд или обходил стороной, боясь приближаться.

Но Игорь этого не замечал, и жизнь, где есть явака, тышка и старая добрая Маый, казалась ему хорошим местом.

Он вообще много чего любил в этой жизни – кроме разве что зоопарков. Когда Игоря однажды повели в кишинёвский зоопарк, он там разрыдался.

– Он не любит животных, – поджав губы, сказала тогда доамна Анна.

Мария в тот раз ничего не ответила.

Мария знала – она знала, как никто другой, – как сильно Игорёк хотел убежать куда-то в поле, или к какой-то речке, или подальше в горы, где так много и листиков, и камней, и так тихо, и где так мало шумных людей, и где нет ни клеток, ни зоопарков, ни яблочных пюре.

Сегодня в душе Игоря царил покой. Весь вечер они слушали симфонический оркестр из магнитофона и лепили зверей из пластилина – раз-два, оп-оп! Игорек любил симфонии – они успокаивали его, и он качался взад-вперед, мыча что-то себе под нос. Зверей он тоже любил вообще-то. Иногда он отвлекался, чтобы промычать что-то Марии, а Мария отвечала ему, и скоро у них набралась армия пластилиновых комков.

Когда вернулись с работы доамна и домнул Истрати, Мария начала собираться домой.

– Ольга писала, что сегодня Игорь не ел, – сказала доамна Анна, проверяя холодильник. – Вы его накормили?

– Да, доамна.

– Он что-то сломал?

– Нет, доамна.

– Я смотрю, вы помыли посуду? Это не ваша работа. Пожалуйста, следите за Игорем.

– Все хорошо, доамна, он вздремнул, и я успела навести порядок. Он себя славно вёл.

Доамна снова оглядела столовую и наконец подошла к Игорю. Раскачиваясь в такт музыке, он её даже не заметил.

– Господи, что за мусор ты развёл, – тяжело вздохнула она и начала комкать всех его пластилиновых зверей.

Вот розовый лев вляпался в жёлтого бизона, а пятнистая зебра превратилась в грязный комок... Игорь, очнувшись от транса, закричал, и Мария сжала губы. Если бы она могла...

– Мария, можете идти, – с напором произнесла доамна Анна, отбирая у Игоря комки пластилина. – Ждём вас завтра, как обычно. Игорь, хватит! Успокойся!!

И Мария поплелась в коридор. Она обула калоши, накинула пальто, нащупала в кармане связку ключей, ласково звенящую в пальцах.

– Здравствуйте, – улыбнулась Мария, когда к ней вышел домнул Истрати.

Домнул Даниел поприветствовал её сдержанным кивком. Это был высокий, худощавый мужчина, и ни разу Мария не видела, чтобы он разговаривал с сыном или улыбался жене. Может, потому что у него был взгляд человека, уставшего говорить, уставшего улыбаться, уставшего жить эту жизнь. Всё, что он мог, – это кивать.

Но он всё-таки разлепил губы, чтобы произнести:

– Это на месяц вперёд, – и кивнул на конверт.

Благодаря каждому такому конверту Мария могла забыть и про ворчливого деда Михая, и про капризную доамну Анжелу, но ни разу такая мысль не посещала её.

Ей было сложно и почему-то стыдно принимать деньги от этих людей. Она была не способна объяснить, что это казалось предательством, и каждый раз она могла лишь боязливо отказываться от подобной щедрости. Нет, домнул, спасибо, не надо. Нет, домнул Даниел, вы слишком щедры. Мне хватает и за прошлый месяц... Право же, спасибо, спасибо...

Она и сейчас было открыла рот, но домнул окинул пустым взглядом её заштопанную юбку, старые калоши, прохудившееся пальто.

– Поверьте, они вам нужны, – сухо процедил он и ушёл в зал, откуда доносились ругань доамны Анны и мычание Игоря.

Это значило, что на сегодня работа Марии в этом доме закончена.

– До завтра, чудушко, – тихо попрощалась она и заперла за собой дверь.

Может, завтра разрешат вывести Игоря на прогулку, и он снова добежит до края света...

Мария вернулась домой поздно вечером. Шаркая по ступенькам, она медленно поднялась на третий этаж, медленно достала из кармана связку из четырёх ключей и неизменно медленно выбрала среди них самый маленький, самый невзрачный.

Мария отворила дверь, перешагнула порог, включила свет в коридоре. Заперла за собой дверь. Разувшись и сняв пальто, она помыла руки, не глядя в зеркало, а потом пошла на кухню, шаркая по полу.

Там она разогрела на закоптелой сковородке макароны. Мария была уверена, что приготовила их вчера, но макароны были слипшимися, тяжёлыми и затвердевшими, с жирными комками. Впрочем, Мария этого не заметила.

Она не заметила ни пресный вкус своего скудного ужина, ни плёнку холодного несвежего чая. Она уже долгое время не замечала ни душок плесени, пропитавший её однушку, ни запах ржавчины от своего ключа. Она не замечала, что под вздутыми, дурно наклеенными обоями иногда пробегают тараканы, а под ногами не первый год скрипят половицы.

Если бы у Марии был муж, сын или близкая подруга, они бы заметили это. Но на стенах не висело фоторамок, а в ящике стола не лежало ни одного фотоальбома.

В этой квартире не гудел телевизор и никогда не звонил телефон. Но зато сердце здесь успокаивалось, замедлялось, и лицо Марии обретало тот вид, которым его справедливо наделили года. В этих стенах Мария наконец дряхла.

Взгляд её наполнялся пустотой, тело теряло все силы – и обмякало в кресле, покорное тишине.

Если бы старая Мария вспомнила что-нибудь из своей жизни, она бы, наверное, расплакалась. Но, к своему счастью, она и не пыталась вспоминать. К чему это? У неё есть занятия поинтересней.

Так, каждый вечер, возвращаясь домой, Мария садилась у окна и смотрела на улицу. Её взор манили двери. Она смотрела на двери и думала о связке из четырёх ключей. Побystрее бы пришло завтра, думала старая Мария, и больше в её голове не было ничего иного.

Каждый день они звенят в её кармане, каждый день она перебирает их и рассматривает, ведь каждый выглядит по-особенному и пахнет по-особенному.

Это лишь четыре ключа, четыре обычных ключа, но никто не догадался бы, как сильно Мария ими дорожит.

Диана ФЕДОРОВИЧ, 23 года, прозаик, поэт, переводчик и книжный иллюстратор. Пишет на русском и английском языках в жанрах рассказа, стихотворения, микрорассказа, новеллы. Имеет филологическое, художественное и режиссёрское образование. Также увлекается изучением философии, истории и культуры, что помогает в писательской деятельности.

Состоит в литературных объединениях обоих берегов Днестра: Союзе писателей Приднестровья и Ассоциации русских писателей Республики Молдовы, а также в молодежном объединении Студия «Автор».

Рассказы Дианы Федорович на русском языке напечатаны более чем в двадцати антологиях. Является лауреатом и финалистом литературных конкурсов, международных премий, а также фестивалей для поэтов, прозаиков и переводчиков.

Победитель фестиваля «Взлётная полоса» (Кишинёв), фестиваля для переводчиков «Берега дружбы», участник Международного литературного фестиваля в Белоруссии (Минск, 2020), фестиваля «Филатов Фест» в (2020); победитель конкурсов «Литературная весна» в г. Дмитрове (2025, 2024, 2023, 2022 гг.), международных конкурсов рассказов «Рядом» (2019), «Пролёт Фантазии» (2019-2023 гг.), «Экология души» (2025), «Неизвестные миры» от издательства Росмэн (2022); премии «Алиса» в номинации «Лучший юный прозаик» (2020); лауреат всероссийской премии им. Маздорфа (2024); победитель конкурса «По тропам башкирского фэнтези» (2024); обладатель гран-при в конкурсе «Главная героиня» от издательства Альпина и Бель Летр (2026) и т. д.

ЛЮДМИЛА ЩЕБНЕВА

НАШ ПЕРВЫЙ КОВЁР

«Амург, амург»¹, – поёт тонким высоким голосом тетя Стефания в своей квартире за стеной. Я знаю, что сейчас она отпустит колесо своей швейной машинки «Зингер» и плавно взмахнёт кистью.

Отодвинет лёгким движением ворох ткани.

Тётя Стефания известная на все Корнешты портниха.

Её комната – таинственное царство.

Она разрешает поднимать волшебные лоскутки ткани, которые повсюду лежат на полу. Я помню, тоненькой полосочкой, голубенькой серебряной нитью я замотала небольшой кочан кукурузы.

Зажала его в руке.

Мы с папой шли тогда к маме в роддом. Она родила Валерика.

Мы шли через старый яблоневый сад. Жаркое июльское солнце пробивалось сквозь яблоневые листья.

В старых ящиках на земле лежали яблоки. Золотые, красные, зелёные.

«Амург, амург», – поёт тётя Стефания.

Это было послевоенное время.

Люди шили новые платья вопреки всему.

Она сшила маме платье с крыльями, крепдешиновое, палевое, с большой розой на груди. Роза пахла мамой.

Смеркается, мама скоро должна кормить грудью Валерика и отправляет меня гулять на улицу. Она поднимает воротник моего пальто и закутывает меня в папин шарф. Шарф колючий. Дышать трудно. Щёки ползут к глазам.

Я верчу головой. Мама легонько поглаживает меня по спине и подталкивает к двери: «Гуляй, только не ходи по хата́м!»

Вся земля в смёрзшихся грудках. Грудки – так бабушка называет комья земли. Уже ноябрь. Наш дом на холме. Мы живем в совхозе.

На соседнем холме село. Сейчас уже не видно домов.

Когда в домах зажгут свет, всё преобразится.

Я люблю смотреть на холм в это время. То тут, то там зажигаются огни в домах. Это керосиновые лампы, свет дрожит, колеблется.

Однажды зимой я увидела в окно, как ряд этих огней вдруг начал кружить.

Я окликнула маму. Она сказала: «Крестный ход».

Эти огни слились с огоньками в домах.

Когда мой сын повесит в изголовье фотографию нашей галактики, я сразу узнаю те огни на холме – это Корнешты.

Наш дом на самой вершине холма.

Лес совсем рядом. Всей кожей я чувствую его тёмную силу.

Мама рассказывала, что в сентябре соседка не нашла козу, что оставила пасть на поляне, – только цепочка.

¹ Amurg (амург) – сумерки.

Больше на этой поляне не будут препинать коз.
Я подхожу к сараю, вглядываюсь в щёлку.
Оттуда на меня смотрит блеском глаз наша коза Роза.
Мне кажется, я вижу её бусинки, что сверкают на шее, – две тяжёлые мягкие бусины. Роза переступает с ноги на ногу. Я слышу, как стучат о доски её копытца.
Кто-то кладёт мне руку на плечо. «Гуляешь, Милочка?» – это тётя Зина.
Я знаю, что мы сейчас пойдём к ней в гости.
Я люблю ходить в гости.
Каждый дом пахнет по-своему.
Дом тёти Зины пахнет яблоками.
Она агроном.
Работает вместе с папой.
Мне нравится, как тётя Зина ходит – чуть поднимается на носки и выпрямляет плечи.
Я вспоминаю, что мне тоже нравится так ходить.
Выпрямлять плечи и чуть подпрыгивать.
Тётя Зина открывает дверь, и мы входим в её дом.
Пахнет яблоками. Вот они тут, в коридоре, в ящиках, в длинных тонких стружках. Я наклоняюсь и втягиваю в себя этот сладкий запах лета.
Тётя Зина уже растопила печку, уже расставляет на столе посуду.
И рассказывает, как они встретили в лесу среди тёмных деревьев на поляне огромное старое дерево. «Ты понимаешь, – говорит тётя Зина, звякая ложками, – это настоящий «Мэр боереск»²!»
Она уходит в другую комнату, медленно вносит что-то на подносе.
Огромное яблоко светится золотом, сияет!
Я вскакиваю с лавки, мы обе склоняемся с ней над этим чудом.
Вечером я буду рассказывать папе с мамой эту историю, ходить по комнате, поднимая плечи и подпрыгивая, как тётя Зина, размахивать руками, тени от лампы будут метаться по стенам.
А потом я засыпаю. Вслушиваюсь в сонное дыхание папы, мамы и Валерика.
Чувствую, как в Кодрах, в сонных ложбинах между Корнештскими холмами, прорастают тяжёлые грузди, как голубое небо опускается цветущими пролесками на весенние поляны...
Сонно бормочет тарелка радио на стене: «Последние известия».
Я думаю, что же такое это слово – «известия».
Наверное, это известка...
Головой утыкаюсь в ковёр над моей кроватью.
Это первый в нашей семье ковёр из папиного солдатского одеяла.
Мама отвезла его в Кишинёв, и там его раскрасили масляной краской, совсем как солнечная поляна. А в правом углу звезда.
В полночь через станцию «Перевал» прошумит скорый поезд.

² Măr Boeresc (мэр боереск) – боярское яблоко (предположительно сорт-эндемик).

Людмила Владимировна ЩЕБНЕВА. Писатель, журналист. Член Союза писателей СССР и Союза писателей Молдовы.

Сорок семь лет проработала редактором русских программ на Государственном радио Молдовы. Редактор литературных программ и программы «Русский дом». Автор и организатор проекта «Международный радиофорум. Радио двадцать первого века».

Автор двух поэтических книг и двух книг публицистики.

Создатель и руководитель Международной общественной организации «Международный институт человеческих отношений». Создатель и руководитель международной галереи «Коридор». Создатель и руководитель международного кинофестиваля «VIȚA DE VIE – ЖИВАЯ ЛОЗА». Создатель и руководитель международного интернет-портала и издательства «HUMAN HOUSE». Создатель и редактор Международного интернет-журнала «Солнечная поляна». Создатель, редактор, ведущий радиопередачи «Пространство культуры».

Рассказы печатались в журнале «Кодры», интервью – в газете «Литератор».

Награждена дипломом Россотрудничества, Есенинским комитетом Центра русской культуры Молдовы Есенинской медалью, Союзом писателей России Золотой Пушкинской медалью за вклад в литературу.

40 лет катастрофе на ЧАЭС

СЕРГЕЙ СУЛИН

ЧЕРНОБЫЛЬСКИЙ РЕПОРТАЖ

В этом году 26 апреля мы отмечаем сороковую годовщину трагедии, случившейся на Чернобыльской атомной электростанции в 1986 году. Это самая масштабная из техногенных катастроф на планете. В ликвидации её последствий принимали участие около 600 000 человек со всего Советского Союза (1986–1990 гг.). Среди ликвидаторов из Молдавии был и я – 28-летний лейтенант запаса, работавший в то время архитектором в проектно-институте. Попал в Чернобыль ровно через год после аварии. Поскольку прошёл курсы дозиметриста, был направлен в качестве командира взвода в роту радиационной и химической разведки. В течение месяца замерял уровень радиации в «мёртвой» зоне (так чернобыльцы называют зону отчуждения), занимался дезактивацией станции. За это время официально получил 9,8 бэр облучения, которые навсегда изменили мою жизнь. Сколько на самом деле – одному Богу известно.

Начало моего пути и в изобразительном искусстве, и в литературе, безусловно, связано с этим драматическим событием. Так, в 1988 году с работами графической серии «Чернобыльский репортаж» я впервые попал на выставку Союза художников Молдавии (сейчас они в собрании Национального исторического музея РМ). В 1995 году показал на выставке претендентов в СХ РМ свою «Серебряную» серию – работы религиозно-философского характера, продолжившие мою чернобыльскую тему.

В 2014 году в Москве в издательстве «Художественная литература» вышел мой роман «S Золотой

Запись в военном билете о дозе полученной радиации. 1987

*Чернобыльская атомная электростанция.
Май, 1987*

рыбы», где несколько глав посвящены пребыванию в зоне.

Вышло так, что я оказался единственным ликвидатором среди членов СХ Молдовы и единственным художником среди Чернобыльцев, поэтому тему катастрофы никак не мог обойти.

К этому периоду своего творчества я, конечно, отношу работу над проектом «Мемориального комплекса ликвидаторам последствий аварии на ЧАЭС» для республиканского конкурса (5 вариантов памятника и два – церкви, 2001), проект медали к 30-й годовщине аварии и дюжину персональных выставок, состоявшихся по просьбе ОА «Союз Чернобыль Молдовы» в Центральном Доме Армии и приуроченных к скорбной дате.

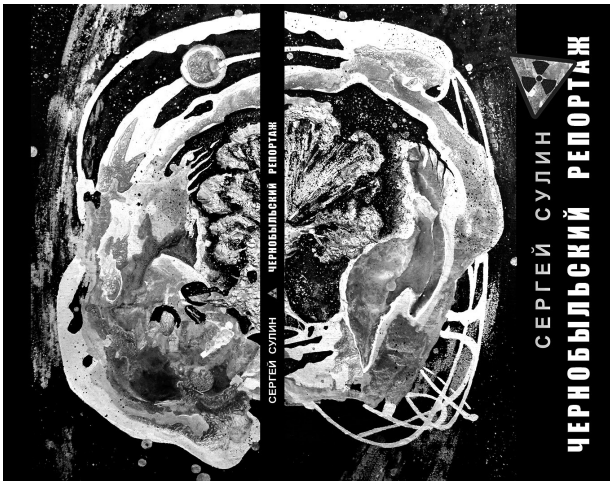
При любом подходящем случае делился воспоминаниями с журналистами о своём пребывании в «мёртвой» зоне, о событиях, которым сам был свидетелем. Это помогало хоть как-то противостоять тому потоку дезинформации о чернобыльской трагедии, которая бурным потоком распространялась в республике.

В это же время я начал делать первые наброски к своему автобиографическому роману. И хотя в аннотации к нему значится: *«Это книга не о судьбе русского, родившегося в Молдавии, не о Чернобыльской катастрофе и её ликвидаторах, не о становлении художника в эпоху недоразвитого капитализма и не о происках потусторонних сил, хотя всё это в романе присутствует. Эта книга о любви и творчестве. О творчестве любви»*, – две главы я всё же посвятил своим «радиоактивным» приключениям. Как говорится, слов из песни не выкинешь.

Работа над рукописью всколыхнула воспоминания, и я решил, что было бы неплохо создать чернобыльский альбом с графикой и эксклюзивными фотографиями, сделанными мной нелегально в зоне аварии. В конечном результате в альбом вошли ещё и несколько глав из романа, собранные в небольшую повесть под названием «Побег из зоны» (по мотивам которой впоследствии я написал две пьесы), дневниковые записи, сведения о моих творческом пути и общественной деятельности, работы учеников, посвящённые трагедии, а также материалы республиканской прессы.

Проекты памятника и церкви, представленные на республиканский конкурс.

Обложка альбома «Чернобыльский репортаж». 2017

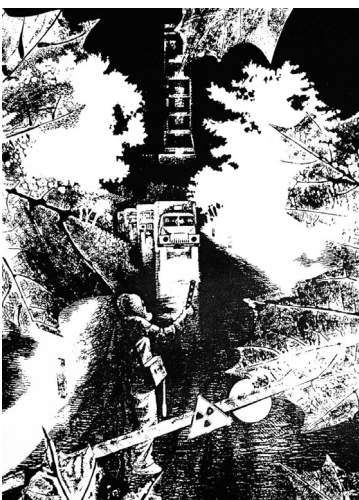
Молитва. Серия: «Материнское поле». Графика. 1988

К этому времени чернобыльская тема перестала доминировать в моём изобразительном творчестве, я перешёл на пейзажи родной прекрасной Молдовы и портреты дорогих мне людей. В противовес графической «чернухе» в альбоме появились цветные репродукции этих живописных работ.

Альбом был издан в 2017 году Министерством культуры РМ вместе с десятком книг русскоязычных авторов. К сожалению, эта практика сейчас отменена.

Я позволю себе привести несколько небольших отрывков из романа «S Золотой рыбы», бережно перенесённых в него из моего чернобыльского блокнота, по которым можно судить о произошедшей здесь 40 лет назад катастрофе.

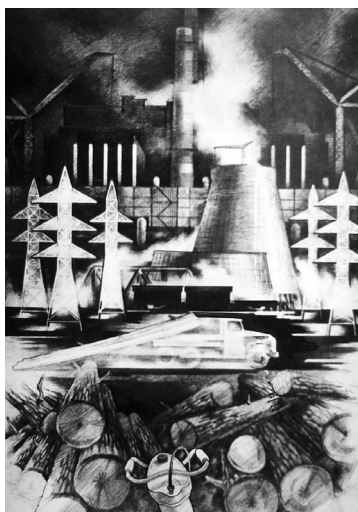
«Было раннее утро. По широкому плацу перед казармами под нервные команды прапора зелёными муравьями деловито сновали солдаты, таская в столовую тяжёлые ящики с продуктами и баки с питьевой водой. Ревя моторами, с территории части то и дело отъезжали крытые брезентом армейские грузовики, увозя личный состав и какие-то грузы на атомную станцию и другие объекты чернобыльской зоны, поражённой радиацией...

Серия: «Чернобыльский репортаж». Графика. 1988

Наскоро сверившись с картой, я наконец вывел наш выдавший виды ГАЗик на маршрут. Мы помчались по мокрому, блестящему, как антрацит, шоссе, в очередной раз омытому поливочными машинами от налёта зараженной пыли. Вдоль всей трассы стояли щиты с изображением зловещего знака радиации и предостерегающей надписью: «Остановка на обочине запрещена, опасно для жизни!». На придорожных кустах в несметном количестве болтались использованные «лепестки» – разовые респираторы, иногда в шутку связанные парами и оттого похожие на белые лифчики...

Сама электростанция занимала огромное пространство. Её энергоблоки доминировали в промышленном пейзаже района. Архитектурный тандем третьего и четвёртого среди рядового состава именовался «коровой», по-видимому, из-за своей кажущейся несуразности. Это гигантское сооружение из железобетона, со стороны взбесившегося реактора закованное в тяжёлую противорадиационную броню, по грандиозности можно было сравнить разве что с пирамидой Хеопса...

Серия: «Чернобыльский репортаж». Графика. 1988

В зоне всегда было место и для глупости, и для подлости, и для подвига. Встречал я и храбрых солдатиков, безмятежно загорающих на пляже у Припяти при повышенном излучении; и перестраховщиков, приказавших отобрать у личного состава индивидуальные накопители, когда те показали «не те» цифры; и «партизан», покорно ждущих своей очереди попасть на развороченную атомным взрывом крышу реактора.

Я внимательно всматривался в пролетающий мимо машины безлюдный пейзаж, стараясь запомнить, а по возможности и зарисовать в блокнот всё, что мне казалось интересным и необычным...

Дальнейший наш путь пролегал через несколько глухих деревень, затаившихся в путанице перелесков и многочисленных ручьёв. Всюду были видны последствия пришедшей сюда беды: жухлые листья на деревьях, местами чёрная трава, покосившиеся кресты на оставленных без присмотра могилах. Показания дозиметра не радовали...

Серия: «Богоматерь». Монотипия. 2000

В этих краях люди и прежде жили бедно: дома и сараи из самана, ветхие заборы, непроходимые после дождя улицы, а теперь ещё и разбросанные во время поспешной эвакуации вещи, ободранные соломенные крыши и заколоченные окна. Я так и не смог к этому привыкнуть за время своих визитов в зону, и всякий раз, когда мой взгляд случайно натыкался на вдавленную в колею книгу или детскую игрушку, почти физически чувствовал удар под дых.

Иногда у меня возникало ощущение нереальности происходящего: казалось, что здесь не поют птицы, не пахнут цветы и даже не колышутся листья. Всё вокруг выглядело нелепой декорацией к плохому спектаклю...»

На выставке «Под пряным солнцем Кишинёва». 2018.

В 2018 году в Агентстве межэтнических отношений состоялось открытие моей персональной выставки «Под пряным солнцем Кишинёва», на которой был представлен в том числе и альбом «Чернобыльский репортаж». Среди многих дорогих мне гостей был мэтр изобразительного искусства Молдовы, член СХ РМ Алексей Афанасьевич Колыбняк, которого я считаю своим учителем. Он сказал очень важные для меня слова: *«Идеи и темы, которые волнуют Сергея Сулина*

как художника и как гражданина – это драматизм и трагизм человеческого существования вообще, потому что судьбой было предназначено этому человеку быть участником и свидетелем той техногенной катастрофы, которая потрясла весь цивилизованный мир. И, разумеется, это событие оставило огромный след в его душе и его сознании, и с тех пор Сергей отражает это в своих творческих исканиях и тех свершениях, которые он реализует. Это, прежде всего, живопись. Я особо акцентировал бы его живописный дар.

Выезд на дежурство. 1987

Сулин призывает нас к добру и к бдительности именно посредством художественного языка, а это очень важно, потому что на других языках говорит уже политика, философия, история и т.д. Он подлинный художник, и я это утверждаю однозначно, поскольку я понимаю в этом деле кое-что и могу поручиться за свои слова. Поэтому я приветствую своего коллегу, поздравляю с сегодняшней выставкой и, прежде всего, желаю ему быть здоровым, потому что для него это первостепенная задача, учитывая те изгибы судьбы, которые ему пришлось преодолевать, чтобы действительно выжить. А как художник он состоялся – и слава Богу».

В ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС принимали участие 3550 жителей нашей республики. Из них уже нет в живых более трети. Около 95% выживших ликвидаторов стали инвалидами.

В связи с международным положением о ядерном взрыве на станции сейчас вспоминают чаще, чем это было в предыдущие годы. Если бы тему равнодушно не замалчивали, то, наверное, теперь никому бы и в голову не пришло даже предполагать военный конфликт с применением ядерного оружия.

«Ангел Чернобыля».

Лиза Сулина. Компьютерная графика. 2009.

Сергей СУЛИН. Художник, прозаик. Родился в 1959 году в Кишинёве. Окончил архитектурный факультет КПИ. В составе Студенческого строительного отряда работал на БАМе (1981, 1982).

В качестве командира взвода радиационно-химической разведки, участвовал в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС (1987).

Возглавляет созданное по его инициативе Товарищество русских художников Молдовы «М-АРТ» (с 2004).

Автор романа «S Золотой рыбы» («Художественная литература». Москва, 2014); автор идеи и составитель Каталога-справочника «Русская ветвь изобразительного древа Молдовы» (изд. в С.-Петербурге при поддержке правительства города в 2013 году) и альбома «Чернобыльский репортаж». Автор графических листов к поэтическому альбому «Под пряным солнцем Кишинёва» (изд. Министерством культуры РМ в 2017 году).

Член СХ Молдовы, Союза Российских Писателей, Ассоциации русских писателей РМ. Мастер искусства РМ. Преподает в школе искусств им. А. Стырчи.

Casa mare

ГОСТЬ НОМЕРА

ОЛЬГА БЕЛОВА-ДАЛИНА

ОНА РАВНА СВОИМ СТИХАМ

Я делаю переводы её стихов. Каждый новый посылаю по электронной почте. В ответ – уже привычное: «ты опять меня порадовала».

В последнем нашем с ней телефонном разговоре попросила: «Будь моей дочерью, моей поэтической дочерью».

«Буду», – ответила я...

Пытаюсь убедить себя, что она по-прежнему моя поэтическая мама. Просто теперь ещё больше, чем прежде, она равна своим стихам, как однажды я буду равна своим и переводам тех, что написала она. Пройдёт время, и я научусь понимать пустоту, которая образовалась вокруг и внутри меня, и пустота перестанет звенеть...

В ноябре прошлого года мы простились с Яной Штробловой¹, выдающимся чешским поэтом, публицистом, автором книг для детей и молодёжи. Для нас, носителей русского языка, наверное, самым важным в её творчестве стало то, что её голосом «заговорила» по-чешски Марина Цветаева, стихи которой составляют основу переводческой деятельности Яны Штробловой.

Вот что пишет Яна Штроблова в подводке к первой публикации подборки переводов («Русское слово», 2019):

«С Ольгой Беловой-Далиной мы познакомились на открытии памятной экспозиции, посвящённой Марине Цветаевой, при библиотеке во Вшенорах. Это маленькое, но достойное помещение раздобыла для Цветаевой Галина Ванечкова, которая много лет назад, задолго до того, как творчество великой русской иммигрантки приобрело широкую известность, привела меня к переводам её стихов. <...> То, что Галина тогда, сама того не ведая, предопределила мою встречу с Ольгой Беловой, будущей переводчицей моей собственной поэзии, считаю странным и счастливым стечением обстоятельств.

¹Яна Штроблова (1.7.1936 – 9.11.2025) – чешский поэт, прозаик, эссеист, переводчик с русского и других языков, член президиума чешского PEN-клуба и Европейской академии поэзии (European Academy of Poetry), автор многочисленных публикаций, в том числе 19-ти поэтических сборников. После окончания в 1959 году факультета искусств Карлова университета работала в Государственном детском книжном издательстве (с 1969 года «Альбатрос»), была редактором литературного вещания Чехословацкого (а затем и Чешского) радио, с 1994 года сотрудничала с пражским отделением радио «Свободная Европа». За свою поэтическую деятельность она получила премию Яна Смерка в Братиславе и премию Франтишека Грубина в Праге, премию чешского PEN-клуба «Vlastní cestou» («Своим путём»), удостоена звания почётного академика Европейской академии поэзии.

Сначала Ольга попросила меня только дать интервью, во время работы над которым мы почувствовали расположение друг к другу, но тогда я не догадывалась, что наше общение перерастёт в сотрудничество на более высоком уровне.

Первый же перевод меня потряс. «Снежная сказка». И в русском переводе в ней было точно такое же беспокойное напряжение, какого я хотела достичь и в чешской версии. Напряжение очень важно для стихотворного текста. Часто его вызывают рифмы, которые нельзя проигнорировать с лёгким сердцем. Если, конечно, это не банальные рифмы только рифмы ради. Бывают несущие значение, значение творящие рифмы, которые открывают в стихотворении новые пространства, иногда даже некие тринадцатые комнаты. И только посмотрите: в её переводах всё это есть!

Впоследствии я поняла, почему эти переводы так хороши: я познакомилась с её собственными стихами, наиболее значительными из которых являются сонеты – венок сонетов, достойное восхищения произведение, создание которого требует не только «присутствия» музыки, но и знание ремесла, о котором говорила Цветаева.

Ольга Белова-Далина умеет распознать, что в том или ином стихотворении важно, а чем можно пожертвовать, пусть и с сожалением. Умеет воспользоваться свободой, так необходимой при переводе стихотворных текстов».

Но прежде, чем появится этот невероятно приятный для меня отклик, было упомянутое Яной Штробловой интервью, которое я хочу предложить вашему вниманию в сокращённой версии.

Вот оно.

– Какое стихотворение было вашей первой попыткой поэтического перевода на русский язык? Было ли оно написано Мариной Цветаевой?

– Это был «Буревестник» Горького. Тот перевод убедил меня сделать преподаватель русского языка в гимназии, который знал, что я пишу стихи. Он потом сравнил мой перевод с переводом Матезиуса. И, к моему удивлению, я выдержала испытание. Это пробудило во мне интерес к поэтическому переводу.

– Почему вы стали переводить именно Цветаеву?

– В первой половине 60-х лет прошлого века ко мне обратился Ладислав Фикар, поэт, в то время редактор издательства «Чехословацкий писатель». Он сказал мне, что переводит стихотворение русской поэтессы Марины Цветаевой «Попытка ревности», но что его должна была бы переводить я, потому что я на неё очень похожа, что касается поэтики и чувственности. Я запомнила наш разговор, хотела почитать её стихи, как можно скорее, и <...> забыла об этом. Но в один прекрасный день ко мне пришла Галина Ванечкова, поклонница и знаток творчества Цветаевой, якобы по рекомендации Владимира Йустла, директора известного литературного кафе «Виола», который тоже указывал на упомянутую близость нашей поэтики. Галина мне передала Маринин сборник «Вёрсты». Помню, как в первую нашу встречу она замечательно читала по-русски стихи из этого сборника, и что Цветаева сразу стала моей привязанностью, моим «приговором», на всю жизнь.

– *Считаете ли вы, что женскую поэзию должна переводить женщина, мужскую – мужчина? Делите ли вы вообще поэзию на мужскую и женскую?*

– Я не думаю, что женскую поэзию не мог бы перевести мужчина и наоборот. Но предпочитаю делить поэзию на хорошую и плохую. В плохой поэзии мужчина может быть более сентиментальным, чем женщина, а женщина более брутальной, чем мужчина. Впрочем, Цветаева настойчиво пользовалась термином «поэт», не признавая слово «поэтесса». И всё-таки некоторые различия есть, грамматические либо тематические: мужчина, например, не может выразить материнские чувства.

– *В сентябре этого года в Праге Русский творческий союз совместно с Союзом русскоязычных писателей в ЧР провёл «круглый стол» по проблемам перевода произведений современной русской литературы на европейские языки. <...> Участники «круглого стола» отмечали, что современную русскую поэзию переводчики не жалуют. Не является ли этот факт следствием того, что русские (чтобы быть точной, скажу «русскоязычные») поэты продолжают следовать русской поэтической традиции с её упорядоченным ритмом и стремлением к точной рифме?*

– Русские в этом смысле не одиноки. И у нас в Чехии, точно так же, как и в других славянских странах, поэты, которые пишут метрическим стихом, сознательно отказываются от мировой известности. В наше ускоренное время мало кто хотел бы заниматься формой, тем более в западных языках, для которых не характерны метрический стих и рифма. Да и сами русские поэты не стремятся навстречу своим коллегам из других стран, если перевод им кажется более трудоёмким, чем обычно. Я перевела не только несколько подборок стихов Марины Цветаевой, но также подборки Новеллы Матвеевой, Елены Шварц, венки сонетов Инны Лиснянской, переводила русскую народную поэзию, в то время как в России меня, невзирая на мои международные награды, никто не переводил.

<...>

– *Бытует мнение, что переводчик поэтических текстов должен быть дважды поэтом. Согласны ли вы с этим утверждением?*

– Да. Наверное, да.

– *Совершенно очевидно, что «точный» перевод поэтического текста невозможен в силу объективных причин. Приходится жертвовать, главным образом, музыкой стиха или точным содержанием. Считаете ли вы, что вольный перевод имеет право на существование? И можно ли рифмованные, метрически организованные стихи переводить, например, с помощью верлибра, вольного или белого стиха, принося в жертву ритм и рифму?*

– Для меня форма неотделима от стихотворения. Снимать со стихотворения форму, как платье, недопустимо. Рифмы в стихах держат напряжение. Переводчик должен понять, какая из рифм несёт значение, и подчиниться этому. И ритм – это неотъемлемая часть стихотворения. На самом деле ничем нельзя пожертвовать, за исключением дословности. Словацкий поэт Любомир Фельдек, с которым мы перевели друг друга, метко выразился на этот счёт: «Перевод должен быть вольным, чтобы он мог быть точным».

– И, возвращаясь к Марине Цветаевой, на встрече во Вишенорах, посвящённой 125-летию поэта, вы рассказали об удивительном случае, связанном с переводом стихов Марины Ивановны. Не могли бы Вы поделиться своими воспоминаниями с нашими читателями?

– Было 18 января 1965 года, и я лежала в родильном зале. В то время я лишь начинала переводить стихи ранней Цветаевой, пока ещё только на пробу, и некоторые из стихотворений я иногда перебирала в голове, чтобы «перевести дыхание». Я старалась забыть о родовых схватках, твердя про себя отдельные, вырванные из контекста строки, пока я вдруг не поняла, что одно из стихотворений уложено в моей голове целиком, и что я его <...> уже перевела <...>. И потому, что сразу вслед за тем родился мой сын, и потому, что стихотворение было о том, как по мёрзлой снежной дороге поэтесса ведёт за руку ребёнка, удивляясь, что он у неё есть, всё это вместе действительно показалось мне чудом.

– И последний вопрос. Каковы, по-вашему, три основных качества профессионального переводчика?

– Вчувствование, настроенность на ту же волну, мастерство.

Это интервью я взяла у Яны Штробловой в 2017 году для «Пражского Парнаса», альманаха Союза русскоязычных писателей в ЧР (его возглавлял Сергей Левицкий). Оно и стало началом нашей с пани Яной творческой дружбы.

Как только номер «Пражского Парнаса», где было интервью опубликовано, вышел в печать, я передала его пани Яне, которая, пролистав альманах, писала мне: «<...> Я с интересом пролиستала весь альманах <...> А ваши стихи не только меня тронули, но и восхитили. Испытываю что-то вроде белой зависти».

Я тоже перечитывала интервью. Неоднократно. Но чаще других строк возвращалась к этим: «Я перевела не только несколько подборок стихов Марины Цветаевой, но также подборки Новеллы Матвеевой, Елены Шварц <...> в то время как в России меня, невзирая на мои международные награды, никто не переводил».

В словах пани Штробловой я почувствовала обиду. Действительно, почему не переводят на русский язык Яну Штроблову? Это несправедливо и по отношению к русскоязычным любителям поэзии, – подумала я... и перевела «Снежную сказку». Вот что пани Штроблова написала мне в реакции на первый мой перевод: «Вы совершенно безупречно перевели моё стихотворение о снеге – я просто в восторге от перевода, и хотя пока не сравнивала его с оригиналом слово в слово, думаю, что придраться не к чему». И потом: «... я снова очень внимательно прочитала перевод «Сказки о снеге», и мне он кажется абсолютно совершенным, нет ни малейшего отклонения в содержании, ни единой ошибки в ритме. В этом виден не только переводческий опыт, но прежде всего тонкое чувство поэзии... Вы, по-видимому, во Вишенорах встретили дух Марины Цветаевой, которая теперь через вас вознаграждает меня за мои переводы. Переводите действительно с эмпатией (и с освоенным ремеслом)».

Столь лестный отклик автора оригинала, поэта к которому я относилась и всегда, разумеется, буду относиться с огромным пиететом, просто не мог меня

не вдохновить на продолжение работы над переводами поэзии Яны Штробловой. Были переведены стихи из сборников «Děravý testament» («Дырявые заповеди»), «Nepokoj» («Тревога»), «Neviditelné obrazy» («Невидимые картины»), «Letokruhy» («Годичные кольца»).

В 2019 году в пражском «Русском слове» вышла первая подборка стихов Яны Штробловой в моих переводах. Несколько месяцев спустя переводы были опубликованы в калининградских «Берегах». Пролистав публикации, Яна писала мне: *«Теперь, когда вижу эти стихи вместе... могу в полной мере осознать, какая ты замечательная переводчица»*. К тому времени мы уже перешли на «ты», стали чаще общаться. Я подарила Яне одну из своих книг, прочитав которую, она напишет: *«Неторопливо глядяваясь в твои стихи... я чувствую нашу похожесть: в несентиментальном нащупывании острых граней – в описании ли природы или в строках о любви. Нас сближает не только перевод»*.

Несмотря на высокий, как принято говорить в Чехии, возраст и ухудшившееся здоровье Яна Штроблова много работает. В 2019 году в свет выходит её программный труд – поэма «Do nikam» («В никуда») ², которую автор называет «двусмысленной, тёмной». *«Она... для меня самой стала удивительно пророческой»*, – писала Яна в одном из своих сообщений, которыми мы периодически обменивались.

Премьера поэмы в художественной декламации Радки Фидлеровой и музыкальном сопровождении Альфреда Хаберманна (орган) состоялась 12 ноября 2021 года в храме Святого Сальвадора в центре Праги. Я, заранее получив приглашение на премьеру, в храм вбежала с первыми звуками органа (заплутала в Праге). Свободных мест почти не было.

Находясь под впечатлением от премьеры, я тогда писала Яне: *«...Мне казалось, что лишь пара десятков чудаков знают о существовании поэзии. Приятно, что я ошибалась. Но это не просто проявление интереса к поэзии, а, прежде всего, к твоим стихам. Ты – лучшее, что есть в современной чешской поэзии. Возможно, однажды наберусь дерзости и переведу поэму»*.

В ответ я получила следующее: *«Там были не только поэты, пришли и музыканты, и друзья. Но навряд ли там было много таких, что воспринимают поэзию, как ты. И поверь, что ты такое же «лучшее». Но, к сожалению, сегодня люди не умеют различить, что есть ценное, а что пустое, что хорошо, а что плохо. Я очень рада, что мы нашли друг друга. Дерзостью бы это (перевод поэмы – прим. автора) не было, была бы работа, возможно, на годы... Но кто, если не ты?»*

Кто, если не ты? Эти слова стали для меня «приговором»: через несколько месяцев, в апреле двадцать второго, я нашла в себе столь необходимую дерзость и приступила к переводам поэмы «В никуда». Перевод сокращённой журнальной версии был закончен примерно в декабре того же года, а первая публикация состоялась в январе 2024-го в журнале «Интерпоэзия».

Впоследствии пани Яна напишет мне: *«Твой перевод (поэмы – прим. автора) – поток света, хотя в этой истории столько тьмы»*. И ещё: *«... я дала прочесть*

² Поэма «В никуда» была опубликована издательством Theatrum mundi, проиллюстрировал книгу Войтех Кеменный.

твой перевод Вацлаву Данеку³. Он в восторге так же, как и я. Говорит, что это исключительное событие, когда автор и переводчик так совпадают...»

А это последний комментарий Яны Штробловой к моим переводам: *«Твой перевод, как всегда, восхитителен, я ощущаю его как очень драматичный. Так я представляю себе и нашу с тобой поэзию. Это (видимо, драматическая подача – прим. автора) вероятно, подошло бы для нашей совместной лирической драмы. Так я её себе и представляю, и, скорее всего, ты бы представляла её так же».*

Вот этот перевод:

Пейзаж

(из книги «Годовые кольца»)

На первой из вершин органная
звучала fuga.
Там воронные воронов арканили,
впрягали цугом.

Вторая задышалась в пламени.
Дымился вереск...
У третьей в мареве расплавилась
душа, что верит.

Радужный край... Знобит четвёртую
по самый камень,
по глину, в пух и прах истёртую
под ветряками.

На пятой море крови вылито,
где сумрак падал...
И испугался ты впервые там
гор эннеады⁴.
Поздно.
Бог руно накинуд на горные вершины.

Мы действительно «совпадали». Нет – совпадаем. Просто теперь ещё больше, чем прежде, Яна Штроблова равна своим стихам...

³ **Вацлав Данек** (9.7.1929 – 25.10.2025) – чешский журналист, драматург, поэт, переводчик, автор восьми поэтических книг. Переводил произведения Александра Блока, Осипа Мандельштама, Иосифа Бродского, Даниила Хармса, Сергея Есенина, Андрея Вознесенского, Арсения Тарковского, Беллы Ахмадулиной, Булата Окуджавы, с которым дружил, и других.

Редактор поэтических антологий, член чешского PEN-клуба, участник многочисленных профессиональных сообществ. С 1954 по 1994 год работал редактором на Чешском радио.

⁴ Эннеада (чеш. devatero — «девятка») — гелиопольский пантеон, девять главных богов в Древнем Египте, пятеро из которых (Амон, Шу, Тefнуд, Геб и Нут) участвовали в сотворении мира.

Яна ШТРОБЛОВА**Снежная сказка**

– Рассказывай...

– Глаза слепит
снег, руки жжёт морозом.
А он, чудак, один в степи:
Идёт за зимней розой.

На лепестках синее тьма.
До новолунья снегом
её укроет, аромат
исчез, как будто не был.

Сомкнула веки, будто спит –
шипы густы, как брови.
Узнать бы, что её томит:
любовь ли, жажда ль крови.

– Хочу бутонами краснеть,
иди ко мне, отважный!
(...Не плачь по нём.

Всё – сон во сне –
в моей стране бумажной.

Трясём страну, легонько, днём –
надеждами и сплином.
Однажды бодро пропадём
под неподдельной глиной).

Лёд

Согрей дыханьем дни промозглые.
Под строгим взглядом Боговым
речушка подо льдом, под воском ли.
И лебеди –
сугробами.

Меня согрей, держи под локоть, три
ладонь кругами нежными.
Тревожно, холод – до костей. Смотри:
там птицы
белоснежные!

Я знаю, лебеди накликали:
себе – забаву и жильё,
а мне – мою горячку скрытую.
Где птицы вместе,
тает лёд.

Румянец

Розовый куст, глянь, кровью налился,
ветер качает могучий орех,
яблоня рядом – плоды среди листьев
знают, каков он – грех.

Лето рождалось, в тайне румянец
вызрел... О как было зелено нам!
Короток дочери Ирода танец,
краток был твой обман.

Поберегись ножа гильотины
памяти – ты позабудешь меня
скоро ль? Не бойся, мы оба повинны.
Не Саломея я.

Через край

пейзаж не ограничить рамой стеблем и листком – шалфей
а стихотворный образ – звуком
иерихонской розы существо её самой живей
и чьим бы тело не было в нём тесно станет духу
уже короче стали дни безлунны ночи
и рады мы дарам или подачкам Божьим
и вдруг как весть благая будто музыка пророчеств
сквозь щели в темноте о т т у д а глас: «К вам можно?»

Танец

Взлетели птицы провод всё дрожит
так песня лета отступает с боем
но флейта вдруг расплакалась навзрыд
и спотыкаются гобои

На иглах танец не смотри лишь слушай
земля танцуя нажила мозоль
не догадаться ей – июлем заложило уши –
что если раны есть для них всегда найдётся соль.

Горы

Пастушок там вместо трости флейту Пана взял в поля
лето там орлам подобно
 что над скалами парят
там утёсы не желают знать что время губит их
В рай не верим только вот он видишь кущи для двоих

Кто мне дорог – с теми видно схож ты статью и лицом
и меня наверно выбрал
вовсе неслучайно
там где голову дурманит запах иван-чая
высказать всё можно было лишь в тот час на месте том

Часы

Вдвоём у солнечных часов
 а что ещё нам надо?
когда сочится как вино сквозь ветви яркий свет
и гаснет ненадолго зной в тени густого сада
там одуванчиков пыльца всё красит в жёлтый цвет

как бледен ты лицо твоё – икона в золочёной раме
прервать отважься милый часовщик
течение времени
 (но прежде, чем случиться чуду, ранит
предвиденье что до полудня
 краткий остаётся миг)

как синий понедельник

мы поклялись быть вместе
до гробовой доски
так улетим как дети
как синий день тоски
метнёмся беззаботно
в открытое окно
теперь когда нас нет оно
всегда закрыто плотно
скажи куда мы делись?

кому завещаешь свои облака

гул как будто в улье
так проходит жизнь твоя
нет уже свободной воли
разве что последняя

А кому теперь оставишь облака над островами
горные хребты что вряд ли тишину прервут словами
а луну что перепрыгнет дом и башню разом
так что светом озарятся и душа и разум

тайные свои дорожки скрытые палаты
где нежданно столкнулись ты и он когда-то
сдашь кому свои владенья опыты-привычки
замки из песка морского и слова в кавычках
те что знают о подводных скалах завещанья
и оплачут все овраги, склоны, валуны

А кому отдашь своё запотусторонье

А кому откажешь ты будущие сны

но время затоптало

Иду с опаской – вдох и выдох
боюсь что преградит мне выход
тьма чёрною ордою (Пли!..)
Меня карга щадит пока что
Лишь только годы обожгли
знакомцев в башмаках бумажных
отводят и босых к меже?

Тебя не встречу там уже

Бессонница

Приветствую бессонность, и да будет
светло! Хвостом комета мрак сметает
из чёрных дыр, котомок и углов.
Мой лунатизм твоих коснулся снов,
а отклик твой координатой тайной
в краю моих бессонниц блудит:

коль скоро чёрен день, а ночь бела, блажен
 путь млечный (бледный призрак абатиссы),
 а горизонт разорван на куски,
 здесь птица что-то шепчет – по-людски?,
 и звуки всё протяжнее, всё тише,
 и бездна явственно слышна уже.

Когда пристанет последний остров

Когда провозгласит ловкач-газетчик,
 прибытие в наш порт последнего атолла,
 из чар атолловых сплетём тугие сети
 стихов и тотчас в них поймает карпа золотого,

придут другие: выросшую мачту срубят,
 катком сровняют о́строва лесные тропы,
 зелёный парус оборвут движеньем грубым:
 не помышлялось впредь об океанах чтобы,

на берег снимут тонконогую жирафу,
 поставят перед пальмой, сдуют вчетверо кита,
 брусчатку, словно в Праге, выложат у трапа...

Тогда
 и мы с тобой
 найдёмся
 там?..

Ольга БЕЛОВА-ДАЛИНА (Москва – Прага). Преподаватель английского и чешского языков, поэт, переводчик. Выпускница Карлова университета в Праге по специальности «Английский язык и литература».

Автор-составитель сборника «История искусств. Краткий курс лекций для средних школ», автор семи поэтических книг.

Среди публикаций также статьи по педагогике и психологии искусства, подборки стихов, рассказы, театральные пьесы, сказки, поэтические переводы с чешского языка в литературно-художественных и научных изданиях России, Бельгии, Германии, США, Чехии, Финляндии. Переведена на чешский язык.

С 2016 по 2019 гг. была главным редактором альманаха «Пражский Парнас» Союза русскоязычных писателей в Чехии. С 2019 – главный редактор альманаха «Влтава», в 2022 году прекратившего свою деятельность.

В 2022 году дебютировала как автор одноактной пьесы «По-жизненная рента», поставленной в «Театре одного поэта» Олега Овчарова в Праге.

Победитель и призёр литературных конкурсов в номинациях Поэзия, Сонет, и Поэтический перевод. Дипломант международного литературного конкурса им. святителя Макария, митрополита Алтайского.

ОЛЬГА СОКОЛОВА

ГРИГОРИОПОЛЬ – РОДНОЙ ДОМ

...Я снова в строю, и снова пишу о том, что мне дорого. Мой город родной назван в честь двух выдающихся личностей: Святого Григория Просветителя, с чьим именем связано принятие христианства в Армении в IV веке, и Григория Потёмкина-Таврического, который сыграл главную роль в появлении армянского города на Днестре. Его торжественная закладка состоялась 25 июля 1792 года. При огромном стечении армян – переселенцев и гостей, приглашённых из-за границы, – Архиепископ Иосиф Аргутинский освятил шесть камней, с которых началось строительство Григориополя. После этого последовало торжественное шествие к месту закладки Соборной церкви. К слову, крепость при реке Ботна, она же Срединная, она же Тираспольская, была заложена годом позже. Таким образом, Григориополь стал первым городом в Приднестровье, основанным Россией.

Родной дом – это детские радости и печали, это родные, друзья, одноклассники, коллеги. Это цветочные витрины у каждого подъезда и за домом, которые ревностно охранялись соседями. Это деревья, служившие нам верными друзьями, когда развешивали мы между ними свои покрывала, устраивая импровизированные концерты для всех соседей. Мы приглашали их, расклеивая на дверях подъездных объявления с подробным перечнем номеров. Это ритуалы, которые зависели от смены времён года. Осень пришла – картошка сушится на площади перед домом. Все прекрасно знают, где чья. Абрикосы поспели – на заводе варят компоты – соседи готовят веники, чтобы мы за собой сами убирали битые варёные абрикосовые косточки, что приносили нам родители с завода в жестяных вёдрах. Каникулы наступили – берегись огороды – у нас самое время в войнушку играть. Днём на посёлке тишина – вся ребятня на речке, а вечером – или кон-

В 2005 году в центральном парке Григориополя появился памятный знак в честь основания города – гранитный камень с информационной плитой.

церт доморощенных артистов, или партизанская войнушка с кличем – «внимание, внимание – говорит Германия, сегодня ночью под мостом поймает гитлера с хвостом». Помню, сестричка с Сахалина приехала – к ней очередь – всем автоматы из дощечек мастерила лучше всех. И разведчиками мы с ней были лучшими. Обе Олями звались, обе в веснушках. Ребята прозвали – «эти Н²О». Ещё летом к нам приезжали студенты с Волги. Летний кинотеатр гудел вечерами. Помню, и я пробилась в артистки – пела песню со сцены про журавлей. Родной Дом, Свой двор, Наши люди – это проводы и встречи – кого в армию, кого на погост. Это праздники всем двором – в доме невеста поспела, или жених. И меня так однажды провожали, когда за мной приехали из Кишинёва машины в шариках и цветах. Невестой на крыльце перед всем честным народом стояла и слёзы сдерживала. Родной дом – это юность и дерзкие мечты о будущем. И единственный праздник из христианского календаря, который любила за аромат трав. Троица меня завораживала. Нескончаемое изящество в цветении, деревянные крашенные полы, вымытые ранним утром, и это разнотравье на них, при зашторенных от палящего солнца окнах ... Сказка. Это разноязыкая многоголосица во дворах, с огромным количеством словечек, которые в научной литературе называют диалектными. Среди нас, русскоговорящих, можно было услышать в разговоре – *капцы, дээркало или свэтэр*. Междометия мы употребляли, не зная про них, но так смачно, что только по акценту легко понимали, про кого речь. Армяне, русские, украинцы, евреи, немцы, оседлые цыгане, молдаване, был и венгр у меня в классе. Все они жили здесь веками, и у каждого был свой погост. Теперь уж нет такого различия, только в названиях – Русская улица, когда въезжаешь со стороны Кишинёва, и русское кладбище – неизменным осталось. А немцев было так много, что в Григориополе и сейчас существует район – малый Берлин. Они переселялись из Сибири. Старички рассказывали нам про Красноярск. Семьянины, трудяги, доброжелательные, со своим чувством юмора и своими традициями. Кюхель, присыпанный сахарной пудрой, и огромный голубец – на всю тарелку один, который ели, разделяя ножом. Когда появились телевизоры – беда для них пришла, для многих, где жили старики. Молодёжь потянулась к экранам – к соседским. Ворчали старушки, но устоять им уже было не под силу. Отцы и матери работали на заводе, на стройках. В домах на стенах много вышивок – гуси, зайчики, цветы, с надписями на немецком языке. Старшие помнили свой родной язык, ребята не особо выделяли его. Когда рухнула берлинская стена, все как один потянулись на историческую родину. Я в это время жила в Кишинёве и от мамы в письмах узнавала о том, как прощались с соседями. Мы не знали, что ждёт их, но желали им только хоро-

Современный жилой массив.

*Сама Молодость пересекает главную улицу – бывшую
Екатерининскую, сейчас – Карла Маркса.*

шего. Спасибо «Одноклассникам» – сейчас я радуюсь, узнавая своих. Хорошие их семьи стали в разы больше, дружными они остались и между собой – вот то, в чём не ошиблась. Они приезжают к нам и сейчас. С подарками, трогательно подписанными – для тёти Нади, для дяди Вани...

Мои родные, мои учителя, мои герои

Мама родилась в Григориополе незадолго до войны. Её детство было серым, как вспоминала она, голодным. Война, эвакуация, возвращение домой после Победы. Путь, который прошли миллионы наших людей, не миновал и их. Её родные – мама, бабушка, братья – держались всё это время вместе. Выжить им помогла швейная машинка, которую взяли в эвакуацию. На лошадях до Самарканда доехала мама ещё ребёнком – много по дорогам видела страшного и непонятного, но родные были с ней, и это чувство близости родных навсегда осталось с ней как самое дорогое, что может быть посреди разрухи. Они вернулись домой, когда ПОБЕДА гремела по всей стране, – уже в Молдавии добирались до дома в крытом брезентом грузовике. Мама помнила себя на коленях у солдата, возвращающегося с фронта. Тогда она не знала его, а у солдата того сын был – мамин ровесник. Позже, на берегу Днестра, мама и этот мальчишка – сын того солдата, сидя рядом, вышивали крестиком красивую собаку, не подозревая, что она станет знаковой в их судьбе. Сейчас эта картина у меня. Когда маме и моему отцу исполнилось 24 года, они пришли к родителям отца – к тому самому солдату – и попросили благословить их. Через год родилась я. Мама и папа – ровесники, а солдат тот стал моим любимым дедом Александром Антоновичем. Вот такая простая история.

Другого деда, отца мамы – Христофора Артемьевича Ямальянца, 1904 года рождения, мне не довелось знать. В возрасте 38 лет он ушёл на фронт и не вернулся, не узнав о рождении второго сына. Бабушка Маруся ждала его всю жизнь. Не приняла предложение от друга брата своего, который жил на Сахалине, а тот готов был забрать их всех вместе на остров, но бабушка выбрала берег Днестра. Сама строила дом и поднимала детей.словно по завету одного-единственного письма-открытки с фронта, где муж писал самыми простыми словами – «Маруся, береги детей».

Помню крохотный палисадник, где росли флоксы и большое, крепкое сливовое дерево. Помню аромат и вкус бабушкиного сливового повидла.

Мои родные, мои учителя, мои герои. Христофор, Агафья, Маруся, Владимир, Надежда, Юрий. Светлая память.

Детский сад

Помню свой детский сад. Екатерина Петровна Скрипник и Верховодко Тамара Николаевна, мои воспитатели и мои же коллеги позже, когда я пошла работать в сад, – только это уже был другой, новый. А старый снится часто. Как нам разрешалось летом во двор выносить всё. Куклы, кровати, постель для них, посуда – всё, что нужно было, чтобы не скучать и становиться старше. Как на верандах, на воздухе открытом нас укладывали спать в спальных мешках на раскладушках. И душевые, за клеёнчатыми занавесками, прямо во дворе, на солнышке – для мальчиков и девочек. Как с подружкой бегали по территории в поисках укромного уголочка, прячась от предстоящей прививки. Я узнавала про готовящуюся процедуру от подружки – её мама медсестрой работала в том саду. А подружка эта – первая и навсегда. Помню, как выступали на празднике матрёшками. Помню Анну Михайловну, заведующую, отпустившую меня в школу с подготовишками, прямо из старшей группы. Так я оказалась в одном классе с моей подружкой, что была старше меня на год. Помню, как нас провожали. Столы во дворе – арбузы, яблоки, конфеты. И первый портфель свой, который нам подарили в детском саду, коричневый, из блестящей кожи, с золотыми застёжками. Прихожу с мамой домой – а на стене, на гвоздике, висит точь-в-точь такой от мамы с папой. Радость моя скакала впереди меня, словно резиновый мячик – яркий и звонкий. Мама привела меня на школьный двор. Запах краски был призывным – во дворе стояли выкрашенные, сверкающие на солнце столешницами и скамейками деревянные парты – зелёный верх и коричневый низ. Мама вспоминала свою любимую первую учительницу, Марту Георгиевну. Вспоминала, как трудно было зимой в школу ходить. Обувь была роскошью. Десятый класс мама закончила в заводской вечерней школе. С соседкой, что училась на курсах, мама выучилась премудростям бухучёта. Уроки проходили на кухне. Миля, соседка, немка – училась грамотно писать на русском, а мама благодаря ей оказалась помощником главного бухгалтера в райфинотделе. На пенсию она ушла с должности воспитателя в заводском училище. Опыт жизненный и любовь к чтению позволяли ей и уроки проводить, когда заменить учителя нужно было. Обществоведение ей давалось легко. Маме доверяли многое – и делопроизводство, и библиотечную работу, и выступления с агитбригадами. Директор нашего Дома Культуры знал – Надежде Христофоровне можно смело поручать подготовку к праздникам.

Моя родная 4-я русская средняя школа, в стенах которой до революции было городское училище.

Детские радости

У меня своего двухколёсного велосипеда не было никогда. А вот когда моей соседке купили «Ветерок», мы вместе выносили его во двор. Учились сами, поддерживая, как могли, друг друга. Я была «опытней» – у папы был мотороллер. Он меня катал. Даже в «Индию» мы с ним поехали однажды на этом мотороллере. У нас на Днестре есть эта самая Индия. Мы выехали из нашего Григориополя в сторону Тирасполя, а потом, где-то свернув с трассы, спустились к Днестру. Там песочек на берегу барханчиками стелился. Папа сказал, что это Индия. Я надеялась увидеть там индийских слонов. Увы. Но вот однажды папа приехал с работы на обед. Лето. Я вышла во двор и решила просто посидеть вместо папы за рулём. Ну, я не только посидела, таки умудрилась завести его. Соседи дружно ловили. Позже с моей подружкой мы решили заняться бегом. Утром рано мы бежали к реке, на карьер, через сад сливовый и обратно. А потом, когда мышцы поднакачали, на велосипедах пересели. Я радовалась тому, что у отца подружки было два велосипеда. И он нам разрешал их брать. Отказаться от такой возможности никаких сил не было – несмотря на то, что велосипед был мне ох как не по росту. Вот и терпела целое лето, катаясь «ногой под раму».. И не по посёлку катались – это не интересно – тётки, дяди под колёса так и норовили. Мы выезжали за наш консервный завод – там с ветерком было куда как интересней. А вот плавать я научилась много позже. Папа первым был, кто меня с водой подружить хотел. Он меня на байдарке катал. Есть и до сих пор у нас станция – учат ребят байдарками управлять. Когда папы не стало, дядя родной на своей моторной лодке катал. Боялась я воды. Видела, как в один год не сдержала дамба напора разливающегося Днестра по весне. Потоп был впечатляющим. Весь парк и стадион, что лежал за дамбой в пойме реки, до подножия крутого подъёма, на котором вдоль Днестра наш посёлок расположен, – по самые макушки деревьев затопило.

...И пусть весь мир подождёт, когда

открываю я семейный альбом. Я открываю его всякий раз, когда хочется домой, когда кто-то покидает наш мир навсегда, когда хочется послать к чертям в их логово всё инородное, непонятное и назойливостью своей надоевшее, когда хочется сказать им – моим родным – спасибо, что вы просто любили меня, а я вас.

Бутоньерка первая моя, юность маячила впереди ещё...

а фиалки, букетиком приколотые на блузочку, были первым чувством особенности моей. Однажды – восьмой класс, выпускной в школе – утром раскладываю ткань, шёлк белый в горошек. Достāju журнал мод, ищу подходящую модель, делаю выкройку, крою, смётываю, примеряю – и самое главное, ради чего день потратила, – прикалываю фиалковую бутоньерку. Родная тётка подарила. С ней мы не один журнал мод изучили – дед их привозил со всего Союза, снабженцем он был. Себе марки в коллекцию привозил, нам – модные страницы, бабушке – всё, что ни прикажет. И вот все девчонки ахают, разглядывая меня на выпускном вечере: «Где, когда успела купить? Мы не видели у тебя этой блузки». Прошло немного времени, одноклассница просит: «Оля, дай блузочку, ту, что сама сши-

ла. Меня на день рождения позвали, а нового надеть ничего нет у меня». И тут я опомнилась. Ведь так спешила – блузку-то не застрочила ведь. Протягиваю бутоньерку – возьми, приколи на свою старенькую белую блузку, будешь неотразимой на дне рождения. Подумалось: может, тогда заметит кто этот красивый фиалковый букетик.

Когда ты покидаешь родной дом, думая, что впереди лучшее, – не раз, но многожды делаешь переоценку ценностям, которые были заложены там, на твоём берегу. А берег тот длинным был, и протянулся он по судьбе от самого севера и до самого юга.

Наш легендарный – один за всю историю школы – 10 Д. Ряды поредели. Тогда ещё никто не знал, кем станут ребята – а тут есть лётчики и кандидат технических наук, закончивший в Питере военный институт связи, есть руководитель строительной компании в Самаре, который окончил строительный институт в Одессе, есть выпускники с красными дипломами – Одесского политехнического и Питерского института искусств.

Однажды, когда появился у всех интернет, я получила трогательное сообщение от учительницы, которая в Одессе жила уже много лет ...

*Хоть та земля теплей, а родина милей,
Милей – запомни, журавлёнок, это слово.*

*Запомни шум берёз и тот крутой откос,
Где мать тебя увидела летящим,
Запомни навсегда, иначе никогда,
Дружок, не станешь журавлем ты настоящим.**

И я подумала: и учителя навсегда для нас останутся учителями, и мы для них учениками – навсегда. Мы стали разыскивать друг друга. «Одноклассники» стали порталом между прошлым и настоящим. Я шалела всякий раз, когда находились мои друзья. Разметало их по свету. Но они остались теми же, с кем играли в «колечко-колечко» или в «штандер-штандер», с кем ходили в кинотеатр, что в центре был. Дорога в пять километров и по мосту через рыпу, или гырлу – так мы

*Цитата из песни «Журавлёнок» (слова И. Шаферана, музыка Э. Колмановского).

называли рукав от Днестра. Этот мост закалял нашу дружбу. И были такие, кто открывался совершенно новым лицом – удивительным, трогательно родным был для меня одноклассник, с которого я брала пример, когда решила так же, как и он, закаляться, чтобы перестали мучить меня наши врачи. То нельзя, это нельзя. И я стала готовить себя к тренерской работе. Всё это было лишь дерзостью с моей стороны. Её подогревала наша замечательная учительница по физкультуре. Она доверила мне ключ от школьного спортзала. По выходным я проводила тренировки с малышами начальных классов. Про это прознали наши ребята, которым нравилось больше в спортзале заниматься, чем слоняться по улицам. Один из них действительно стал тренером. Настоящим, как оказалось, он был во всём. И когда рухнули все наши надежды на будущее, он не сдался, хоть и пришлось резко изменить свой образ жизни. И, осмелев, ведь смс – это не то, что глаза в глаза, – я написала ему то, что меня переполняло.

Однокласснику – просто так...

*Ты прелесть, и прелесть эта в том, что солнце, воздух и вода –
действительно твои друзья. И в том, что, устали не зная,
простую жизнь познал сполна. Пастушья сумка и рюкзак
философа в тебе открыли. Цветы всегда у твоего порога,
за домом, в вазе на столе, но главное, их много – чудесно
разнолепестковых – в распахнутой твоей душе.*

За скобками этих нехитрых строчек – его новая и для него, и для нас тогдашних жизнь. Кровь не водица – в мать он свою пошёл. Та никак не могла смириться, что на посёлке, где она оказалась с семьёй, не было коров, поля, пастбища. Вот её сыну, выросшему без всего этого, и пришлось повторить путь мамин. Уехав в Россию – купил землю. Выстроил дом. От соседа до соседа не докричаться, как в деревеньках. Много земли. Коров пасти научился – своих. Много читал о жизни, сам стал писать книгу свою. До своего собственного дома прошёл много дорог, как в песне – от Волги до Енисея. На Енисее хотел остаться – очень ему там тайга понравилась. Многому там научился. Не по инструкциям, не в гугле – сам, своим потом строил своё большое, добротное хозяйство, не веря в то, что это он тот парень, что после армии поступил в физкультурный институт в Минске. Окончил его и помогал другим мальчишкам и девчонкам закалять свою будущность, работая в школе учителем. Потом раскатистым громом и молнией рассыпался Союз. А у него Дом, не на колёсах, но вросший крепко и основательно в землю курскую. Сына вырастил. Тот в Питер уехал учиться, в военный институт связи. Гордость отцовская. А я горжусь им, моим сверстником, молчуном, со стальными нервами и железными мускулами. Добрым сердцем и прямоотой своей – неотразимой. Есть чему поучиться.

О Днестре я могу говорить много. Это отдельная история, скажу лишь так, как прочувствовала однажды.

*Данастрас, Турла, Тирас, Нистру. Днестром зову я ту, что с детства мне
мила. Ту, которая любовь к родным местам зажгла в душе моей, как искру.
И как бы ты её ни звал – она течёт, а берега свои – для жизни людям подарила.*

*И разве может она дням своим вести отсчёт?
Ведь сколько русло не меняй, а всё же дважды в
реку не войти. Вот в чём её природы сила.*

*Я дома была. У могил дорогих. Я дома была
– у живых родных ... Мне берег родной очень до-
рог. Здесь бывшее с завтрашним дружит впол-
не, для памяти нет здесь границ и запретов.
Здесь просто живут, не пряча лиц. Не раство-
ряются тут, как в толпе. Я дома была... Я виде-
ла тех, кто дорог был маме и папе, – и ничего,
что в альбоме они. На лицах улыбки, как встречи
знаки. Я дома была ...*

Мне 67, а чувства те же, и день, который
ты перевернула на календаре, никогда не повто-
рится, и каждый следующий тоже будет другим.
Получается, каждый день – это подарок. Так я и
воспринимаю их – мои дни.

Р. С. Последнее сообщение из Одессы, от учительницы: «...когда домой при-
дешь в конце пути... свои ладони в Днестр опусти...»*

20 апреля 2026 года

*Мы с мамой на Днестре.
Любимое место отдыха.*

*Перефразированная строчка из песни «Течёт река Волга» (слова Л. Ошанина, музыка М. Фрадкина).

Ольга СОКОЛОВА родилась 27 октября 1958 году в Григориополе Молдавской ССР.

В 1975 году окончила школу в родном городе. Работала в родной школе, а позже в г. Томске – старшей пионервожатой. В Кишинёве с 1980 года. 33 года работала в детском саду №12 на улице Комсомольской (сейчас М. Эминеску). В 1987 году окончила Кишинёвское педагогическое училище им. А. Матеевича, в 1995 году – педагогический университет им. И. Крянгэ. Воспитатель, методист, преподаватель дошкольной педагогики и психологии.

Писать начала в 1990-х: сценарии для праздников и театральных постановок, сказки, пьесы для детей. Печататься начала с 2012 года. Номинант национальной литературной премии «Писатель года» (Москва, 2014, 2015, 2020 годы). Как победитель международного конкурса творческих работ публиковалась в сборнике «Вышивальные сказки» и календаре

«Чудное время» (Балашиха). Печаталась в поэтическом сборнике «Мировая линия любви» (Ярославль, 2021).

Член Ассоциации русских писателей РМ с 2024 года.

Участник фестивалей «Пушкинская горка», дипломант конкурса баснописцев, международного проекта «Стихия воздуха», конкурса сказок. Новые публикации – в газете «Русское слово», журнале «Русское поле», сборнике «Новые русские сказки» (2025).

ЕЛЕНА УЗУН

СВЕТ ЖЕРТВЫ В КОШМАРЕ «БЕСОВ» ДОСТОЕВСКОГО...

Премьера спектакля «Бесы» на сцене чеховского театра вызвала у меня сколь большой интерес, столь и долгое беспокойство – каково ставить Достоевского на драматической сцене и как к этому относиться? Мне понадобились сутки, чтобы хотя бы приблизиться к характеристике увиденного, не претендуя на базовое мнение о спектакле.

Погода перед спектаклем была очень душной, угрожающе тихой, предгрозовой. Но дождя так и не произошло, и мы подвисли в настороженном ожидании перемен. Ибо Достоевский – это всегда изменение сознания, нельзя обратиться к нему скоро, легко. Он этого не простит и не допустит, терзая сомнениями, не стихающей тревогой и желанием познать непознаваемое.

Получив билет и программку, узнаю, что жанр спектакля определён как психологическая драма по мотивам романа Фёдора Достоевского «Бесы». Режиссёр-постановщик Даниел Мунтян акцентирует, что его версия «Бесов» – не политическая драма, а трагедия духа. И это видно с первых минут спектакля, бросающего вас в истерию жарких диалогов-исповедей группы молодых людей, одержимых идеей революции, мечтающей уничтожить привычные устои. Ложь, насилие, убийство, страх, интрига, разрушение – вот что приведёт к созданию нового мироустройства, свободного от излишнего сочувствия и образования. Только власть и новые мы нужны сегодня – и для этого все средства хороши.

Спектакль идёт в сжатом пространстве Малой сцены театра, где стены, пол и потолок окрашены в безнадежно чёрный цвет. И вы оказываетесь среди паутины канатов, словно в гробу магнетической обречённости движения к невозможной цели. Сеть канатов, узлов, паутина висельников, якобы владеющих миром. Но как им владеть? Смутой, хаосом, пожарами, смертью?

Не только. Жертва, всегда нужна жертва – несчастного, грустного, убогого, да и просто порядочного человека. Коими выступают хромоногая – Мария Лебядкина и – постоянно пьющий чай Алексей Кириллов.

Рыжеволосая Мария в исполнении Екатерины Браусовой задаёт тон всему действию страстной молитвой и громко-быстрой речью несчастной провидицы. Хотя, если она бы тихо излагала свои ощущения, – было бы не хуже. Ведь многое в спектакле выражается дёрганьем беззвучного каната, связавшего участников в смертельный узел «братства». Мир тлеет изнутри, взрывается от безнадёги и отчаяния, но ничего не изменить, ибо огромный паук сидит внутри сети канатов, и это Бес Власти, обуявший душу главного персонажа – Николая Ставрогина в исполнении актёра Якова Грибиненко.

Ставрогин рано понял, как провоцировать жертвы, активизируя бесов даже в любящих его людях. Он холоден, красив и убивает не сам. Это делает система террора, притягательная для самоубийц, каторжан, извращенцев и, увы, просто несчастных. Ставрогин – страшный магнит, к которому тянутся души, искажаются судьбы. Ибо крепость организации зиждется на жертве и крови. Только жертвы и рабы – в том цикличность и сила организации. Так погибает его жена Мария и становится призраком, который не отпускает.

Гибнет милейший Кириллов, внешне напоминающий молодого Достоевского. Он пытается объяснить людям, что они хороши, хоть и сами этого не знают. Но губит себя сам, подобно Христу, во имя процветания организации.

Есть в романе и очевидный борец – Иван Шатов, которого весьма убедительно исполнил Денис Перев. Он вскрывает гнилость псевдореволюционной секты и говорит всем правду в лицо. Но его также уничтожают.

Идея равна доносу. Кожаные куртки, гротеск, пародия отлично выражены в «Сцене митинга» в масках и танцах политрэпа. И всё это неплохо смотрится в пересечении с киноцитатой «Седьмой печати» Бергмана на отдалённом экране.

Власть на крови, рабстве и страхе в мире, которым правят бесы? Вполне возможно. «Бесы» правдоподобны, убедительны и фанатично преданы идее. Главное – нарушить все заповеди, дальше – как по маслу. Делай, что хочешь, и всё будет твоим!

Так в противоестественной истерии проходит весь спектакль, и редко когда голоса актёров звучат нормально. Нормальная речь изначально дана лишь Кириллову и Лизавете Тушиной. Ставрогин тоже пытается быть логичным. Он не кричит, но в итоге страшен самому себе.

Так зачем же всё это? Зачем столько горя, беды, жертв и слёз? Вот в этом парадокс Достоевского и ... спектакля Даниела Мунтяна. Ощущение после спектакля, конечно, сложное, но вовсе не мрачное и не безнадёжное.

Достоевский прекрасен обречённостью и трагической кротостью. Его вечное сражение с подсознанием покоряет, и у меня на душе светло.

Фёдор Михайлович всегда о страдании, но и о сострадании. Нам жаль героев романа – непутёвых, категоричных, странных и больных. Их хочется пожалеть, прижать к себе и укачать со словами: «Бедные вы мои».

А вот актёров в спектакле хочется поздравить – «Бесы», пожалуй, самый сложный спектакль для чеховской труппы. Он требует предельной самоотдачи и постоянного напряжения, в котором надо держать зал. Такой опыт весьма полезен молодым актёрам. Он нужен театру и нам, зрителям.

Елена УЗУН – известный музыковед, музыкально-театральный критик, журналист, прозаик, поэтесса, культуролог, педагог – родилась в Кишинёве 11 января 1961 года.

В 1968–1979 гг. училась в специальной музыкальной школе им. Е. Коки как скрипачка и музыковед. В 1979–1984 гг. обучалась в Институте искусств им. Гавриила Музическу и получила диплом музыковеда и педагога.

С 1984 по 1999 года работала редактором музыкальной редакции радио в компании «Телерадио Молдова», где подготовила ряд передач «Новые записи Национального радио», а также для радио Москвы.

С 1995 года по сей день находится в авангарде музыкальной и театральной критики Молдовы, сотрудничая с газетами «Молдавские Ведомости», «Панорама», журналами «Акварели», «Welcome», «Страстной бульвар-10», сайтами www.talenthouse.md, www.artinfinet.md, ведущим оперным сайтом России www.belcanto.ru.

С 2001 года является членом Союза композиторов и музыковедов Молдовы.

Периодически преподавала в Академии музыки, театра и изобразительных искусств, в музыкальном колледже им. Штефана Няги.

Автор 6 книжных изданий: «Радуга Поклитару. Свободный танец», «Дневники души», «Краски дня», «Перекрёстки судьбы», «А может?», «Молдова. Опера. Балет». В работе сборник «Я человек из прошлого».

В 2004 году стала лауреатом Фонда Ирины Архиповой в Москве.

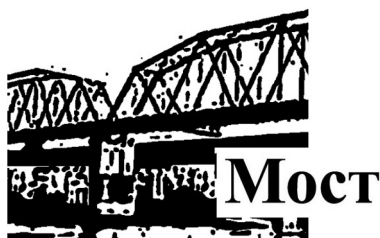
Ежегодно получает награды как лауреат Конкурса Союза композиторов и музыковедов. Неоднократно была членом жюри молдавских и международных театральных и музыкальных конкурсов. Как критик и член жюри посещала фестивали «Белая вежа» в Бресте и джазовый летний фестиваль в Варне.

С 2011 по 2019 год работала редактором-координатором Национального театра оперы и балета им. М. Биешу.

Прочла ряд лекций в Библиотеке им. М. Ломоносова о творчестве композиторов России, Молдовы и Зарубежья, лекции «Пушкин и музыка», «Булгаков и музыка», «Гофман и музыка», «Женщины-композиторы в мировой культуре и истории Молдовы».

С 2024 года является членом Ассоциации русских писателей Республики Молдова.

В апреле 2025 года её басня «Пугало и Соломка» получила первое место в номинации «Басня в прозе» на конкурсе басен АРП РМ.

«БЕРЕГ ЛЕВЫЙ, БЕРЕГ ПРАВЫЙ»

ПАВЕЛ СУШКО

АВТОРСКИЕ МОСТЫ МЭРЦИШОРА

*«...Жизнь полна пустоты, не желая мириться с пустотами,
Мы возводим мосты, заверениям всем вопреки».*

Сергей Чернопев

Дружба... желание найти друзей, желание слушать и быть услышанным, не потеряться в этом мире и не остаться в пустоте... Вот, пожалуй, основа и причины создания того, что в будущем станет Ежегодным Международным Литературно-Музыкальным фестивалем «Авторские Мосты Мэрцишора», преодолев всё, что возможно и что невозможно.

Но это будет потом, а тогда, в конце 2014 – начале 2015 года, когда прежний мир только начинал рушиться и границы ещё не были закрыты, коллектив людей молодёжного творческого объединения «Студия “Автор”» в Приднестровье, организованный и возглавляемый молодым поэтом из России Павлом Сушко, собрал у себя на вечере своих друзей: Союз Писателей Приднестровья во главе с Валерием Ивановичем Кожушником, Ассоциацию Русских Писателей Республики Молдова и её руководителя Олесю Геннадьевну Рудягину, Южнорусский Союз Писателей и его руководителя Сергея Александровича Главацкого и многих-многих других – поэтов, писателей, журналистов и просто друзей, которых хотелось слушать и слышать. Среди них также были Леонид Алексеевич Литвиненко, Никандр Анатольевич Елагин, Виктор Ильич Дёмин, Игорь Станиславович Сметанников, Игорь Ростиславович Ильин и их гости, слушатели и зрители вечера.

Тогда всеми собравшимися единогласно было принято и поддержано предложение хозяина вечера Павла Сушко о создании ежегодного международного литературно-музыкального фестиваля. Его название родилось позже, в долгих и жарких спорах, вобрав в себя всю суть, всю основу стремления людей к дружбе, к творческому общению, к желанию слышать, слушать и быть услышанными, к стремлению создания дружеских и творческих связей – Мостов. И раз создались они в месяц праздника Мэрцишора, в марте, то пусть и будут они «Авторскими Мостами Мэрцишора».

И фестиваль начал жить, открыв новую страницу в культурной жизни региона. Собирая новых друзей – поэтов, бардов, слушателей, зрителей, «Мосты» росли, развивались и крепили для вызовов, что ждали их впереди. В 2017 году, при поддержке Государственной службы по культуре и историческому наследию Приднестровской Молдавской Республики, фестиваль прошёл в Малом зале Дворца Республики. В 2019 году совместно с новыми друзьями из Кишинёва,

Рыбницы, Тирасполя, Одессы и Киева – Натальей Барабаншиковой, Елизаветой Ковач, Алексеем Захарчуком, Мариной Сычёвой, Светланой Полининой и Дмитрием Бураго «Мосты» прошли в 2 городах Приднестровья – Тирасполе и Рыбнице, при поддержке Администраций этих городов.

После, с приходом вируса, закрытием городов, границ, сообщений, с началом СВО, фестиваль «Авторские Мосты Мэрцишора» перешёл в онлайн-режим. Долгое время все переживали, надеялись и ждали, когда вновь наведут на Днестре «Мосты» и фестиваль соберёт друзей. И вот с 2025 года фестиваль «Авторские Мосты Мэрцишора», подобно Фениксу, возродился окрепшим, выросшим, но при этом сохранившим свои основы дружбы и стремления к творческому общению, оставшимся таким же добрым и гостеприимным.

С 2025 года при поддержке новых друзей в лице Русского дома в Кишинёве и Контактного центра Российского центра науки и культуры в Тирасполе у фестиваля, помимо основного концерта, появился новый проект и ещё одна площадка – «Авторский Мост». На данной площадке гости и все собравшиеся знакомятся с жизнью и творчеством участников фестиваля, открывая для себя знакомых авторов и узнавая о них что-то новое.

Впереди у «Авторских Мостов Мэрцишора» длинная и интересная жизнь, новые планы, проекты, друзья, зрители и слушатели, но уже всем понятно, что фестиваль состоялся, что у фестиваля есть своя история, своё лицо, свой характер, своя душа. Душа, способная согреть и объединить всех собравшихся на «Мостах».

Павел Александрович СУШКО. Родился 10 августа 1987 года в России, в Дмитровском районе Московской области, в семье военного.

Поэт, участник и победитель всероссийских и международных конкурсов и фестивалей.

С 2004 года – член молодежного творческого объединения «Студия “Автор”» в Дмитрове (Россия). С 2015 года – руководитель Приднестровского отделения молодежного творческого объединения «Студия “Автор”».

С 2015 года – создатель и руководитель ежегодного международного литературно-музыкального фестиваля «Авторские Мосты Мэрцишора».

С 2019 года – член Союза Писателей Приднестровья. С 2025 года – член Ассоциации Русских писателей Республики Молдова.

Живёт в России.

Литературно-Музыкальный фестиваль
«Авторские Мосты Мэришора»

1. 2017. Начальник Государственной службы по культуре и историческому наследию Кырмыз Мария Андреевна вручает благодарственное письмо председателю Ассоциации русских писателей Республики Молдова Рудягиной Олесе Геннадьевне.
2. 2017. Организаторы и участники фестиваля из ПМР, РМ, России и Украины: Валерий Иванович Кожушмян, Олеся Геннадьевна Рудягина, Сергей Александрович Главацкий, Павел Александрович Сушко, Андрей Бурда, Ольга Ильницкая, Елена Шелкова, Наталья Родина, Павел Полищук и другие перед открытием.
3. 2018. Валерий Иванович Кожушмян и молодой поэт Виктор Грабко.
4. 2016. Начинатели и создатели фестиваля П.А.Сушко, Л.А.Литвиненко, О.Г.Рудягина, С.А.Главацкий, В.И.Кожушмян.
5. 2026. Круглый стол «Авторский Мост» Марины Ивановны Сычёвой.
6. 2018. Идейный вдохновитель, основатель и бессменный куратор Фестиваля – Павел Сушко.
7. 2026. Поэт и прозаик Диана Федорович, член СП ПМР и АРП РМ.
8. 2026. Представители АРП РМ – Инна Гончарова, Александр Реут, Николай Гусан.
9. 2019. На сцене фестиваля – Наталья Павловна Барабанщикова, заслуженная артистка РМ, руководитель хоровой студии «Рапсодия».
10. 2019. Друг и участник фестиваля из Киева – известный поэт, учёный, издатель Дмитрий Сергеевич Бурого с женой, филологом Еленой Скисовой-Бурого.
11. 2017. Малый зал Дворца Республики.
12. 2018. Почетные гости и друзья фестиваля – Леонид Алексеевич Литвиненко, Игорь Ростиславович Ильин.
13. 2018. Олеся Рудягина, Т.Зубкова, В.И.Дёмин, Павел Сушко, Борис Амамбаев, Сергей Пагын, Елизавета Ковач, Виктор Грабко, А.Челышев, Т.Захарова, В.Боков, Т.Орлова и другие.
14. 2019. Ведущие фестиваля Павел Сушко и Олеся Рудягина. Выступает – Светлана Полинина.
15. 2017. Два друга – поэт и бард Вадим Барышников, Николай Антонов.
16. 2026. Ведущий, поэт Алексей Захарчук вручает благодарственное письмо от инициаторов Фестиваля новому председателю СП ПМР Николаю Викторовичу Дымченко.
17. 2016. «Наставление мастера» – Олеся Рудягина, Павел Полищук и Виктор Грабко.
18. 2026. Концерт. Барды, друзья Сергей Галушкин и Вадим Барышников.
19. 2026. Представители разных поколений авторов – участники фестиваля: Диана Жалбэ, Марина Сычёва, Ольга Молчанова, Алексей Захарчук, Елизавета Ковач, Натали Самоний, Инна Гончарова и другие.
20. 2019. На сцене фестиваля – Дмитрий Сергеевич Бурого.
21. 2016. Участники и гости Первого фестиваля с правого и левого берега: Павел Сушко, Валерий Кожушмян, Олеся Рудягина, Сергей Главацкий, Леонид Литвиненко, Никандр Елагин, Игорь Сметанников, Игорь Ильин, Сергей Пагын, Александр Челышев, Наталья Родина и многие другие.

1

2

5

6

10

11

14
18

15

19

3

4

7

8

9

12

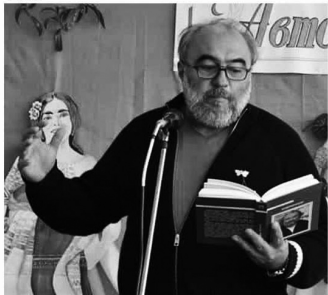
13

16
20

17

21

МАРИНА СЫЧЁВА

МОСТ – СИМВОЛ ЕДИНЕНИЯ

Что мы представляем, произнося слово «мост»? Сложное инженерное сооружение, протянувшееся от берега к берегу? Продукт деятельности стоматолога-протезиста? Или автомобильную логистическую развязку над дорожными трассами? Суть неизменна – мост всегда восстанавливает связь через препятствия, кажущиеся непреодолимыми. Связь, побеждающая сложности и барьеры, умеющая сблизить, объединить, помогающая понять друг друга, – вот что такое мост. Это слово органично вписалось в человеческую жизнь и проявляется в разных её сферах.

Так, в христианстве есть представление о радуге как о мосте между небесным и человеческим. Кроме того, глава католической церкви носит титул «понтифик максимус», что означает великий строитель мостов. А, например, искусство неизменно называется культурным мостом между народами.

По-моему, фундаментальной частью такого культурного моста является литература. Она тысячелетиями облакает в слова зыбкий и непростой мир, фиксирует время, пространство, чувства и эмоции, ищет ответы на общечеловеческие вопросы и формулирует их. Меняется климат, умирают государства и политические режимы, забываются моды, но литература не прекращается. Именно она хранит и оставляет в нашем арсенале Божий инструмент – слово. А через слово сама литература превращается в мост от человека к Богу.

Мы часто говорим: «В начале было Слово...». Не стану цитировать всем известные строки Евангелия от Иоанна, тем более что в оригинальном тексте Нового Завета использовано древнегреческое *ὁ Λόγος* (*logos*), и перевод возможен различный (слово, мысль, ум, основа, утверждение, разумение, доказательство, пропорция и т.д.). Например, в китайском варианте звучит: «В начале был Дао (путь)». В русском же переводе вовсе не о литературном слове говорит Апостол, но – о Христе, Боге-Слове воплотившемся. Так много веков назад переводчик святого писания специально или случайно бросил особое Божье семя в почву русской культуры.

Потому-то к ней всегда исключительное внимание и требования, поэтому настоящая русская литература вызывает трепет и любовь. Русская литература давно возводит мосты над разделяющими людей реками, безднами, болотами, находит по наитию или великому знанию нужные слова, воспевает мир (мир как вселенную и как примирение). Сквозь границы и политические нестыковки, невзирая на неустроенность жизни, через слово строятся культурные мосты. Мосты соединяют. Вспомнились строки талантливого рыбницкого поэта Сергея Черноголева: *«... Жизнь полна пустоты, не желая мириться с пустотами, мы возводим мосты, заверениям всем вопреки»*.

И сегодня мы возводим мосты. Литературные мосты! В середине славного месяца марта лирическим шлейфом традиционного весеннего праздника Мэрцишор открылся в Тирасполе фестиваль «Авторские мосты Мэрцишора». Два дня чтений, музыки, общения с друзьями. Два радостных дня, сумевших объединить города и поколения. В работе фестиваля приняли участие писатели двух берегов Днестра – Ассоциация русских писателей республики Молдова (председатель Олеся Рудягина) и Приднестровские литературные сообщества: Союз писателей

Приднестровья (председатель Николай Дымченко), ОО «Творческое объединение Литературный родник» (руководитель Марина Сычёва), литературные объединения – «Горизонты» (руководитель Муза Гончарова), «Зов души» (руководитель Татьяна Зубкова), «Литературное объединение имени Дрожжина» (руководитель Лариса Беньковская), «Светоч» (руководитель Валерий Овчарук), Дубоссарское общество литераторов (руководитель Елена Степанова). Главным организатором мероприятия выступило Тираспольское отделение молодёжного творческого объединения «Студия “Автор”» (руководитель Павел Сушко). По задумке, фестиваль «Авторские Мосты Мэришора» — это литературно-музыкальные встречи, знакомства и концерты.

В первый фестивальный день гитаристы из Тирасполя и Дубоссар (Вадим Барышников, Сергей Галушкин, Сергей Федченко) гармонично дополняли поэтические чтения исполнением авторских песен, устраивая мини-концерты под звуки семиструнной подруги. Этот лирический марафон в стенах центральной Тираспольской библиотеки имени А.С. Пушкина явился настоящим мостом искусств! А мостом воспоминаний становятся фотографии и сюжеты с этого мероприятия, снятые членом Союза фотохудожников Приднестровья Ириной Леконцевой. Согласитесь, такой мост над временем особенно дорог участникам событий.

Сегодня с интересом и трепетом мы рассматриваем старые фотографии, запечатлевшие мгновения ушедших в прошлое «Мостов Мэришора» (2017–2019 годов). Они наполняют сердце теплом, будоражат память, возвращают образы и диалоги дней минувших. Знаю, что обильный и творчески снятый фотоматериал недавнего фестиваля 2026 года займёт достойное место в фундаменте моста воспоминаний. Примечательно, что в течение всего фестиваля был организован ещё один мост – видео – с помощью которого участники из других стран смогли поприветствовать собравшихся. Из российского Дмитрова с добрыми пожеланиями выступил Павел Сушко. Из украинского Ильичевска Светлана Полинина, сказав слова благодарности организаторам, спела великолепную песню о любви. А Олеся Рудягина из Кишинёва мудро и искренне пожелала фестивалю светлой широкой дороги, новых авторов, вдохновенных стихов и плодотворной работы!

Новые авторы, конечно же, приняли участие в работе фестиваля «Авторские Мосты Мэришора-2026». Юные поэты из Рыбницы (Арсений Ковальчук, Ева Адамова, Анна Балека) и начинающий автор из Бендер (Анастасия) познакомили собравшихся со своим творчеством, рассказали о себе, о своём отношении к поэтическому слову и литературе вообще.

Каждое выступление многочисленных участников литературно-музыкального фестиваля неизменно получало искренние отклики и заслуженные аплодисменты зрителей. Яркие и талантливые стихотворные строки полноправно звучали в стенах библиотеки. Алексей Захарчук, Елизавета Ковач, Муза Гончарова, Диана Жалбэ, Диана Федорович, Инна Гончарова, Татьяна Саурова, Наталья Самоний, Надежда Делимарская дарили слушателям не просто строки своих произведений, а возводили литературные мосты.

Сейчас, спустя время, когда пишу эту статью, вспоминаются слова Днестровской писательницы Ларисы Стойловой и Александра Реута из Кишинёва. Они, каждый по-своему, говорили о трудностях, которые человек всегда преодолевает, если он настроен на победу и чувствует себя победителем. Уверена, что испытания Господь даёт по силам.

Поэтому задуманный в 2014 году фестиваль «Авторские Мосты Мэрцишора» не забыт, не исчез под гнётом политических трудностей и превратностей судьбы. Есть силы для его организации и проведения. Фестиваль живёт и развивается, привнося в свою работу новые формы. Во второй день фестиваля, 15 марта, в контактном центре РЦНК (г. Тирасполь) воплотилась в жизнь недавняя идея организаторов фестиваля – литературный Круглый стол. Честь открыть эту новую страницу «Авторских Мостов» принадлежит Олесе Рудягиной, выступившей в 2024-м со своей программой «Разговор с мамой».

Однако продолжить начатое, согласитесь, не менее почётно. Нынче, в 2026-м, гостей за Круглым столом принимала я – Марина Сычёва. Построив встречу как мост-диалог сквозь время, я читала стихи разных лет, демонстрировала двадцатилетней давности видеозапись мероприятия Союза писателей Приднестровья. С экрана смотрели на нас ещё живые Валентин Сергеевич Ткачёв, Владимир Иванович Афанасьев. И было заметно, как у сегодняшних участников Круглого стола меняются лица, как радость неожиданной встречи с бывлым вдруг загорается в их глазах. Так работал мост воспоминаний. И общаясь, отвечая на вопросы гостей второго дня фестиваля, я чувствовала, что наш «Авторский Мост» живёт и дышит. Прямой разговор подарил участникам новые идеи, сюжеты и стихи.

Необходимость и исключительную важность таких Мостов, по-моему, трудно переоценить. Добавлю только, что проходить они должны под знаком хорошей литературы. Пусть некрасовское наставление: *«Правилу следуй упорно: чтобы словам было тесно, мыслям – просторно»* – станет критерием определения будущих участников «Авторских Мостов Мэрцишора».

Чтобы не стало легковесным наше Слово, а литература укрепляла культурное родство, духовную близость и ощущение единства, давайте ответственно относиться к своим высказываниям и текстам. Давайте налаживать связи, а не разрушать их. Пришло время, когда писатели не просто возводят литературные мосты, а, осознавая сложность этого дела и размеры преград, стоящих перед ними, сплачивают усилия для налаживания связей и строительства объединяющих конструкций. Надеюсь, время покажет эффективность нашей работы.

Марина СЫЧЁВА родилась 28 июля 1966 года в посёлке Чаны (Новосибирская область). В 1989 году, по окончании Новосибирского инженерно-строительного института, как молодой специалист была направлена на строительство резинового цементного завода. С 1989 года живёт в городе Рыбница (Молдова, Приднестровье).

Поэт, прозаик. Член Союза писателей Приднестровья, член Ассоциации русских писателей Республики Молдова, руководитель рыбницкого отделения Союза писателей Приднестровья, руководитель творческого объединения «Литературный Родник», в рамках деятельности которого инициировала издание литературного журнала «Открытые кавычки» (выходит ежеквартально с 2018 года).

Автор книг «Рифмованные мысли» (2004), «Письма из города осень» (2006), «Берега» (2018), «Не бойся, девочка...» (2024).

Публиковалась в периодических литературных изданиях Приднестровья («Литературное Приднестровье», «Днестр», «Антология Литературы Приднестровья»), Молдовы («Русское поле», «Русское слово»), Украины («Южное Сияние»), России («Современник», «Огни над Бией», «Сверстнику», «Вторник» и т. д.), Бельгии («Эмигрантская лира»), США («Чайка», «Кстати»).

ЧИТАЕМ ВМЕСТЕ

АЛЕКСАНДР РЕУТ

ВОЛШЕБНИК СЛОВА

«Он был бесконечно счастливой всесильной сущностью, для развлечения распавшейся на множество ограниченных и полных боли жизней. И теперь ценная реакция вовлекала в сферу его восприятия даже те сознания, которые изначально не были частью симуляции – и их становилось все больше. Такое невозможно было подделать. Бог возвращался домой, приближаясь к своему тайному трону, окончательному состоянию Всего Сразу, ждущему в конце пути».

Виктор Олегович Пелевин. «Transhumanism Inc.»

Уважаемый читатель, строки эти пишутся в год 2026-й, в момент неимоверного сгущения суровых туч над нашей общей землёй. В тот грозный момент, когда мир в очередной раз меняется, Сила находит на другую Силу, молнии мечутся в разные стороны и важной задачей для простого человека становится – НЕ сгореть в огне перемен.

В этот момент я обращаюсь к упоительному и доброму, что успокаивает и заставляет восторгаться сиянием Человеческого Литературного Гения. Для меня это книги писателя Виктора Олеговича Пелевина.

Сразу оговорюсь, что Литератур в мире и в веках много разнообразных, каждый выбирает по своему внутреннему запросу. Сегодня будет рассказ о современном писателе Пелевине Викторе, 1962-го года рождения.

Мне показалось необходимым разобраться с таинственным воздействием, которое оказывают на читателей книги Виктора Олеговича. После двадцати лет моего знакомства с его текстами.

Знакомство было нелинейным и неравномерным, оно развивалось по разгорающейся и возвышающейся со временем траектории. Первая встреча пришлась на год 2006-й, когда у меня образовалась некоторая успокоенность и уверенность в завтрашнем дне. Появились личный компьютер с выходом в сеть, отдельное жильё, и я ушёл в беспорядное и беспорядочное... чтение.

Первым текстом этого автора для меня стала книга «**Generation “П”**». Удивился размаху и красоте художественной картины «жизни меняющих» 1990-х годов, нарисованной писателем в его книге. У книги оказался волшебный язык написания, который завораживал и увлекал за собой, как мощная полноводная река.

Чудесная, сразу меня увлекшая, фраза из книги Виктора Пелевина «**Generation “П”**»: «...Когда-то в России и правда жило беспечальное юное поколение, которое улыбнулось лету, морю и солнцу – и выбрало “Пенси”...» В эту фразу

хочется окунаться снова и снова и вспоминать запах раскалённого песка с пляжа юности, смешанного с наивными мечтами моего поколения...

Однако после этой первой книги не случилось ничего. Я просто отметил, что есть такой достойный текст о 1990-х годах, и запомнил имя писателя. Одно из многих для меня на тот момент. Рядом были ещё литературные миры писателей Маркеса, Ремарка, Дюма, Булгакова, Зощенко, Роберта Шекли, Ивана Ефремова, Айзека Азимова и многих, многих. Так прошли ещё десять лет, до 2016 года, когда мне снова попался новый для меня монументальный труд писателя Пелевина от 2011 года – книга «S.N.U.F.F.».

Текст этой провидческой книги снова произвел на меня впечатление озарения и заставил посмотреть на писателя как на гения Предвидения. Тема его прозрений в книге открылась мне не сразу, первая половина их стала понятной во время первого прочтения, многое из описанного я узнавал вокруг себя в тот же момент. Но более половины из описанного в тексте начало проявляться в мире вокруг меня уже после 2020 или даже 2022 года.

Вот, например, как писатель Пелевин предвидел расцвет использования технологий военных летательных дронов в современных войнах в книге «S.N.U.F.F.» (год издания 2011), лет на десять – двенадцать опередив реальность в своей книге...

«...Моя боевая камера способна перемещаться в воздухе с невероятным проворством. Она может подолгу кружить вокруг цели, выбирая лучший угол атаки или съёмки. Она делает это тихо, так что услышать её можно только когда она подлетит вплотную. А увидеть её при включенном камуфляже практически нельзя. Её микрофоны могут различить и записать разговор... и (перехожу на нежный шепот) в камере наличествуют две скорострельных пушки по бокам...»

Текст произвёл впечатление не только предвидением, но и особенной магией любовной линии, описанной в книге. Это была современная любовь, с огромной долей рациональности и эффективности в отношениях, но тем не менее это была чувственность с настоящим чувствованием, которое переживали читатели при соприкосновении с литературой Итальянского Возрождения XIV века, викторианской эпохи Англии и ослепительно прекрасного века Пушкинского Чувства великого периода русской литературы XIX века.

Вот такая аннотация от автора описывает роман «S.N.U.F.F.» для читателя: «Роман-утопия о глубочайших тайнах женского сердца и высших секретах лётного мастерства!»

Вот только небольшой эпизод из романа, в котором описывается Великое Чувство Любви:

«... Тут Грым заметил, что Кая, не отрываясь, смотрит на него круглыми от восторга глазами.

– Отличные стихи! – сказала она. – Очень сильные! Так сейчас уже никто не может. Все боятся. Ты настоящий поэт, Грым! Я тебя люблю!

Тут с Грымом произошло нечто странное. Все противоречивые чувства, секунду назад бушевавшие в его сердце, вдруг исчезли, и на их месте ослепительно сверкнуло новое переживание – внезапное, свежее, упоительное и совершенно ему незнакомое. Он понял, что за эти слова и взгляд он, не задумываясь...»

Достойная история современной любви, могущая свидетельствовать об обратном тем современникам, кто утвердился во мнении, что Любви и достойных рассказов об этом Великом Чувстве в литературе наших дней не наблюдается.

После этого текста я уже посмотрел на писателя Пелевина, как на большого Мастера и Мага Литературы, почувствовал магию его бесподобных текстов, когда неважно, о чём он пишет и каковы будут финал и сюжет, – ты просто упиваешься чудесным языком, которым он рассказывает свои литературные истории. Но до настоящего Чуда Узнавания и Признательности оставался ещё один шаг.

Этот шаг к пониманию магии писателя Пелевина случился в 2020 году, когда мне попался его свежий текст – «Непобедимое солнце».

После знакомства с этой книгой я действительно влюбился в тексты Виктора Олеговича.

В этой книге я уже сполна ощутил очарование фраз и абзацев, красоту проработанного логичного сюжета. Например, вот так оформлены мысли Девушки на страницах его романа:

«...Сейчас я вспоминаю эту минуту и понимаю, что была в тот момент абсолютно, бесповоротно счастлива. Но тогда, конечно, я этого не понимала.

Вернее, понимала, но неправильно. Мне казалось, туман блаженства намекает на что-то ждущее меня впереди, как бы обещает счастье.

А это оно и было, Счастье...»

Оглянувшись назад на прочитанное, я совсем по-другому оценил уже знакомые тексты и поднял их для себя на высочайшую высоту. Всё это в тех его, ранее прочитанных мной, книгах уже было: красота слога, мудрость суждений и глубина предвидений. Тогда я к ним не был готов. Теперь уже смог понять и оценить. И начал глотать все творения Пелевина, одно за другим, потому что Поверил и Узнал. Глотание это выходило не быстрым и не спешным, ибо хотелось снова и снова перечитывать понравившиеся главы, наслаждаясь языком повествования, и перекачивать во рту изумительные и волшебные своей красотой фразы. Таким образом, на каждую книгу уходит до полугода, размышления же над ними не прекращаются вовсе. Никуда не спешу, но наслаждаюсь той радостью, которую дарит каждая книга писателя Пелевина.

В процессе знакомства я открыл, что писатель Пелевин весьма подкован литературно, в его текстах попадает огромное количество имён и фамилий больших мастеров литературы со всего мира. Он знаком с их трудами и оперирует, и жонглирует ими в своих текстах с лёгкостью литературного волшебника.

Для меня писатель Пелевин стал Старшим Другом и Наставником, у которого учусь и от текстов которого испытываю Радость. Пока мне знакомы, кроме вышеперечисленных, также его монументальные труды «Священная книга оборотня», «Тайные виды на гору Фудзи», «Transhumanism Inc.» и масса его коротких и лёгких рассказов, вроде «Проблемы верволька в средней полосе», «Ника», «Бубен Верхнего мира».

Оцениваю объём знакомого мне из его текстов как от 20 до 40 процентов от общего объёма выпущенного им в свет. Предвижу, какая огромная цистерна удовольствия ждёт меня впереди при знакомстве с его неизвестными мне пока текстами. Ну, с моей скоростью, лет на двадцать может хватить, в худшем случае лет на

десять. Потом буду систематизировать и анализировать каждый текст. Пока осмелюсь представить небольшой анализ того, что успел понять из прочитанного.

Книги и рассказы писателя Виктора Олеговича Пелевина – это особого рода чтение, на грани чудесной фантазии, сказки, поэмы, философствования и реальности, в котором ты узнаешь произошедшее за последние годы и показанное в новостях в твоём телевизоре недавно. Только связано всё это между собой литературными нитями такой изумительной красоты, что задумываешься, является ли автор уроженцем нашего мира, а не посланником другого, высшего. Но нет, писателя не так давно встречали на нашей планете, есть очевидцы. Всё это напоминает изумительный философский трактат, осмысливающий реальность. Философский трактат, наполненный сарказмом и красотой литературного языка восхитительной яркости.

Иллюстрация сарказма и красоты или, если будет угодно, красоты сарказма. Описание персонажа из книги «Искусство лёгких касаний»: *«...Тимофей глядел сквозь экран глазами с красивой поволокой – и бросал иногда в микрофон несколько железных слов, облитых горечью и злостью: эдакий Лермонтов двадцать первого века, переключившийся на общую прокачку стиля...»*

Будет ли это чтение интересно будущему читателю? Некоторые тексты, безусловно, да, как, например, великолепный и наполненный летним теплом роман «Непобедимое солнце», из которого читатель будущего сможет узнать многое о женской душе начала двадцать первого века и её устремлениях.

Многое сиюминутное, злободневное, описываемое в книгах Пелевина и высмеиваемое им, безусловно, будет непонятно будущему читателю, как, например, уже сейчас непонятен писатель Жванецкий с его великолепными монологами 70-80-х годов прошлого века, подсказанными окружающим бытом того времени. С окружающим бытом пропала и понятность, и злободневность многих текстов Жванецкого.

Но главы с раздумьями на вечные темы, в которых писатель Пелевин размышляет о природе человека и его устремлениях, останутся надолго. Из книг Пелевина будущий читатель сможет понять времена на стыке XX и XXI веков и настроения, витавшие в обществе, и устремленность чаяний его. Читая тексты Виктора Олеговича, всегда необходимо держать на лице лёгкую, всё понимающую и добрую усмешку и помнить, что автор настроен саркастически и ставит своей целью развлечь читателя умными едкими мыслями и таким же взглядом на окружающую жизнь. Выпячивая и доводя до абсурда некоторые аспекты нашей современности, он заставляет читателя смеяться над ними и делает их неприемлемыми для читателя.

Тем из читателей, кому взгляды автора окажутся близкими, он станет Другом. Литературным Другом. Просвещённым, Начитанным, Умным и Талантливым. Многие гордятся этой честью, что такой большой писательский Талант берёт их в Друзья и ведёт с ними диалог через свои книги. Этот писательский диалог часто помогает. Коварные соблазны жизни становятся видны и понятны. Благодарен писателю Виктору Олеговичу Пелевину за дружеское общение на страницах его книг. Я рад этой встрече с Большим Литературным Талантом, Мастером.

И уж совсем последним в этой заметке – небольшой совет читателю, который только начинает своё знакомство с писателем Пелевиным, начать с книги «Непобедимое солнце». Так вероятность очарования писателем возрастет, ибо текст этой книги наполнен летним солнцем, простыми человеческими эмоциями и не изобилует отвлечёнными пространными метафизическими рассуждениями, которыми зачастую наполовину наполнены тексты Виктора Олеговича.

Александр РЕУТ. Год рождения – 1979. Образование – экономическое.

Администратор кишинёвского литературного клуба «СтихОМолка».

Книги с раннего детства были рядом и вокруг меня. Они заполняли ту пропасть свободного времени, которая образовывалась по возвращении из школы.

По окончании школьного периода началась взрослая жизнь с другими заботами и мыслями, но как только жизнь снова обрела упорядоченность, чтение ко мне вернулось. Оказалось, что жизнь без умного собеседника была для меня пресной.

Уже в 2020-х годах встреча с прекрасным литературным человеком Олесей Геннадьевной Рудягиной, Мастером литературы РМ, заставила меня глубже нырнуть в написание текстов, а не только комфортно поглощать чужую мудрость со страниц книг.

Огромная благодарность журналу «Русское поле» за возможность выразить мою признательность автору, подарившему мне бесцётное количество часов читательской неги и отдохновения, в данном эссе, посвящённом моему знакомству с книгами Ярчайшего автора современности Виктора Олеговича Пелевина.

Надеюсь, это скромное эссе не отвлечёт Ваше внимание напрасно, Уважаемый Читатель, но расскажет Вам новое и полезное.

Буду этому рад.

НОВЫЕ КНИГИ

**МОНОГРАФИЯ-АЛЬБОМ «ИРИНА ПРЕСС:
СЦЕНОГРАФИЯ, ЖИВОПИСЬ, ГРАФИКА»**

Данная книга, подготовленная к изданию, представляет собой фундаментальное исследование, посвящённое жизни и творчеству знаменитой российско-молдавской художницы Ирины Пресс – одной из ключевых фигур в сценографическом искусстве нашей страны. Работа знаменует важный этап в осмыслении её замечательного творческого наследия, которое на протяжении десятилетий определяло художественный облик Национального театра оперы и балета имени Марии Биешу и которое рассматривается как часть национального культурного достояния.

В альбоме представлен широкий спектр сценографического творчества И. Пресс, охватывающий более ста спектаклей, поставленных по всему миру, среди которых около пятидесяти оперных и балетных премьер, выпущенных на сцене кишинёвского театра. Иллюстративная часть включает около 300 изображений – сценографические эскизы, фотографии из спектаклей, некоторые образцы живописи и графики. Всё было тщательно собрано из театров, архивов Санкт-Петербурга, Москвы, Киева, Перми, Кишинёва и других городов, частных коллекций и личного фонда И. Пресс. Каждый визуальный материал снабжён комментариями.

Биографическое исследование, открывающее альбом, также составлено автором этих строк, которой хорошо знал Ирину Пресс и работал с ней. Оно базируется на солидном библиографическом аппарате, состоящем из более чем семидесяти источников. Текст представлен на трёх языках – румынском, английском и русском, что существенно расширяет круг читательской аудитории. Ценной составляющей издания также является приложение – полный перечень постановок по всей Европе, в которых принимала участие И. Пресс. Отмечается высокий уровень профессионального мастерства художницы, проявляющийся в глубоком знании истории искусства, точном стилистическом мышлении, новаторстве, оригинальной пластической концепции театрального костюма и сценического образа.

Книга может представлять интерес как для специалистов в области сценографии и театроведения, так и для музыковедов, искусствоведов, широкого круга любителей музыкального театра. Хочется верить, что она не только раскроет грани уникального дарования И. Пресс, но и сформирует основу для дальнейших исследований по теме её творчества.

Сергей ПИЛИПЕЦКИЙ

Ирина Пресс в одном из кокошников, которые она создала для постановки «Царской невесты» Н. Римского-Корсакова в Кишинёве в 2010 году.

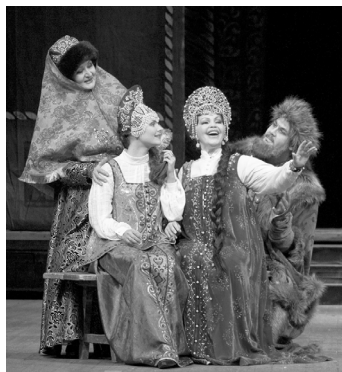
Эскиз парадного костюма Александру Лэпушняну для постановки одноименной оперы Г. Мусты в Кишинёве в 1987 году.

Эскиз костюма Гнома для постановки оперы С. Баневича «История Кая и Герды» в Мариинском театре в 1980 году.

Фото из балета К. Данькевича «Лилея», поставленного в костюмах И. Пресс в Национальной опере Украины им. Т. Шевченко в Киеве в 2003 году.

Костюмы к «Царской невесте» в Кишинёве, 2010, слева направо: Л. Ага (Сабурова), А. Мартынюк (Дуняша), Е. Герман (Марфа), О. Цыбулько (Собакин).

Костюм Эболи для постановки «Дон Карлоса» Дж. Верди в Кишинёве в 1985 году под руководством Г. Товстоногова.

И. Пауленку (Александру Лэпушняну) в опере Г. Мусты «Александру Лэпушняну», Кишинёв, конец 80-х.

Марина АЙДОВА**ИРИНА ПРЕСС. НИТИ МУЗЫКИ**

Она заикалась до пятнадцати лет. Это помешало ей стать актрисой. «Это было к лучшему, актер – страшно тяжёлая работа. Ты всегда один, и сам за себя отвечаешь. Не взял верхнюю ноту – сам виноват».

Она считала, что художник по костюмам и сценограф – как руководитель завода: «От тебя зависит огромный коллектив. Всё, что ты нарисовал, воплощается на сцене. Огромные деньги. Я крестилась перед каждым спектаклем, чтобы не застрелиться от ужаса».

Ирина Пресс (1956–2021) – выдающийся художник по костюмам и сценограф, чьё имя неразрывно связано с Национальным театром оперы и балета имени Марии Биешу в Кишинёве. Путь Ирины Пресс в этом театре длился с 1981 по 2013 год. Она оформила более 100 спектаклей, включая оперы, балеты и музыкальные драмы, не только в Молдове, но и в России, Украине, Великобритании, Германии и Болгарии.

«Любовный напиток», «Травиата», «Мадам Баттерфляй», «Спящая красавица», «Тоска», «Кармен», «Набукко», «Турандот», «Царская невеста», «Евгений Онегин», «Риголетто», «Волшебная флейта», «Бал-маскарад» – всё это было окрашено её талантом и фантазией.

Её костюмы – не просто одежда, а история эпох, эстетика, культурный код. Глубокое образование, полученное в Ленинграде, где она родилась, дало ей яркое понимание разных времен.

В 1989 году художник по костюмам Ирина Пресс работала над постановкой балета «Петрушка» Игоря Стравинского в Глазго (Шотландия). На этом спектакле присутствовал модельер Джанни Версаче, который был настолько впечатлён костюмами Пресс, что признался ей в своём восхищении.

Позже Версаче, вдохновлённый её работами, создал коллекцию в русском стиле (конец 1980-х – начало 1990-х), где барочный шик сочетался с фольклором: меха, золотая вышивка, плотные зелёные, красные ткани, кокошники, широкие пояса, боа. Стиль русских царевен.

Она родилась жарким июнем 1956 года. Над Ленинградом летал тополинный пух. Может, поэтому те, кто её знал, называли Ирину лёгким и тёплым человеком. И ещё – очень воспитанным... Дочерью своих родителей, истинных питерских интеллигентов.

Её мать, Виктория Реготун, была известной оперной певицей (сопрано), солисткой Малого оперного театра (ныне Михайловский театр). Неудивительно, что в доме всегда звучала музыка.

Выверенность, точность, графичность её театральных работ, возможно, перешла от отца, Игоря Пресса. Он был горным инженером, доктором технических наук и профессором.

Ирина Пресс закончила Ленинградскую среднюю художественную школу имени Иогансона при Институте имени И. Е. Репина Академии художеств СССР,

а в 1979 году – сценографический факультет Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии имени Черкасова.

Её первым спектаклем стала комическая опера «Джанни Скикки» Пуччини в Михайловском театре. Неудивительно, Ирина была улыбчивой, а точнее сказать – хохотушкой с тонким чувством юмора.

Потом были постановки в Кировском (Мариинском) театре. Тут до сих пор идёт «Сильфида» с костюмами Пресс. «Знаменитые художники из театра Кирова», – так в 1989 году назовёт Ирину и её супруга-сценографа Вячеслава Окунева британская газета «The Herald».

Дальше была Национальная опера Украины, затем – приглашение в Кишинёв, где талант Ирины и Вячеслава прочно пустил корни. 32 года работы в Национальном театре оперы и балета!

Директор филармонии Светлана Бивол вспоминает: «Когда Ирина Пресс со своим супругом поступили на работу в театр в 1981 году, это было настоящее событие для Кишинёва. Люди ходили в оперу прежде всего для того, чтобы увидеть декорации и костюмы, и только потом – слушать исполнение. Зрители, если видели в афише дуэт Окунев–Пресс, шли на спектакль, потому что дуэт был гарантом успеха, знаком качества».

Нередко, когда на премьерах спектаклей Окунева и Пресс поднимался занавес, ещё до начала действия зал выдыхал восторженное «Ах!», а потом долго рукоплескал потрясающей красоте картины, открывшейся взору.

Работники костюмерного и бутафорного цехов рассказывали, как легко и приятно им было работать с Ирой. Что с её приходом в театр для них начался совершенно новый, удивительный и захватывающий период, когда на работу они просто летели, потому что там их ждали невероятно увлекательные творческие задачи. И что для них было особенно важно, Ира всегда с уважением внимательно прислушивалась к мнению каждого из них, в ней никогда не было ни спеси, ни высокомерия, которые встречаются порою у известных мастеров. Работать с ней было счастьем.

Ира была таким солнечным и тёплым человеком, что даже растения у неё оживали, и друзья шутили, что отдают свои чахлые традесканции ей в санаторий на восстановление.

Когда Ира с мужем приехали в Кишинёв, стены своей квартиры они расписали в стиле декораций классических балетов. Здесь, на фоне росписей старинного замка и тенистых деревьев, шли горячие споры с коллегами и режиссёрами о трактовках их общих постановок. Бывал здесь и знаменитый театральный режиссёр Георгий Товстоногов, совместно с которым была поставлена опера «Дон Карлос».

Говорили обо всём: о кино, литературе, искусстве и о собаках. Ирина их любила, а они любили её. Сначала это был французский бульдог. Очень хохотливая, остроумная, весёлая Ира смеялась, что ей неловко с ним гулять, так они друг на друга похожи. Потом были бесчисленные дворняги, залюбленные и зацелованные.

«В Иру невозможно было не влюбиться, беседы с ней всегда были счастьем», – говорят её друзья и коллеги.

Она умерла в 2021 году от проклятого ковида. Её близкие и искусство осиротели. Но её костюмы, её воображение, её спектакли живут и в Молдове, и в

Санкт-Петербурге. 500 эскизов находятся в семейном архиве, порой они отправляются на выставки, посвящённые Ирине Пресс. А ещё живут её стихи, глубокие и прозрачные.

*Там, где долог взгляд,
Там, где голос тих,
Есть чудесный сад
Лишь для нас двоих...
В том саду есть дом,
Где не гаснет свет,
И где мы живём
Много-много лет.
За стеной дождя
И под крышей туч...
Нашу дверь, войдя,
Я запру на ключ...
И, чтоб выход ты
Позабыл навек,
Уроню я ключ
В прошлогодний снег...*

Сергей ПИЛИПЕЦКИЙ, доктор искусствоведения. Родился 3 декабря 1981 года в городе Флорешты (Молдова). В 2003 году закончил Государственный университет Молдовы по специальности «История», в 2004 году – Академию Музыки, Театра и Изобразительных искусств в Кишинёве по специальности «Академическое пение». Прошёл ассистентуру-стажировку и закончил аспирантуру в Хоровой академии имени В. С. Попова (Москва, 2020), стажировался в Германии и Румынии.

Солист и режиссёр в Национальном театре оперы и балета им. М. Биешу (Кишинёв). Лауреат международных конкурсов.

Преподаватель Высшей дидактической степени. Руководитель хора мальчиков «Признание» в теоретическом лицее им. К. Сибирского.

Марина Вячеславовна АЙДОВА – переводчик-синхронист. Предоставляла услуги по переводу конференций для международных организаций, таких как МВФ, Всемирный банк, ОБСЕ и др. в более чем в 30 странах мира.

Её книга воспоминаний о детстве *From Newbury with Love*, написанная на английском языке, опубликована в Великобритании, США и на Тайване.

В 2011 году в Лондоне состоялась премьера спектакля, поставленного по этой книге.

ПЕРЕВОДЫ

ШТЕФАН СУСАЙ

От переводчика:

Штефан СУСАЙ (Ștefan Susai) – румынский писатель, журналист и исследователь, известный работами, связанными с жизнью и культурой сёл в Республике Молдова и в приграничных регионах Молдовы и Румынии. Родился в Яссах в 1971 году. Изучал право и журналистику в Яссах, в Орадя, два года специализировался в Центре журналистики в Софии. Около пяти лет работал директором радио Frans International (бюро Яссы). Аспирант Молдавской Академии наук, институт филологии. Тема диссертации – «Александру Робот, румынский и молдавский писатель-авангардист, поэт, журналист, литературный критик».

МОЙ СИБИРСКИЙ АКЦЕНТ

Я искал слова.

Русский язык такой красивый и такой недоступный для крестьянина с берегов Прута.

Как женщины между Волгой и Амуром, на завоевание которых уходит жизнь. Двадцатью годами ранее мои руки были будто бы покрыты татуировками. Были исписаны шариковой ручкой.

Чтобы не забыть, как это пишется и произносится – Железнодорожный вокзал.

Чтобы научиться произносить и записывать названия дней недели:

Понедельник, Вторник, Среда, Четверг, Пятница, Суббота, Воскресенье. Я выяснил, что имя Людмила составлено из двух слов: человек дорогой. Женщина ожидает ответа.

А я рассматриваю за окном Москву, подыскивая слова.

Маяковский на моих глазах сжал кулаки.

Взгляд его направлен на столовку на Тверской, переделанную в МакДональдс.

Ах, глобализация ...
А на кофе я гадать не умел ...
У московского кофе был привкус амурской воды, а гуща бугриста, как берега Лены.

Итак, спрашивала меня женщина, из каких же ты мест?
Из Румынии, говорю.
Глаза её заискрились, как молнии в безмятежном небе бескрайней тайги.
Нервно поправила она волосы, но брови её казались дорогами в неоглядных лесах.

Мне она казалась похожей на Аксинью из Тихого Дона.
Но не была она спокойной. Была ураганом.
И казалась безбрежным Амуром, готовым залить меня и утянуть на дно.
Судя по выговору, ты из Сибири, сказала она.
Не надо этого стыдиться.
С чего бы тебе быть румыном?
Повернулась спиной и отделилась от меня.
Я вернулся к газетам, лежащим передо мной.
Вечерняя Москва была торжественной.
Литературная газета писала о новой литературе.
Женщина разметала моё спокойствие.
Кириллические блошки плясали на страницах газет.
Я хотел бы, чтобы Прут был таким, как Амур, или Лена, или Обь.
Я хотел бы, чтобы крестьянки из моих сёл были страстными и ладными, как эта русская с татарскими чертами.
Хотя нет ничего более прекрасного, чем любовь прутской крестьянки.
Аксинья смотрела на меня испытующе.
Было бы хорошо её любить. Было бы хорошо, чтобы она любила меня.
Но между нами простирался не пустой стол, а Прут, Амур, Обь, Лена и мой сибирский выговор.
И тут я вдруг вспомнил из своего прошлого нечто, о чём совершенно позабыл.
Другая русская учила меня языку, начиная с самых простых слов:
Я, ты, мы. Мужчина, женщина. Любовь, семья.
Но всё это унесли вечные воды Амура.
А от нашей любви остался только мой сибирский выговор.

ЧЕМ ПАХНУТ ЖЕНЩИНЫ В СЕЛЕ?

В детстве вроде все пахли одинаково. Сладковатыми и кисленькими духами советского происхождения. Запах загнивающего коммунизма.

Теперь сельские женщины пахнут иначе.

Татьяна пахнет девушкой. Её белая кожа напоминает о детстве, когда ты облизывал замёрзшее стекло и прилип языком.

У Олеси двое детей от одного из самых непутёвых мужчин в селе. Не знаю, как пахнет – несчастьем, дрожжами, незрелым тестом, яблоками, разложенными на газетной бумаге на краю окна, варёной старой курицей и махоркой своего мужа.

Иляна – продавщица в селе. Её руки всегда пахнут докторской колбасой.

Кристина пахнет лаком для ногтей, привезённым из России. Толина жена говорит, что так пахло на подмосковном складе, где раскрашивали рыбу, чтобы выглядела копчёной.

Ольга пахнет жвачкой «Орбит». В прежние времена её мать пахла табаком и жевала сушёные листья как лекарство от всяких хворей.

Нина пахнет шаманом из Сибири. Веет от неё будто бы всеми запахами природы и дымом костра, зажжённого для заклинаний.

Иляна Игорева всегда пахнет плачинтами. С тыквой. Так было с тех пор, как она была ребёнком, и так будет пахнуть, наверное, всю свою жизнь.

Людмила тревожно пахнет нарциссами. Это май. Мать умоляет её не будить чувства мужчин, чтобы не навлечь какого стыда. Многие вертятся вокруг неё, как собаки во время гона. Любуйтесь цветами, но не рвите и не нюхайте их.

Юля пахнет коровьим молоком, и всё же какая она элегантная. Туфли на каблук чуть стоптанные, чёрные чулки, заканчивающиеся где-то под огненно-красной юбкой, белое пальто, сумочка под змеиную кожу. Несколько колец, возможно, из простого олова. Моё состояние преклонения прерывается её словами:

«Мне несколько жаль, но нужно доить корову».

Ага! Вот и всё.

Светлана пахнет акацией. Наверное, от цветов дерева, которые она ест, когда соцветия распускаются.

Инга пахнет кофе с молоком. Может быть, от конфет «Букурия», которые она ест весь день.

Танюша пахнет газом, то есть керосином. Может, она моет детям голову от вшей? В какой-то момент вши исчезли, и слово осталось только в библиотечном словаре.

Маша – самая красивая девушка в селе и пахнет любовью. Так говорят все женщины. Она не путается ни с одним мужчиной. Говорят, что у неё есть один в Кишинёве. Чёрт его знает.

Адриана Василя Молдовану – потому что в селе две Адрианы – пахнет кофе «3 в 1». Покупает пакетики на вокзале в ожидании автобуса. Её уже почти никто не называет по имени. Люди знают её как «3 в 1».

Паулина – студентка искусствоведения, очкастая, интеллигентная. Женщины говорят, что ей здесь нечего искать, и после университета она уедет в Кишинёв или Москву. Пахнет чернилами, и это делает её несовместимой с селом. Некоторые задаются вопросом, не пахнет ли Паулина чернилами от татуировок, сделанных в кишинёвском салоне. Никто не видел её татуировок кроме тех, что на руке или спине, но замужние молодухи говорят, что где-то скрыто от взглядов тату в виде сердечка. И будто бы есть друг-художник, которому она позирует обнажённой. Все знают её запах, но не отвечают на приветствие. Может быть, и у женской ревности есть аромат.

Маруся работает три дня в неделю в сельской аптеке. Пахнет дешёвыми докторами, порошками, от которых ни лучше, ни хуже. Однако все их покупают.

Дарья пахнет мамалыгой. Может быть, потому что трижды в день варит в больших котлах и режет ниткой мамалыгу. Наверное, так.

Лена пахнет яблочным, грушевым, виноградным компотом. Особенно осенью, когда варит и кладет в погреб сотни банок. Зимой немного продает.

Ана пахнет осенью мустом, а затем, до весны, до Пасхи, попахивает сладко-кисленьким вином. Будто бы пропускает со своим муженьком по стаканчику. Но, может быть, так говорят только завистливые женщины.

Наталья пахнет, не знаю как, городом. Неясный запах фастфуда, духи Nina Ricci, Dior или Bvlgari. Как-то раз цыгане привезли в село духи на продажу. Кумушки судачат о ней, нельзя же гулять в голубом платье, бусах, благоухая, как женщины в центре Кишинёва.

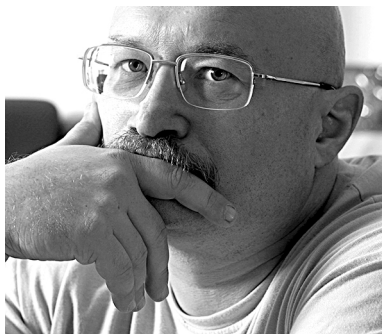
Катерина пахнет жареным мясом, чуть подгоревшими плачинтами, айвой. Значит, опять везёт гостинцы своей сестре в общежитие. Или, может быть, у неё там друг, а говорит, что готовит для сестры.

Вирджиния пахнет приятно. Восточными травами, степью, холодным ветром с Амура. Я думаю, она берёт свои духи в дьюти-фри, когда ночью проезжает с соляровкой в Румынию.

Анния, прекрасная девушка, пахла травой весной, маком летом, подсолнухом осенью, а зимой, на Рождество, ладаном. Около года назад видели, как она занималась любовью в стогу сена. Может, потому и пахла травой. Но потом забеременела от парня из соседнего села, и теперь от неё тянет мыльной содой и сигаретами «Беломор», которые курит её муж.

Перевёл с румынского языка

Олег КРАСНОВ

Олег КРАСНОВ. Доктор филологии, окончил докторантуру Бельцкого ГУ, филфак СПбГУ, гумфак Славянского университета РМ, матфак Кишинёвского ГУ. Публиковался в журнале «Философский полилог» СПбГУ, в молдавских научных журналах. Тема исследований: средневековые и современные произведения о Владе III Басарабе (Дракуле); средневековая русская публицистика.

Автор сборников рассказов «Репетитор» (Дюсель-дорф), «Шелковица» (Кишинёв). Публиковался в литературных журналах «Идіотъ», «Юность», «Кольцо А», «Топос», «Русское поле», «Венский литератор», «Зарубежные задворки», в белоарапских сборниках, в белорусско-молдавском альманахе «Созвучие сердец» и других. Автор пьесы «Нить Ариадны». Редактор сборников прозы «Толстый журнал», «Анталогия белых арапов», «Белое пятно». Входил в литературную группу «Белый Арап», выпустившую 9 сборников рассказов и 3 авторских сборника.

Как журналист сотрудничал с рядом изданий Молдавии, России, Киргизии, США, Франции, на постоянной основе с газетами «Экономическое обозрение» Логос-Пресс, «Аргументы и факты в Молдове», журналом «Public», интернет-порталом «AVA». В прошлом редактор журнала «Лужа», член редколлегии газеты «Аргументы и факты».

Переводил с румынского языка на русский художественную литературу и книги по истории: роман Саватия Баштового «Дьявол политкорректен», прозу и драматургию Константина Кеяну, рассказы Штефана Сусая, статьи Мирчи Чобану, Николеты Есиненку, другое.

Победитель международного конкурса «Литературная Вена» (Австрия) в номинации «проза». Лауреат премии Ассоциации русскоязычных журналистов. Дипломант международного конкурса «Музыка перевода». Член СП РМ, Ассоциации русских писателей РМ, Ассоциации русскоязычных журналистов РМ.

Зёрна и плевелы

КРИТИКА

АЛЕКСАНДР ЛЕВИЦКИЙ-КАМАЕВ

ДЖЕЙМС

Литературный 2025 год был очень насыщенным. Ещё не скоро мы перечислим все достойные внимания читателя произведения. Одним из них является книга лауреата Пулитцеровской премии Персиваля Эверетта – роман «Джеймс».

Книга получилась странная. Одни критики восхваляют её за разоблачение рабства и гнетущей злобности белых по отношению к неграм-рабам, другие обижаются за переделку легендарной книги Марка Твена «Приключения Гекльберри Финна», из которой, как известно, вышла вся американская литература (Эрнест Хемингуэй об этом сказал, не я). Третьи считают, что роман написан в жанре «попаданчества», просто автор забыл сказать о том, что это фантастика. Они подозревают, что Главный Герой (ГГ) попадает в тело раба Джима прямо из Америки двадцать первого века.

Если исходить только из текста романа, все перечисленные точки зрения владельцев различных мозгов имеют право на жизнь. А если немножко подумать да прочесть ещё что-нибудь из крупного творчества Персиваля Эверетта, то картинка получится несколько иная. Ведь всё предыдущее творчество автора противоречит смыслу означенного романа. Писателя или не поняли, или нарочито сменили акценты.

Это как с «Хижиной дяди Тома» – романом американской писательницы Гарриет Бичер-Стоу, где «северяне» не заметили самого главного. Того, что основной злодей романа именно северянин и книга написана как предостережение Югу. Тем не менее она стала знаменем борьбы северян против рабовладельцев-южан.

Персиваль Эверетт – мой ровесник, он родился в той благословенной Америке, которую мы до сих пор любим. Он воспитывался на великолепных мюзиклах, прекрасных фильмах, великой литературе Марка Твена, Эрнеста Хемингуэя, Кена Кизи, Курта Воннегута. Во время его юности ещё можно было найти в библиотеке книгу «Унесённые ветром» Маргарет Митчелл, да и фильм посмотреть, не прилагая особых усилий. Ещё «Гекльберри Финн» Марка Твена не был изъят из школьных программ и не был кастрирован профессором Аланом Гриббенем, который 217 раз заменил слово «негр» на что-то более политкорректное. То есть образование Персиваль Эверетт, заслуженный профессор английского языка в Университете Южной Калифорнии, получил классическое.

Если исходить из того, что бабушка Эверетта была рабыней с Юга, то можно предположить, что она передала внуку ненависть к угнетателям-плантаторам, вот только об этом ли книга?

В его рассказе «Присвоение культур» описывается случай, когда в кафе, где собираются афроамериканцы, приходят белые парни и заказывают чернокожему гитаристу исполнить песню «Дикси», неофициальный гимн Конфедерации, той самой, что угнетала рабов. Но когда солист начинает петь ненавистную песню, *«то обнаруживает, что понимает, о чём поет: “В стране Дикси я отстою своё право жить и умереть в Дикси”*. Его выступление идёт прямо из сердца... Ему понравилась песня, он хочет сыграть ее ещё раз, и знает, что так и будет». В итоге поют все. Со слов журналистки Майи Биньям, как-то Парсиваль Эверетт назвал «Дикси» – «чёрным гимном».

Что это? Внук бабушки-рабыни с тоской вспоминал неволю? Эпатаж и шокирование читателя? Возможно, вспоминая название рассказа, это присвоение культуры без её осмысления? Или попытка перенаправить осмысленное, естественное развитие культуры в неестественное русло?

Рабовладелец, плантатор и участник Гражданской войны на стороне Конфедерации, «отец» американской литературы Марк Твен в романе «Приключения Гекльберри Финна» описал старый довоенный Юг. Тот Юг, который успел создать свою культуру. Возможно, такие группы как «Скорпионс» и «Рамштайн» и не подозревают, что в их композициях звучат отголоски рабского Юга.

Спиричуэлс, джаз, кантри, ритм-энд-блюз, соул, фанк, рок-н-ролл, блюграсс, вплоть до хэви-метала, являются развитием музыки чернокожих собирателей хлопка Юга и белых рабов Севера. Именно белые и чёрные рабы создали музыкальную культуру США. Они заставили сильных мира сего танцевать и петь под их музыку.

А теперь кому-то понадобилось разорвать единое тело американской культуры на расовые клочки.

Надо сказать, что Эверетт на дух не выносит переполненную белым садизмом афроамериканскую литературу. Герой его романа «Стирания» Монк Эллисон очень похож на самого автора. Он пишет романы, которые «не могут удовлетворить запросы рынка, редакторы жалуются, что последняя рукопись Монка недостаточно «чёрная». Сам о себе ГГ говорит: *«Я стал жертвой расизма из-за того, что не смог признать расовые различия и занимался искусством вместо того, чтобы упражняться в расовом самовыражении»*. Но жизнь заставляет писателя написать «чернуху», и он получает за книгу большие деньги. Монк ненавидит книгу, считая её расистской, но деньги берёт.

Мне кажется, что внутренний мир самого Эверетта хорошо показывает его персонаж из рассказа «Watershed» – «Переломный момент».

«Я думал о том, как много сделал, чтобы вычеркнуть всю политику из своей жизни... Я не заговаривал о политике и сам не поддерживал такие разговоры, не придавал значения тому, о чём читал в газетах, и не чувствовал вины за то, что не участвовал в решении общественно значимых вопросов. Я не знал и не чувствовал свою солидарность с чернокожими людьми. Я вообще особо ни с кем не чувствовал солидарность, стараясь избегать чужого общества... Я не верил в Бога, не верил в расу, и, что самое главное, не верил в Америку. Мне просто было всё равно, до лампочки, я отказывался вникать в это».

И вот такой автор написал для нас «Джеймса»! Да ещё и заявляет, что за эту книгу он будет гореть в аду. Более того, сам автор недоволен признанием, он-то надеялся, что книгу запретят. Но её, как и «Хижину», сделали знаменем.

Надеюсь, что Персиваль написал эту книгу для денег. Потому что иначе её появление будет означать то, что система съела бунтаря. И тогда для меня закончится эра великой американской литературы.

Но ...

Я думаю, что эта книга о ненавистной, проклятой любви. Слияния культур не состоялось. Чёрная кровавая почка распускается на белёсом стебле. Её уже не вытравить. Тем более что белый стебель требует всё большей кровавости.

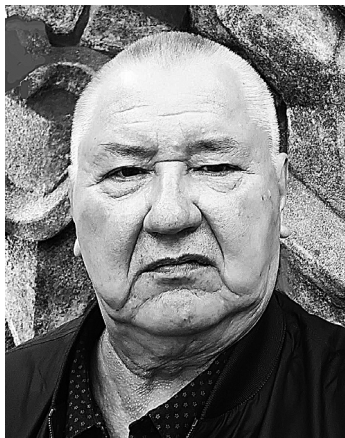
А ведь, на мой взгляд, Персиваль Эверетт на самом-то деле написал роман-стёб. Он горько смеётся и над белыми, и над чёрными. Он сделал то, что мог. Своим творчеством он пытался нащупать дно в обезумевшей современной литературе (не только в американской!), но так его и не обрёл.

P.S

Книгу надо читать. Желательно параллельно с книгой Марка Твена. Получите исключительную пищу для ума.

P.P.S

Слава богу, в России вовремя одумались и затеяли консервативную литературную контрреволюцию. Бог и Искусственный Интеллект им в помощь!

Александр ЛЕВИЦКИЙ (псевдоним Александр Камаев-Левицкий). Родился в селе Терновка Приднестровской Молдавской Республики (ПМР). Член Союза писателей России. Член Ассоциации русских писателей Республики Молдова.

Писатель-фантаст, автор романов «Катехон», «Каникулы 2020, или галопом по Европам», «BUG или камушек в сапоге», сборника рассказов «Время ЧЕ», критических статей для «Литературной газеты» и других изданий.

Первый луч

МАРИНА РУСУ

ПРИЗНАНИЕ

Он заплакал неожиданно. Сначала стоял неподвижно, опустив голову, будто хотел спрятать её. Потом его плечи дрогнули, и слёзы прорвались, катясь по лицу.

– Я верующий человек... – рыдания мешали ему говорить. – Я сам во всём виноват. Мне не нужно было пить... Алкоголь, вероятно, стёр мою память. Но я верю, что случайностей не бывает. Если так случилось, что я был рядом с этим местом и именно меня признали виновным, значит, это был я.

Зал замер. Прокурор перестал листать бумаги и сжал в пальцах ручку так, что та отчаянно щёлкнула. Адвокат неловко поправил очки, кашлянул, но не сказал ничего. Представитель тюрьмы, только что ходатайствовавший об освобождении, опустил глаза в бумаги и кивал, словно соглашаясь с мыслью, что случайностей не бывает.

Из приоткрытого окна доносилось щебетание воробьёв – они суетились в ветвях старого абрикосового дерева во дворе. В зал проникал запах сырой древесины и тёплой пыли, с улицы тянуло весной. Этот лёгкий, мирный шум казался особенно чужим в этом зале.

Кто-то в коридоре торопливо прошёл мимо – каблук гулко стучал по плитке. В солнечном луче, пробившемся из окна, лениво кружилась пыль. Всё вокруг жило своей обычной жизнью, и только в центре зала стоял он, не поднимая головы, – как будто весь этот мир существовал отдельно от него.

* * *

Судья поправила выбившуюся прядь волос и сделала несколько больших глотков воды. Несколько дней у неё держалась температура, и она была рада, что это последнее заседание на сегодня.

Она много раз читала приговор, приобщённый к делу. И каждый раз ловила странное ощущение: будто буквы не написаны на бумаге, а висят на невидимой паутинке. Каждая на своей ниточке, случайно цепляясь за соседнюю. Чем дальше она читала, тем более хрупкой становилась сеть. Казалось, вот-вот всё разорвётся, и они посыплются вниз, окончательно уничтожив любые остатки смысла.

Критиковать приговор, вынесенный не тобой, – сомнительное занятие. Ведь ты не исследовал доказательства, не слышал свидетелей, не задавал вопросы. Но приговор должен быть написан так, чтобы даже тот, кто не участвовал в процессе, смог, следуя своей логике, прийти к тому же выводу, что и судья, поставивший подпись.

Она вспомнила слова своего преподавателя, сказанные когда-то на лекции по уголовному процессу: «Признание не должно ослеплять вас. Уберите его из дела. Если доказательств достаточно – к ним можно добавить признание. Но если доказательств не хватает, признание никогда не оправдает слабость или противоречивость доказательной базы».

* * *

Вечером накануне заседания она снова перечитывала приговор. Трое бездомных были жестоко избиты. От множества ударов, колотых и резаных ран все трое скончались. Орудиями стали кирпич, обломанное горлышко бутылки. У одного из убитых не осталось лица. У женщины – признаки сексуального насилия, расколот череп.

От сухих строк экспертизы становилось жутко.

Первым по делу был арестован его приятель, ранее судимый за хулиганство. На руках – сбитые костяшки пальцев. Позже он дал показания против подсудимого и был освобождён. Его алиби подтвердили свидетели.

Подсудимый, студент духовной семинарии, приехал в Одессу учиться из маленького южного молдавского села.

Его признание нравилось ей меньше всего. Сухое и немногословное: признаёт вину, но из-за алкоголя не помнит ничего. От следствия не скрывался, потому что плохо помнил тот вечер и не знал, что совершил преступление, пока его не арестовали.

Она читала и злилась. Шумно выдыхала и чувствовала, как жар усиливается. Глаза слезились, и оттого строчки текста плясали, и казалось, что это ещё сильнее мешало ей уловить логику аргументации.

* * *

В заявлении об условно-досрочном освобождении он писал: раскаивается, жалеет, что жизнь этих людей не вернуть, он верующий, и нет дня, чтобы он об этом не думал. И ещё много-много слов сожаления.

Трогательное заявление – или искреннее, или талантливое. А может, всё сразу.

На заседании он повторял то же самое: мысль о том, что это сделал он, для него невыносима.

Она спросила о планах.

– После ареста, ещё до приговора, меня исключили из духовной семинарии. Потом перевели отбывать наказание в Молдову. Если освободите, хочу закончить учёбу.

– Сможете работать священником? – спросила она.

Он снова опустил голову и сник.

– Не знаю.

Адвокат шумно переложил бумаги, словно хотел заполнить паузу.

* * *

Она перелистала пожелтевшие страницы дела и наконец решилась подойти к вопросу, который мучил её больше всего:

– Вы признали вину. Но в приговоре указано, что в своём признании вы объяснили: после бутылки пива ничего не помните. Ни деталей. Ни мотива. Не можете объяснить, куда делась ваша куртка со следами крови. Экспертиза говорит о многочисленных ударах. Одну из жертв не удалось опознать из-за сильных травм лица и черепа. Вы не помните ничего из этого? Были ли вы один? Почему нанесли первый удар? Куда пошли после? Почему не подозревали, что могли избить до смерти трёх человек, пока вас не арестовали?

Он стоял, втянув голову в плечи. Мокрые пятна на рубашке расплзались всё шире. Плечи тряслись.

Он плакал.

Она терпеливо ждала его ответов.

– Меня самого ужасает всё, что произошло, – наконец произнес он. – Я не могу ничего объяснить. Мне сказали, что меня опознали свидетели. И знакомый, с которым мы были в тот вечер, сказал, что я пошёл в сторону того места, где их нашли. Я не знаю, мог ли это сделать кто-то другой. Но если это сделал я, то я чудовище.

* * *

Адвокат тихо произнёс: «Он заслуживает шанс». Представитель тюрьмы снова кивнул.

Формально оснований для отказа не было. Примерное поведение, ни одного нарушения. Всё выглядело как абсурдная головоломка. Казалось, всем в зале стало бы легче, если бы он знал ответы на эти вопросы. Даже спустя пятнадцать лет.

В зале снова повисла гнетущая тишина.

– Что бы изменило, если бы я помнил?.. Их не вернуть. И я почти отбыл свой срок, – произнёс он.

Убирая дела в сейф перед уходом, она чувствовала, как всё ещё злится. Факты, установленные вступившим в силу приговором, считаются неоспоримыми. И в этом было самое мучительное: читать решение, которое обрело силу истины только потому, что его не обжаловали. Внутри неё всё сопротивлялось – аргументы противоречили друг другу, мотивация не имела связи с фактами. И у неё не было власти что-то изменить.

Возможно, действительно он их убил, но приговор рождал в этом сомнения.

ВЫСТРЕЛ

Судебное заседание было назначено на утро, и она проснулась задолго до рассвета. В такие дни было сложно уснуть: слишком громко стучало сердце, слишком тяжелыми были мысли. Сквозь плотные шторы сочился тусклый свет – неутешительный и серый, как сама зима. В кабинете было тихо, только из коридора доносился гул пылесоса. Если прийти на работу до семи, можно застать процесс уборки зала суда.

На письменном столе лежала тонкая папка – удивительно лёгкая для своего содержимого.

В ней: заявление осуждённого, документы о его поведении, характеристика администрации тюрьмы, извещения о судьбе дочерей, списки тех, кто отправлял

посылки и приходил на свидания, среди которых не было их имен. И несколько её собственных листов – исписанных от руки. На этих листах были вопросы. Такие, на которые нельзя ответить, не раскрыв душу.

Он отбывал наказание за убийство жены. Он ждал её с ружьём у ворот дома. Она вернулась из Италии после шести месяцев отсутствия. Работала там – уехала без его разрешения. У них было двое детей. Маленькие девочки. Он выстрелил при них. При соседях. Выстрелил дробью. Рискаю попасть и в людей вокруг.

Тринадцать лет спустя он просит свободу. За полгода до истечения срока. Говорит, хочет работать, помочь дочерям. Говорит, раскаялся и сожалеет.

Она не знала, раскаялся ли он. Но точно знала одно: есть покаяние, которое живёт в глазах. Есть ложь, завёрнутая в правильные слова. И есть ответственность, которая никогда не отпускает судью, – даже спустя годы.

В таких делах было страшно ошибиться. В таких делах страшно было отпустить того, кто не простил саму жизнь.

Она допила холодный кофе. Оделась. Прикрепила на лацкан мантии маленькую брошь в виде весов – подарок старшей дочери. И взяла в руки дело.

Сегодня она собиралась задать вопрос, на который нельзя было подготовить ответы. Вопрос, который мог или открыть человеческое сердце, или окончательно закрыть его навсегда.

Зал был почти пуст. Только прокурор, представитель тюрьмы, судебный секретарь и сам осуждённый. Он вошёл уверенно, сдержанно. Не торопясь, не опуская взгляд. Казалось, тринадцать лет сделали его спокойным. Или привычным к наказанию. Или толстокожим.

Она наблюдала за ним, не поднимая глаз от бумаг. Давала себе ещё несколько секунд, чтобы почувствовать – что стоит за этим спокойным человеком в серой форме, за руками, сложенными на груди, за взглядом, в котором не было страха.

– Вы поддерживаете своё заявление об условно-досрочном освобождении? – её голос прозвучал спокойно. В нём не было ни обвинения, ни сочувствия. Только усталость.

– Да, – ответил он. – У меня остались дочери. Я хочу быть рядом. Помочь им. Встать на ноги. Хочу начать работать. Помогать. Пока не поздно.

«Пока не поздно» ... Её пальцы невольно сжались.

– Помните ли вы тот день, когда это произошло? Можете рассказать, как всё было?

Он кивнул. Говорил без запинки, как будто не раз прокручивал этот рассказ в голове.

Он знал, когда она вернётся. Он вышел заранее. Зарядил ружьё. Спрятался. Ждал. Почти два часа. Девочки плакали и умоляли отца отдать ружьё.

Когда она подошла к воротам, он вышел. Она его увидела. И ружьё. Он целился в грудь. В последний момент она протянула к нему руки.

– Она знала, – сказал он. – Знала, что поступила неправильно. Смотрела на меня... но уже было поздно.

– Почему вы это сделали?

– Она уехала без моего разрешения. Она опозорила меня перед всеми. Ходили слухи. Я подозревал... Я злился.

Его глаза светились от гнева, грудь тяжело вздымалась под одеждой.
Она молчала. Только кто-то неловко откашлялся в углу.
Она перевела взгляд на бумаги, но не читала. Она знала этот вопрос наизусть.
– Если бы у вас была возможность вернуться в тот день... до того момента, как вы нажали на курок, – начала она, чуть приглушив голос, – что бы вы сделали?
Он поднял на неё глаза.
На секунду – всего на одну секунду – она увидела, как на его лице что-то дрогнуло. И исчезло.
Он пожал плечами. И сказал:
– Я бы выстрелил ещё раз.
Глухая, почти физическая тишина повисла в зале.
Она кивнула. Медленно, почти незаметно.
Сделала пометку в деле. Закрыла папку.
Это был не суд. Он уже получил свой приговор тринадцать лет назад. Это было зеркало. И он в него заглянул.
Когда дверь зала закрылась за последним участником, она осталась одна. На столе – дело, уже почти не нужное. Решение было принято. Она отклонила его заявление. Не потому, что он был убийцей, – она знала, что за решёткой некоторые меняются. А потому, что он – не изменился.
«Я бы выстрелил ещё раз».
Не дрогнул. Не задумался. Не пожалел.
Она сняла мантию, медленно, как будто сбрасывая с себя не только ткань, но и холод, который осел на плечах после его слов.
Прошла к окну. Во дворе здания суда метель приглушала всё – шаги, шум машин, даже время. Люди спешили, кутаясь в шарфы, не подозревая, какие решения рождаются в этих стенах.
Она подумала о его дочерях. Двух девочках, которые выросли без матери и без отца.
О той старшей, что, став взрослой, вытянула за руку младшую из детского дома, словно из темноты. Не бросила. Не отвернулась.
Они за тринадцать лет не прислали ему ни одной посылки. Не пришли ни на одно свидание.
Она вернулась к столу и взяла ручку.
«В удовлетворение заявления отказать».
Подпись.
Дата.
Она сняла очки и закрыла глаза. Перед ней вспыхнуло лицо той женщины, у ворот дома – испуганное, с поднятыми руками.
И взгляд человека, который нажал на курок.
Дважды – тринадцать лет назад и сегодня.

САМООТВОД

– Ты будешь моей! – кричал он, прижимая её к себе. – Никому не достанешься!
Ей было двенадцать. Его руки сдавили рёбра так, что дыхание перехватило, в ушах загудело. Она вырывалась, царапалась, билась локтями, пока не удалось

выскользнуть. И рванула со всех ног домой, книги рассыпались по дороге, но было не до них.

А за спиной гремел его голос, полный безумной уверенности:

– Ни с кем не целуйся! Ты вырастешь – и мы поженимся!

Она влетела в дом, захлопнула дверь и прижалась к стене. Сердце билось так, что, казалось, его слышат соседи. Его стук отдавался в ушах, и тело вздрагивало с каждым тактом.

* * *

Она открыла глаза и потерла виски пальцами, пытаясь унять головную боль. От воспоминания внутри всё сжалось так же, как когда-то в детстве.

На столе перед ней лежала папка с делом. Сухие протоколы, штампы, фотографии. Лицо на снимке не оставляло сомнений. Это был он.

Дело о незаконном пересечении государственной границы. Подсудимый состоит на учёте с психиатрическим диагнозом. В протоколе допроса он утверждает, что он пророк и сын Бога, что ему известно всё на свете.

Она снова провела пальцами по виску. Невозможно было поверить, что эти два мира – её детские страхи и нынешняя работа судьи – вдруг сошлись в одной точке.

* * *

Когда-то он был гордостью школы. Учился легко, говорил на нескольких языках, читал книги, которых не касались даже учителя. Мать гордилась им, соседи говорили – способный парень, из тех, что вырываются «в люди». А потом – тишина, слухи о сумасшествии. Потом он пропал. Все знали – лечится. В школу обратно не взяли.

Потом он решил влюбиться в соседскую девочку. И не давал ей спуска. Караулил, подкрадывался, лез целоваться.

Теперь он подсудимый. И случай равнодушно вернул его в её жизнь.

* * *

В кабинете стояла тишина. Сквозь приоткрытое окно доносилось птичье щебетание и далёкий гул улицы. Солнце пятнами ложилось на бумаги, делая чернила теплее, чем они были на самом деле.

Она смотрела на эти страницы и думала: как странно устроена память – она не отпускает, пока не встретит тебя там, где ты уже стал другим. Иногда жизнь подбрасывает встречи, которых не должно быть. Испытания, которых не заслуживаешь.

* * *

Мысль о том, что он увидит её в зале, казалась невыносимой. Она представила его взгляд, его голос, тот же обрывок фразы, произнесённый много лет назад. Жаль, что нет такой судебной процедуры, которая бы защитила судью от собственной памяти.

Она взяла ручку и написала заявление о самоотводе.

* * *

Канцелярия примет заявление. Дело передадут другому судье. Всё по закону. Всё правильно.

Но правильность не всегда приносит облегчение.

Она ещё долго сидела неподвижно, глядя на ровную стопку дел. Перед глазами стояла девочка, бегущая по пыльной улице, и мужчина, кричащий ей вслед о любви.

Иногда справедливость не в решении, а в отказе от него.

Не в том, чтобы поставить подпись, а в том, чтобы остановиться, пока прошлое не стало судьёй в твоём настоящем.

* * *

Она выключила настольную лампу, надела пальто и вышла в коридор.

Уборщица протирала перила, судебный секретарь в наушниках печатала за столом, где-то хлопнула дверь.

Обычная жизнь – устойчивая, деловая, как будто всё на своих местах.

Она шла медленно, и каждый шаг отдавался гулом в пустом коридоре.

Наверное, прокурор удивится, что она передала это дело.

И, может быть, это и есть то самое равновесие, о котором столько лет говорят в учебниках права: не теоретическое, а внутреннее.

Она остановилась у окна. На дворе темно.

Люди спешили домой, держа пакеты, сумки, детей за руки.

Внутри было спокойно. Может быть, справедливость – это и есть умение вовремя остановиться и не судить, когда прошлое слишком сильно болит.

Марина РУСУ, судья (с 2012 г.). Кишинёв, Молдова.

По образованию юрист. Окончила Комратский государственный университет (юриспруденция) и Славянский университет Молдовы (магистр психологии).

С 2025 года – председатель Ассоциации судей «Голос Юстиции». С 2019 года – активный член международной сети по юридическому образованию для детей и подростков. С 2017 года – автор и соорганизатор ежегодной национальной выставки коллекционеров декоративных растений. Мать семерых детей.